

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В Е С Т Н И К
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 5

ПСИХОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
И.К. Шаранхаев, канд. физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); *Н.Н. Татарникова* (зам. председателя, директор Издательства БГУ); *Т.С. Базарова*, д-р пед. наук, доц.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук, проф.; *А.В. Гаськов*, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. наук, проф.; *Ц.З. Доржиев*, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имixelова*, д-р филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева*, канд. филол. наук, проф.; *К.Б-М. Митупов*, д-р ист. наук, проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук, проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук, доц.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

Т.С. Базарова, д-р пед. наук, доц. (главный редактор); *Т.Л. Миронова*, д-р психол. наук, проф. (зам. гл. редактора); *Т.А. Терехова*, д-р психол. наук, проф. (Чита); *Б.А. Глазунова*, канд. психол. наук, доц.; *А.М. Бадонов*, канд. психол. наук, доц.

В Е С Т Н И К
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 5

ПСИХОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 153.75 + 370.153

© В.П. Песков

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ БЫТИЯ

Рассматривается связь представления и бытия. Выделяются особенности модальных и амодальных представлений. Затрагиваются вопросы гносеологии и онтологии представления. Представление рассматривается как знание, как событие внутренней жизни личности, переживаемое им заново.

Ключевые слова: представление, гносеология, онтология, бытие, событие, переживание.

V.P. Peskov

REPRESENTATION IN A SYSTEM OF BEING

A relation between representation and being is considered. Features of modal and amodal representations are identified. The issues of epistemology and ontology of representation are concerned. The representation is considered as knowledge, as an event of personality's inner life experienced once again.

Keywords: representation, epistemology, ontology, being, event, experience.

В зависимости от того, что вкладывает ученый в понимание представления как психического явления, основания этого процесса открываются ему с различных сторон. Проведенный нами анализ психологических исследований [12] современной психологической литературы показал, что в большинстве случаев представление рассматривается как психический акт, вырванный из контекста бытия (индивидуального контекста жизни).

Вопрос о связи представления с материальным, с окружающей человека реальностью – это вопрос, который поднимался не одним поколением ученых. С.Л. Рубинштейн [17] указывает на то, что источником психической деятельности является мир, воздействующий на мозг. Опираясь на его рассуждения [17], можно выделить следующее: во-первых, то, что это вопрос не только о познаваемости, но и об управляемости представлениями; во-вторых, то, что решение вопроса о зависимости протекания представления от объективных условий определяет пути его формирования, направленного изменения; и наконец, в-третьих, что проблема представлений оказывается неразрешима, если не раскрыто отношение психических явлений к внешнему миру.

Проведенный нами анализ показал, что наука по-разному трактует окружающую человека данность: природа, космос, реальность, окружающий мир, и наконец, бытие. Все зависит от того, какого стиля мышления придерживается ученый, и того, какие отношения связывают че-

ловека с этой данностью. Любая фундаментальная психологическая концепция затрагивает общетеоретические проблемы, базирующиеся на философии.

Например, Дж. Беркли поставил под сомнение наличие объективной реальности, в то время как Ч. Пирс и Д. Дьюи считали, что каждый создает свою собственную реальность. В отечественной психологии С.Л. Рубинштейн [17] указывал на то, что психические явления, к коим относится и представление, – это отражение мира как объективной реальности.

Таким образом, проблема познания ставится во главу угла науки, а проблема адекватности психического отражения – в психологии. Представление же полагается как разновидность познания, поэтому, например, в нейролингвистическом программировании указывается на то, что мы имеем дело не с реальностью, а с ее моделью, представленной в сознании, в т.ч. представлениями. Однако, если встать на позицию, что каждый создает в представлениях свою модель мира, то возникает вопрос: «Каким же на самом деле предстает перед нами бытие?»

Уже на уровне ощущений, а затем и восприятий мы сталкиваемся с ограничениями. У каждого свой порог чувствительности. Органы восприятия расщепляют мир на миры в зависимости от того, какая репрезентативная система у данного человека доминирует. Хотя человек воспринимает окружающее его бытие полимодально, он оценивает и представляет события, основываясь на информации, полученной от до-

минирующей репрезентативной системы. Поэтому на уровне представлений могут происходить искажения, связанные с личным опытом человека, скрывая от него бесконечное разнообразие бытия. В связи с этим для А.А. Ухтомского образ, а, значит, и представление – это эскиз реальности, для Л.С. Выготского – проект реальности, для М.К. Мамардашвили события в мире доопределяются в их «органах жизни».

Однако природа познания определяется не только свойствами объектов посредством собственных анатомо-физиологических структур. Высшую ступень чувственных образов занимают образы представления, возникающие в отсутствии объекта поля восприятия. В этом случае какая-то характерная деталь может замещать образ целиком. Любое представление выступает не только как результат процесса отражения действительности, вторичный образ среды, картинка, схема, карта, эталон и т.д., но и как переживание индивида, как регулятор его активности. Оно обладает реальностью для него, как и окружающая его действительность, а значит, имеет собственное относительно независимое бытие.

Исследования показывают, что создание образов, в т.ч. представлений, и оперирование ими являются фундаментальной особенностью интеллекта. Значит, представления возникают на основе уже имеющегося знания. Они формируются на основе общих всем значений предметов, средств и способов деятельности, в которых отражено и выражено знание закономерностей объективного мира. Именно знание опосредует отношение человека к действительности. В долговременной памяти содержится большой объем знаний в самом широком смысле этого слова, включая образы, события, истории, слова, сюжеты, понятия, законы, теории. Вступая в отношения, человек уточняет это знание в ходе процесса представления, создавая представление, лежащее уже на более высоком уровне обобщения по сравнению с предыдущим знанием. Но процесс представления опирается не только на отношение между объектами или субъектами, но и на отражение окружающей человека действительности.

Таким образом, здесь мы соприкасаемся с вопросом о том, как отдельные вторичные образы детерминируют целостную картину мира и, наоборот, каковы законы интеграции образов? Рассматривая эти вопросы [16], мы показывали, что современный взгляд на мир среди прочих свойств определяет его многогранность и многомерность, выделяя тенденцию на сближение

внутреннего и внешнего миров жизни человека. Мы показали, что образ мира – это своего рода мозаика, которая складывается из отдельных образов, представлений. Конечно же, существует взаимная детерминация: от целого к части и от части к целому.

Опираясь на работы А.Н. Леонтьева, С.Д. Смирнова, Б.М. Петухова, можно сказать, что интегральный образ задает систему ожиданий, установок, на основе которой уже затем идет структурирование поступающей информации. Любой образ является элементом интегрального образа реальности, который с самого начала развивается и функционирует как некоторое целое, предшествующее информации от внешнего и внутреннего источников. Главный вклад в построение любого образа вносит именно интегральный образ реальности. Как целое под влиянием текущей информации, он и перестраивается. Результатом процесса познания является и поток образов в сознании, и обогащаемый текущим опытом интегральный образ реальности. Но тогда, опираясь на взаимную детерминацию, можно предположить, что должна существовать единая структура образа, способная отразить как конкретную вещь, так и мир в целом, нашедшая воплощение и в единичном образе, и в интегральном.

В данной статье мы постараемся затронуть вопросы гносеологии и онтологии представления, поскольку каждая из них затрагивает разные стороны одного и того же явления, что расширяет возможность его экспликации.

Гносеологическая парадигма (объект-образ) направлена на изучение состава структуры информационного содержания представления, рассматривая его в качестве продукта отражения. И здесь на первое место для нас выходит идея С.Л. Рубинштейна: «Психические явления, как и любые другие, связаны со всеми явлениями жизни, со всеми сторонами и свойствами материального мира» [17, с.1]. Кроме того, это современные положения системного подхода, учитывающие тенденции развития современной науки, положенные нами в основу изучения представления как психологического феномена и разработки структуры представления [12], а также положение Е.Ю. Артемьевой [2] о том, что описание структуры представления, его содержательной стороны не менее полезно для описания представления мира человеком. Здесь мы подходим к вопросу о необходимости исследования структуры представления, ее компонентов и связей между ними, поскольку решение этого вопроса позволит нам определить то общее, что

объединяет единичные и интегральные представления между собой.

Говоря об онтологической парадигме, надо указать на то, что для экспликации представления необходимо рассмотреть его в развитии, т.е. с эволюционной точки зрения. И здесь на первое место выходит идея о неразрывности мира и человека, на что указывали и В. Франкл [21], и С.Л. Рубинштейн [17]. Для первого – человек находится внутри бытия, а не только бытие вне его сознания, для второго – не только мир находится в сознании, но и сознание существует в мире. Таким образом, человек и его сознание существуют, функционируют и развиваются согласно не только внутренним детерминантам, но и внешним, т.е. и по закономерностям бытия, в котором они существуют. В этом и заключается онтологическая сущность. Человек – это и социальное, и природное явление одновременно.

В наших более ранних исследованиях [14], [15], [16] мы уже определили в качестве одного из методологических оснований для экспликации представлений антропологические идеи Л. Фейербаха [8], М. Бубера [8], М. Бахтина [8], нашедшие продолжение в работах С.Л. Рубинштейна [18], В.П. Зинченко [6], В.Н. Дружинина [5], А.В. Барабанщикова [3] и др. в том, что внутреннее содержание человека включает все богатство отношений к миру в его бесконечности, что в онтологии человека наличие не только действенного, но и познавательного, созерцательного отношения к миру.

Однако антропологическое содержание познания включает не только социокультурную обусловленность, но и исследование бытийного статуса познавательной деятельности в системе отношений «человек – мир» у С.Л. Рубинштейна [17] или «человек-среда» у В.Н. Дружинина [5], что безгранично расширяет понимание самого человека познающего, а познание не сводится к взаимодействию субъекта и объекта как сознания и бытия.

Отправные точки для сделанного нами утверждения мы находим в работах Ш. Бюлер [5] и С.Л. Рубинштейна [18]. Стержнем в исследованиях Ш. Бюлер [5] стало понятие «событие», которое рассматривается ею в двух ипостасях – «внешнее» и «внутреннее».

С.Л. Рубинштейн [18] в своих рассуждениях уточняет психологический статус феномена события внутренней жизни личности. Он определяет его как явление, которое занимает определенное место в историческом ряду событий внутренней жизни личности, обладая специфичностью, т.е. неповторимостью и значительно-

стью, став переживанием для личности. Кроме того, С.Л. Рубинштейн [17, с. 6] указывает: «Все явления в мире взаимосвязаны. Всякое действие есть взаимодействие, всякое изменение одного явления отражается на всех остальных и само представляет собой ответ на изменение других явлений, воздействующих на него. Всякое внешнее воздействие преломляется через внутренние свойства того тела, явления, которое ему подвергается. Всякое взаимодействие есть в этом смысле отражение одних явлений другими».

Из сказанного следует, что с гносеологической точки зрения бытие (жизнь) и представление о нем едины, поскольку предметом представления являются события жизни человека – фрагменты, эпизоды, картины бытия.

Однако с онтологической точки зрения, опираясь на работы К.А. Абульхановой [1], можно утверждать, что бытие человека как процесс существования личности (жизнь) – это не случайная череда событий. Человека необходимо рассматривать как активного субъекта, способного строить свою траекторию жизни, т.е. свое бытие.

Подтверждением сказанному являются исследования И.А. Герасимовой, А.А. Кроника, А.А. Гостева, В.П. Пескова, Дж. Келли и др., указывающие, что не существует объективной реальности, абсолютной истины, а существуют альтернативные способы конструирования, в которых события приобретают определенные значения, когда они конструируются или интерпретируются индивидом. Психические конструкции, в т.ч. и представления, которые образует субъект, отражая объективный мир, являются автономными. Поэтому, несмотря на схожесть с воспринимаемым объектом, представления, создаваемые субъектом, не тождественны ему, более того, полной идентичности в представлениях не существует. Представление есть конструкция, связанная с внутренним миром субъекта, а поэтому, как и внутренний мир, соответствует миру ровно на столько, насколько это необходимо для его жизнеобеспечения.

Представление – это индивидуализированный образ, динамическое образование, которое требует определенной субъективной переработки, создающее и отражающее сложную жизнь личности в своем отношении к ней. Оно по своей природе избирательно, это активный процесс в том смысле, что оно изменяет представляющего. Если перефразировать Найссера [11], человек становится тем, кем он есть, благодаря тому, что было им представлено и сделано в прошлом; он

продолжает создавать и изменять себя, представляя и действуя в настоящем («существование предшествует сущности»).

Следующим методологическим основанием для рассмотрения представления в системе бытия стало для нас положение о том, что целостное, многоуровневое рассмотрение образного опыта возможно лишь экзистенциально, т.е. с точки зрения его переживаемости, осознаваемости, понимаемости, вытекающее из исследований С.Л. Рубинштейна [18], Д.Н. Узнадзе [20], К.А. Абульхановой [1], В.Н. Дружинина [5], В.А. Барабанщикова [3], А.А. Гостева [4] и др. Выбор данной методологической посылки основывается на том, что объективно психическое может существовать лишь как субъективное; субъективность открывается как активность, избирательность отражения, неадекватность образа параметрам объекта, направленность личности, интегральная характеристика нейродинамики.

Речь идет об онтологической характеристике представления, определяющей его отнесенность к человеку (субъекту представления) и формам его активности. Отправной точкой для экспликации представления в данном случае становится не отражение объекта (объект-образ), а взаимоотношения человека с миром, субъекта с объектом, включающие гносеологические отношения как необходимый этап. Поэтому, как мы уже отмечали ранее в наших исследованиях [14], [15], [16], при изучении представления предполагается переход к субъект-субъектной и субъект-порождающей (со-субъектной, порождающей субъекта совместного действия) логике построения объекта и предмета исследования, учитывающей роль окружающей среды как фактора и условия проявления, развития и изменения психики человека. Как результат представления они порождаются в конкретных обстоятельствах жизни, ориентируют индивида в наличной ситуации и регулируют его деятельность и поведение. Представление становится структурированным фрагментом бытия, взятым в единстве внешних и внутренних условий своего существования.

Рассматривая вопрос о представлении в системе бытия, нельзя не указать на расхождение, на которое обращали внимание А.Н. Леонтьев, А.И. Миракян и его ученики, оно возникает из-за отождествления мира вне человека и представленного мира. Четкие различия двух представлений о мире дает А.Н. Леонтьев в работе «Образ мира». Ученый выделяет представления при наличии взаимодействующего с миром

субъекта, охарактеризовав их модальными, субъективными, и без субъекта как амодальными. Вывод, который вытекает из рассуждений ученого: мир до отражения качественно отличен от мира, отраженного человеком в представлении. Надо отметить, что гносеологическая парадигма не позволяет ответить нам на вопрос: каковы представления о мире до отражения их человеком? Эту задачу можно решить только в русле онтологической парадигмы. Именно А.И. Миракяну удалось выделить особенности таких представлений: они не могут быть сформированы на основе осуществившихся прежде процессов восприятия; они не отражают природу изоморфно (подобно), адекватно той, которая есть в сознании человека; они не могут быть сформированы путем научного (непрерывного) мышления с помощью абстрактно-логических построений между первичными, вторичными образами и понятиями.

Опираясь на исследования В.А. Барабанщикова [3], А.А. Гостева [4], В.П. Пескова [14], [15], [16], можно утверждать, что онтологическая парадигма позволяет: во-первых, использовать генетические схемы анализа представления, учитывающие единство субъекта и объекта представления и их развитие в ходе процесса представления; во-вторых, опираться и применять системный подход, с позиций которого представление рассматривается как качественная единица, характеризующаяся многомерностью, многоплановостью, многоуровневостью, полифункциональностью, полимодальностью и развитием. В таком случае личность детерминирует процесс представления, а также в свою очередь испытывает на себе его результат. Предметом исследования становится не вторичный образ как таковой или его отдельные характеристики и свойства, а целостное событие жизни индивида.

Одним из отправных ориентиров для сделанного нами выше заключения послужили идеи Д.Н. Узнадзе [20] о том, что в сознании переживающего индивида представление всплывает и как знание, и как внутреннее событие, как кусок собственной жизни, переживаемый им заново. Ученый показал, что представление – это своеобразное переживание, которое является не только и не столько продуктом уже свершившихся в прошлом переживаний, связанных с завершением процесса восприятия, сколько самостоятельным процессом представления, вбирающим в себя переживания в настоящий момент, но по поводу событий, имевших место в прошлом. Однако, чтобы такое переживание

стало возможным, переживание от восприятия ситуации, произошедшее в прошлом, должно быть переработано, должен произойти когнитивный (интеллектуальный) процесс представления. Следовательно, в основе процесса представления лежат не переживания прошлых восприятий, а наглядное содержание объективной ситуации, нового события в жизни человека как нового переживания, однако вне прошлых переживаний оно было бы невозможно.

Выше мы уже указали на С.Л. Рубинштейна, определившего психологический статус феномена события во внутренней жизни личности. У Д.Н. Узнадзе [20] можно найти обоснование тому, что представления действительно являются таким событием. Ученый указывает на тот факт, что представление является процессом, совершающимся в настоящий момент, но для которого временная непрерывность – это механизм фиксации течения времени через установление последовательности событий, через их хронологию.

Характеризуя человеческую ступень развития, Д.Н. Узнадзе [20, с. 227] выделяет, что на этой ступени воздействие прошлого на настоящее уже приобретает психический характер; прошлое существует не только в анатомо-физиологической сфере, но и на уровне переживаний. Если восприятие имеет дело с фактическим временем, то представление – с психологическим. Фактическое, сиюминутное переживание настоящего происходит при восприятии ситуации, однако осознание настоящего происходит при представлении его, поскольку только на уровне представлений совершается интеграция и обобщение (синтез) вторичных образов прошлого, настоящего и моделируемых образов будущего.

Проведенный нами анализ рассуждений Д.Н. Узнадзе [20] показал, что основное отличие человеческих представлений в том, что характерную для человеческого существа форму представление приобретает в результате мыслительной переработки на уровне объективации, его интеллектуализации, что делает образ-представление обобщенным. Процесс представления, благодаря включению в себя мышления, становится человеческим обобщенным представлением, причем момент обобщенности вносит в представление именно мышление. На наш взгляд, этот синтез и объясняет тот факт, что психологически настоящее имеет продолжительность, а, следовательно, свою событийность настоящее порождает только в представлении.

Следовательно, представление – это некий временной континуум (событие), обладающий особыми свойствами – фрагментарностью, непрерывностью и длительностью, оно занимает определенное место в историческом ряду событий внутренней жизни личности. Это становится возможным, благодаря представлению, способному в процессе мыслительной переработки объективизировать переживания наглядного содержания объективных жизненных ситуаций, а затем интегрировать и синтезировать их в последовательность событий прошлого, настоящего и будущего, тем самым порождая траекторию жизни, направленную на достижение будущего события, обладающего временной непрерывностью, и фиксирующего своевременность его наступления, благодаря установлению последовательности предшествующих ему событий через их хронологию.

Иллюстрацией последнего, по нашему мнению, является феномен «психологического возраста», введенный А.А. Кроником [7] в рамках «субъективно-событийного подхода», в котором и находит отражение то, как процесс представления изменяет представляющего. А.А. Кроник [7], указав на то, что без субъективного прошлого нет субъективного будущего и объективного настоящего, по сути, развивает идеи Д.Н. Узнадзе. Мы исходим из того, что «психологический возраст» – это представление, это своеобразное переживание, которое является не только и не столько продуктом уже свершившихся в прошлом переживаний, сколько самостоятельным процессом представления, вбирающим в себя переживания в настоящий момент, но по поводу событий имевших место в прошлом, пройденного в прошлом жизненного пути по собственной траектории.

В наших исследованиях [12], [16] мы рассматриваем представление как единицу сознания. Развивая идею о «механизме» осознания С.Л. Рубинштейна [19, с. 98-99.], [17, с. 278] применительно к представлению как психическому явлению, мы приходим к заключению, что в процессе представления объект включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых представлениях и в его новых характеристиках; из объекта тем самым вычерпывается новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз с новой стороны, в нем выявляются все новые свойства. Именно поэтому процесс представления является внутренним событием. Это переживание прежнего внешнего события (или последовательности внешних событий, в

прошлом) во внутреннем плане заново, в его новых свойствах, связях, отношениях ко всем сторонам бытия, с которыми оно ранее было связано.

Следовательно, представление – это не стихийный процесс. Оно не может быть обезличенным, несвязанным с потребностями, желаниями, индивидуальными свойствами, личностными качествами, независящими от волеизъявления, становясь простым когнитивным автоматизмом, схемой, эталоном, планом, картой. Мы представляем окружающий нас мир экзистенциально, посредством его индивидуального переживания, осознания и понимания.

Делая такой вывод, мы опираемся на Д.Н. Узнадзе [20, с. 245], который обосновал опосредующую роль личности, и показал, что переживания, какими бы они ни были, воздействуют друг на друга не непосредственно, а лишь опосредствованно личностью, переживаниями которой они являются. Кроме того, мы опираемся на идеи С.Л. Рубинштейна [17], показавшего, что всякий психический процесс (в т.ч. и представление), не может быть эксплицирован лишь через познавательную функцию, через его гносеологическое отношение, к объекту, которое определяет основную «онтологическую» характеристику психического. Поэтому объект, отражаемый в психических явлениях (а, значит, и в представлениях), как правило, затрагивает потребности, интересы индивида и в силу этого вызывает у него определенное эмоционально-волевое отношение (стремление, чувство). Следовательно, всякий конкретный психический акт (представление), всякая подлинная «единица сознания» включает оба компонента – и интеллектуальный или познавательный, и аффективный.

В наших исследованиях [12], [13] мы показали, что субъект представления играет роль внутренней предпосылки, внутреннего условия процесса, представление реальности, с которой он вступает во взаимодействие, и в ходе процесса представления через переживание, осознание и понимание субъект реализует, проявляет, раскрывает свой внутренний потенциал, свой внутренний ресурс. Мы доказали [12], [13], [15], что субъекта отличают особенности структуры представлений, которые проявляются в степени выраженности, тесноте связи ее компонентов, в яркости-четкости представлений. Его характеризуют уровень развития представлений различной модальности; уровни контролируемости (устойчивости), живости (изменчивости, вариативности), яркости-четкости представлений),

субъективная избирательность к представлению, пространственное манипулирование (изменение положения объекта или его частей, изменение структуры объекта, изменение и того, и другого одновременно), внутренние функциональные состояния индивидуальности, взгляды, интересы, убеждения, цели, намерения.

Представление учащегося в конкретной ситуации детерминируется его личностными особенностями, выступающими в качестве внутренних условий. В итоге оно отражает его отношение к этой ситуации, через переживание, осмысление и регуляцию как самой ситуации, так и своих внутренних состояний, связанных с ней, а, следовательно, может являться показателем психического благополучия (психического здоровья), психологического возраста.

Мы доказали [12], [16], что представления являются не только системами хранения знаний, но и средствами познания. Они являются своего рода внутренними умственными психологическими формами (матрицами, шаблонами, схемами, планами, сетками, моделями), «сквозь которые» или посредством которых человек смотрит на окружающий мир и самого себя. Это структуры, с помощью которых человек извлекает информацию, на которых происходит анализ и синтез всех поступающих новых впечатлений и сведений. Дальнейшие движения и действия задают новый означенный смысл, т.е. действия и образ означиваются, происходит уточнение старых представлений памяти и пространственных представлений, а также создаются новые представления воображения в результате синтеза последовательно растянутых во времени отражений с их последующей непрерывной обработкой.

Таким образом, мы приходим к выводу в отношении процесса представления, схожему с выводом, сделанному В.А. Барабанщиковым [3] в отношении процесса восприятия: «В процессе представления участвует вся психика, весь человек без остатка, с его физическими, душевными и духовными качествами». Следовательно, можно утверждать, что экспликация представления как психического феномена требует учета субъектно-событийных, экзистенциальных позиций.

Выделенные нами в статье гносеологическая и онтологическая парадигмы исследования позволяют вскрыть взаимоотношение между представлениями человека и бытием, сформировав представление об относительности бытия, более адекватно описать процесс отражения окружающей человека реальности (бытия) в пред-

ставлении, а также более целостно подойти к изучению этого психического феномена как продукта и как процесса представления, а не для их противопоставления.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1987.
3. Барабанщиков В.А. Психология восприятия: организация и развитие перцептивного процесса. – М.: Когито-Центр; Высшая школа психологии, 2006. – 240 с.
4. Гостев А.А. Психология вторичного образ. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 512 с.
5. Дружинин В.Н. Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 135 с.
6. Зинченко В.П., Моргунев Е.Б. Человек развивающийся: очерки российской психологии. – М.: Тривола, 1994. – 304 с.
7. Кроник А.А. Жизненный путь личности. – Киев: Наукова думка, 1987. – 278 с.
8. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 255 с.
9. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избр. психолог. произведения. – М.: Педагогика, 1983. – С. 251–261.
10. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. – Кн. 1. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 208 с.
11. Найсер У. Познание и реальность. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.

Песков Вадим Павлович, кандидат психологических наук, доцент Восточно-Сибирской государственной академии образования, г. Иркутск. E-mail: vpeskov@bk.ru

Peskov Vadim Pavlovich, candidate of psychological sciences, associate professor, East Siberian Academy of Education, Irkutsk. E-mail: vpeskov@bk.ru

УДК 159.9

© T.L. Mironova, L.D. Shagdurova

ON PROFESSIONAL ORIENTATION OF STUDENTS PERSONALITY STUDYING A SPECIALITY «SOCIAL WORK»

In this article the results of the research professional orientation of university students studying a speciality «social work» have been submitted. The basic professionally significant personal features of a future expert, motivation to educational activity, value and sense-life orientations have been considered.

Keywords: professional orientation, personality, expert in social work, motivation, values, sense-life orientations.

Т.Л. Миронова, Л.Д. Шагдурова

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»

В данной статье представлены результаты исследования профессиональной направленности студентов вузов по специальности «Социальная работа». Рассмотрены основные профессионально значимые, личностные качества будущего специалиста, мотивация учебной деятельности, ценностные и смысложизненные ориентации.

Ключевые слова: профессиональная направленность, личность, специалист по социальной работе, мотивация, ценности, смысложизненные ориентации.

Under the modern conditions changes in the professional sphere are characterized by complication of the working activity's content,

12. Песков В.П. Особенности структуры представлений и ее формирование у детей школьного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Иркутск, 2005.

13. Песков В.П. Исследование связи представлений и личностных особенностей учащихся // Вестн. ИрГСХА. – Иркутск, 2010. – С. 148–159.

14. Песков В.П. Разработка теоретической модели порождения полифункционального представления // Вестник МГПУ. – № 2. – 2011. – С. 41–52.

15. Песков В.П. Попытка афизикального подхода к проблеме порождения представления // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. материалов науч. конф. (30 ноября – 1 декабря 2010 г.). – М.: УРАО Психологический институт. – Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. – С. 384–402.

16. Песков В.П. Метасистемный подход к исследованию структуры представления // Ярославский педагогический вестник. Психолого-педагогические науки: научный журнал. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – № 3. – С. 192–202.

17. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.

18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2010. – 713 с.

19. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. – М., 1958.

20. Узнадзе Д.Н. Общая психология. – М.: Смысл, 2004. – 413 с.

21. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

professionalization in working activity are growing. The contradictions caused by the contemporary demands for a specialist, competition in the labour market, on the one hand, and the present-day conditions of the professional training system at any level, on the other hand, reflect complex problems of a person's being prepared for the professional activity.

Today a professional community feels the urgent necessity for effectively working specialists in their activities, who at the same time possesses a wide range of professional operations, an ability for individual innovation and designing his or her own professional future, and who has an aspiration to self-perfection, self-education, self-development and self-fulfillment.

In the working activity as well as during the educational process at the university one of the person's components, ensuring the successfulness of the professionalization process, is the professional trend as the manifestation of a personality trend. The professional trend becomes apparent not only as a person's characteristics, but also as a component of the pedagogical process, and as the aim of the higher education. Modern educational standards consider the development of the professional trend to be the main result of a graduate's professional training.

In spite of the importance of the professional trend's development during professionalization process, the number of psychological researches in the field of analyzing the formation not fully correspond to current demands in the psychological and educational practice in the system of training future specialists. Such considerable problems as discovering structural components of students' professional trend and displaying its dynamics still need to be examined. The problem of developing the model of a person's professional trend remains acute. The solution of the fixed problems will conduce to increasing the quality of the future specialists' training. This way, the importance of this problem, defined by the tasks of optimization and effectiveness of the professional training process at the level of higher education, determined the theme of our research.

The aim of our research is the elaboration and theoretical basing of the structure of a person's professional trend, the change of its dynamics during university training of those students who study social work. For that we worked out steps of an experimental research of the professional trend's components.

The whole research was made in the forms of establishing, forming and controlling experiment.

The empirical research was held on the basis of the universities, where specialists for social work are taught. 244 first-fourth year students took part in the research. The selection range of the basic part of the research was 30 people: 15 second-year students in the every group – experimental and controlling. It was worked out and realized a working program of the forming experiment, which included games, discussions and practical tasks for the students. The forming experiment lasted one semester.

At the stage of the establishing experiment reliable and valid psycho-diagnostic methods were selected. The methodical provision of the research included questionnaires and the following psycho-diagnostic methods: "Professional ideal", "Scale of the conscientiousness" by V.M. Melnikov and L.T. Yampolsky [1, p. 399], express-diagnostics of the personality trend (MEDNAL) [3, p. 92], "Empathy level diagnostics" by V.V. Boiko [1, p. 385], "Person's socio-psychological purposes in the sphere of motivation and necessity" by O.F. Potyomkina [1, p. 387], "The study of students' motives during learning" by A.A. Rean and V.A. Yakunin [1, p. 434], "Value orientations" by M. Rokich [1, p. 389], "Self-actualization test (SAT)" by L.Y. Gozman, M.V. Kroz and M.V. Latinskay [4, p. 580], "Sense- in- Life test" by D.A. Leontiev [5].

Now we are to appeal to the results of the establishing research.

The results of the questionnaires testify that humanistic motives take the leading position in the students' choice of the profession: desire to be of benefit to the society, to help children and adults in the difficult lifetime – 81%. The social orientation of the motives pointing out to deliberate choice of the profession is the evidence of the high rate of the professional trend of the students' majority.

The intention of them to work by profession is the evidence of the dominating professional interests in the sphere of the chosen and being mastered profession. For some respondents professional knowledge, intellectual development with a wide range of interests serve as the instrumental value, which makes easier achieve the life success connected with the status position in the society.

At the next stage the students' notion of professionally important qualities were studied. The students arranged the qualities from the point of view, whether an ideal representative of the profession that they study has such qualities or not. We would like to provide some examples. So, one's good breeding is mentioned more often by the 4-year students than the 1-year ($t=6,72$; $p<0,01$), the

2-year ($t=3,55$; $p<0,01$) и the 3-year students ($t=3,41$; $p<0,01$). The presence of the empathy is more important for the 4-year students, than for the 1-year ($t=5,56$; $p<0,01$) and the 3-year students ($t=2,37$; $p<0,05$). The tolerance is more significant for the 4-year students, than for the 1-year ($t=5,33$; $p<0,01$), as well as the tactfulness, the difference is significant ($t=5,66$; $p<0,01$). Such quality as the objectiveness that can influence on the circumstances and interactions with the future clients is highly rated by the 4-year than the 1-year ($t=7,64$; $p<0,01$), the 2-year ($t=5,11$; $p<0,01$) and the 3-year students ($t=3,71$; $p<0,01$) [1, p. 102].

The significance of the communicative skills is increasing in accordance with the students' professional training, the differences are significant between the 1-year and the 2-year students ($t=3,68$; $p<0,01$), the 1-year and the 3-year students ($t=3,91$; $p<0,01$), the 1-year and the 4-year students ($t=4,50$; $p<0,01$) [1, p. 102].

As the students become more professional during the learning process, the mention of the ability for organization in the professional ideal's characteristics is also increased, the differences are significant between the 1-year and the 3-year students ($t=3,58$; $p<0,01$), the 1-year and the 4-year students ($t=6,95$; $p<0,01$), the 2-year and the 4-year students ($t=4,72$; $p<0,01$), the 3-year and the 4-year students ($t=2,65$; $p<0,01$). For all the respondents such qualities as responsibility, altruism, justice, honesty, which are introspected by them during the whole learning period, are important for them. The responsibility has more significance for the 4-year students than for the 1-year students, the differences are significant ($t=2,64$; $p<0,01$). The comparison of the 1-year and the 3-year respondents also show bigger significance of that quality for elder students than for the 1-year students ($t=2,26$; $p<0,05$) [1, p. 103].

As the students become more professional and master professional knowledge those moral and psychological qualities become more valuable for them, satisfy the requirements of their future profession. The students' opinion towards their professional ideal's strong-willed qualities includes resoluteness, purposefulness, activity, good organization, discipline, self-possession, self-control and patience. The differences between the students' courses are not significant. Thus, during the students' professional training some changes take place in the image of the professional ideal: it is identical to an amateur's ordinary notion for the 1-year students; this image is similar to the image of a professional for the 4-year students, i.e. the notion of the professionally important qualities of a

specialist in social work become more formed, clearer and more differentiated.

The results of the "Scale of the conscientiousness" method show that 70 % of all the respondents have high rates of such factor as "conscientiousness": the 1-year course – 62,5%, the 2-year course – 69,1%, the 3-year course – 79,7%, the 4-year course – 82,7%. Such characteristics as responsibility and honesty are typical for them, and they are particularly important for the representatives of profession type as "man – man". This way, we can say that during the students' professional training the development of the standards and values that correspond to social-professional environment take place.

The results of express-diagnostics of the trend testify that the 1-year students demonstrate collectivist orientation more often than the elder students. Evidently it is connected with the 1-year students' topicality to arrange successful interpersonal relations with the group-mates and contact with the new teachers. The lowest rate of collectivist orientation is marked in the 4-year course. Obviously, it is connected with the strengthening of individually significant motives and orientations during that period, and also the students' getting ready for independent work and leaving that studying group. According to the results, less than a half of the students have the personal orientation. The differences are significant between the 1-year and the 2-year students ($t=2,16$; $p<0,05$), the 1-year and the 4-year students ($t=2,57$; $p<0,05$). We can say that the 2-year, the 3-year and the 4-year students take more efforts for self-development than the 1-year students. As to business orientation the differences are significant between the 2-year and the 1-year students ($t=2,16$; $p<0,05$). Thus, high rate of the business orientation of the 1-year students together with the interaction orientation reveal their intention to master professional knowledge and skills.

The "Empathy level diagnostics" method allows to define a present level and a leading channel of empathy. As a result three groups of the students were defined according to the empathy level: middle (25%), low (60%) and very low (15%). The analysis of the results with the help of Student's criterion shows that all the levels have a tendency to change depending on year of studying. For all that the differences are significant between the 1-year and the 2-year students ($t=6,27$; $p<0,01$), the 1-year and the 3-year students ($t=6,42$; $p<0,01$), the 2-year and the 3-year students ($t=2,68$; $p<0,01$), the 3-year and the 4-year students ($t=3,01$; $p<0,01$). The results of the research for the picking out the

leading channels of empathy register that the differences between the courses are insignificant. This way, we can suppose that during professional training all the empathy channels are equally developed.

In order to define the leading orientation – altruistic or egoistic – we used the “Person’s socio-psychological purpose in the sphere of motivation and necessity” method. The results show that 70% of the students have altruistic orientation, willingness to help people disinterestedly. These facts confirm the results of the questionnaire, where the most respondents called the main motive – to help children and adults. The 1-year (72%) and the 4-year students (71%) have the high rate of altruism. Obviously it is connected with the aspiration of the 1-year students, who have just got acquainted with the future profession, to concentrate on people’s interests and society needs. It is also acute for the 4-year students as they are starting their professional activity.

Owing to the fact that the students’ attitude towards solving of the setting problems is determined mostly by the motives of the educational activity, we studied the educational motives with the help of “The study of students’ motives during learning” method. In general we got high rates on the professional motives directed to the results of the professional activity: “to become a qualified specialist”, “to ensure successfulness of the future professional activity” and pragmatic motive: “to get a diploma”. The lowest rates have such motives as “to be ready always for the regular classes”, “to avoid condemnations for the bad studies”, “to meet the pedagogical requirements”, “not to fall behind the group-mates” and “to be an example for the group-mates” [1, p.106].

Now we can appeal to the results of the research among the courses.

For the 1-year students such motives are acute in the following logical order: pragmatic motives (to get a diploma), then professional motives (to become a highly qualified specialist, to study well, to ensure successfulness of the future professional activity). At the same time for the 2-, the 3- and the 4-year students the professional (to become a highly qualified specialist, to study well, to secure successfulness of the future professional activity) and the cognitive motives (to get deep and sound knowledge, to get intellectual satisfaction) are of primary importance; on the last place there is a pragmatic motive (to get a diploma). Thus, the results of the research are the evidence of the important changes in the students’ educational motives depending on the year of studying, with the

tendency of the prevailing the professional motives in the higher courses.

According to the results of the research about person’s values by M. Rokich’s method an average point was counted for every course. The average indices allow to judge about the value significance for the students. The main efforts of all the respondents are directed to the development of such values as health, love, happy family life and friends. Such values as beauty of the nature and art, entertainment and creative endeavor take last places in the value-purpose hierarchy.

Among the values-means, the leading ones for all the students are socially approved values and professional self-fulfillment values: good breeding, to be an educated person, responsibility, independence and cheerfulness. Such humanistic oriented values as sensitiveness and patience take last positions. This tendency can be explained by the young people’s pragmatic orientation. Thus, social and individual values prevail in the forming process of the future specialists’ professional trend.

The results of the research with the help of the “Self-actualization test” show that the majority of respondents strive for displaying such qualities as marked time-orientation, i.e. to see his or her life complete; ability to self-designing, purposefulness; motivation for gaining success in the all undertakings. The results of the research by the “Self-respect” and the “Self-acceptance” scales show that the 3-year students have clear and complete idea about their environment as well as about themselves. They have such characteristics as self-confidence, self-acceptance, and self-respect to a greater extent than the other students. At the same time the results of the “Support” scale of the 2-year students testify about their not being independent, being dependent on other people’s opinion.

The results of the research of the students’ life orientation show that average rates of understanding the purpose in life and average rates by five subscales practically coincide with Leontiev’s rates. The “Purpose in Life” scale characterizes presence or absence of life purposes that make life sensible, directed and perspective in time. The 1-year and the 3-year students are characterized by being more purposeful, directed to the future rather than the 2-year and the 4-year students who also have low rates by the “Sensible Life”, the “Control Locus – Life”, and the “Result” scales, i.e. they have difficulties in finding the meaning of life for themselves. But at the same time, the 1-year students’ low rates by the “Control Locus – I” scale reveal these students’ unbelief in ability to control their own life. The low level of the «Sensible life»

scale can be connected with the low rate of self-acceptance.

This way, the overwhelming majority of the students have high rates on the scales which testify about their ability to make life more sensible and effective, satisfaction with self-fulfillment on the present stage of their development.

Conclusions:

In conformity with the educational process at the university we regard the professional trend as the subject's characteristic, a criterion of success during the professionalization process and as the purpose of training. During mastering the profession the making of the professional trend becomes the stage of its developing as a person's formation. The conditions to learn the professional content of the activity and for active communication with professionals are created during this period. The enthusiasm for the learning process and personal aspirations for professional perfection, self-realization give stability to the structure of the students' professional trend, future professionals in the sphere of social work.

The dynamics of a person's professional trend can be described as a movement from the emotional enthusiasm for the profession to the real knowledge about themselves and professional activity. The emotional enthusiasm for the future profession at the 1-year course is replaced by a realistic estimation of the future activity. At the 4-year course the significance of inner motivation is increased, the inducement for self-realization is intensified and the personal attitude towards the profession is formed. It promotes the positive dynamics of a person's professional trend.

Literature

1. Iljin E.P. Motivation and motives. – St. Petersburg, Piter, 2004. – 509 p.
2. Mironova T.L., Shagdurova. Studying of students' professional orientation /Bulletin of the Buryat State University. – Ulan-Ude, 2012. – p.100-108.
3. Mitina L.M. Labour psychology and teacher's professional development. – M.: Akademia, 2004. – 320 p.
4. Psychodiagnostics. – Moscow, AST, St. Petersburg, Sova, 2005. – 671 p.
5. Leontjev D.A. Sense- in- Life Test. – Moscow, Smisl, 2000. – 18 p.

Миронова Татьяна Львовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и социальной психологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ. E-mail.ru: kafedra_osp_bsu@mail.ru

Mironova Tatyana Lvovna, doctor of psychological sciences, professor, head of the department of general and social psychology, Buryat State University, Ulan-Ude. kafedra_osp_bsu@mail.ru

Шагдурова Лариса Дагбаевна, соискатель кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ. E-mail.ru: kafedra_osp_bsu@mail.ru

Shagdurova Larisa Dagbaevna, competitor for candidate degree, department of general and social psychology, Buryat State University, Ulan-Ude. E-mail.ru: kafedra_osp_bsu@mail.ru

УДК 159.923.2

© М.Д. Будаева

ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ

В статье рассматриваются особенности самосознания родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии. Изучены особенности самооценки, Я-образа и самоотношения родителей детей-инвалидов.

Ключевые слова: родитель, ребенок с отклонениями в развитии, самосознание, самооценка, образ «Я-реального» и «Я-идеального», самоотношение, факторный анализ.

M.D. Budaeva

SELF-CONSCIOUSNESS PECULIARITIES OF PARENTS WHO BRING UP CHILDREN WITH DISABILITIES IN DEVELOPMENT

The article observes peculiarities of self-consciousness of parents whose children have got disabilities in development, The peculiarities of self-appraisal, "self-image" and the self-relation of parents of children with disabilities have been researched.

Keywords: parent, child with disabilities in development, self-consciousness, self-appraisal, real and ideal self-image, self-relationship, factor analysis.

Современное общество характеризуется развитием гуманного отношения к лицам с отклонениями в развитии и поиском новых эффективных путей их социальной адаптации, в связи с

этим проблема семьи, воспитывающей ребенка с нарушениями в развитии, становится все более актуальной.

На 1 октября 2012 г. в Республике Бурятия насчитывается 4 195 детей-инвалидов [7]. Следует отметить, что часть родителей, обеспокоенных проблемами развития ребенка-инвалида, пытается разрешить их собственными силами. Родители детей с отклонениями в развитии принимают активное участие в создании и работе родительских ассоциаций (РООРДИ «Найдал», РРОИРДИ «Радужный мир» и др.). Однако их большая часть остается беспомощной в решении этих проблем. В связи с недостаточной поддержкой государственных структур особую важность приобретает проблема создания модели психологической помощи семьям, воспитывающих детей с отклонениями в развитии.

Социализация ребенка с проблемами в развитии не может быть достигнута без приобщения к этому процессу его родителей [6, с. 15]. Переживания родителей, связанные с рождением больного ребенка, являлись предметом изучения во многих странах. Этот период принято считать наиболее тяжелым. Меняются отношения между супругами, весь уклад семейной жизни. Именно этот период является первым серьезным испытанием брака на прочность. Если семейные отношения были хорошими, то рождение больного ребенка может укрепить брачные узы. В тех случаях, когда взаимоотношения супругов и раньше были плохими, рождение больного ребенка является лишь поводом для развода [4, с. 75].

Начало изучению психологических характеристик родителей больных детей было положено за рубежом. Большинство западных авторов описывают широкий диапазон невротических и психотических расстройств у родителей аномальных детей (Caldwell B., Guze S., 1960; Davis C., 1960; Goldberg B., 1962; Leeson O.J.J., 1961; Molony H., 1971; Stevenson K., 1968, Maslach, 1998; Fyhr, 1983, 1999; Stegie, 1988; Trout, 1983; Enbelbert, 1994 и др.). Среди рассматриваемых проблем у исследователей вызывает интерес степень выраженности эмоционального стресса, тенденция к социальной изолированности и отчужденности таких семей, проблема стабильности семьи и изменившегося социального статуса родителей (Stone H., 1948) [5, с. 60].

В отечественной психологической литературе исследованию семьи и ближайшего окружения ребенка-инвалида посвящены работы А.И. Захарова (1974, 1982, 1988); В.Н. Мясичева (1960); В.Е. Рожнова (1985); Н.В. Мазуровой (1998); Т.А. Добровольской (1989, 1991); С.Д. Забрамной (1993); И.Ю. Левченко, В.В. Ткачевой (1999); И.И. Мамайчук, В.Л. Мартынова,

Г.В. Пятаковой (1989); Е.М. Мастюковой (1989); Г.А. Мишиной (1998); А.И. Раку (1977, 1981, 1982); М.М. Семаго (1992); А.С. Спиваковской (1981, 1986, 1999), У.В. Ульенковой (1986); В.В. Юртайкина, О.Г. Комаровой (1996) О.Б. Чаровой, Е.А. Савиной (1999) и др. Так, В.В. Ткачевой и И.Ю. Левченко сделаны первые шаги в изучении личности родителей детей с различными отклонениями и в создании комплексной помощи семьям. Тема самосознания, самооценки и самопринятия родителей в этих работах лишь упоминалась, но не была предметом пристального внимания. В работах же, выполненных в русле биографического подхода и посвященных изучению воздействия отдельных жизненных факторов на самооценку и самопринятие, такой значимый фактор, как болезнь ребенка, не изучался исследователями. Тем не менее для построения более эффективных программ психологической помощи родителям, которые подвергаются длительному психопатогенному воздействию, необходимы экспериментальные данные, подтверждающие необходимость создания таких программ. Изучение характеристик личности этих родителей, в частности их самосознания, поможет найти путь к более глубокому осмыслению психологических проблем родителей аномального ребенка.

Цель исследования: изучение особенностей самосознания родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии.

Объект исследования: самосознание родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии (ДОР).

Предмет исследования: образ «Я», самоотношение, самооценка родителей ДОР.

Для изучения особенностей самосознания родителей ДОР были использованы следующие методики: «Личностный дифференциал» (ЛД); модифицированный вариант методики Q-сортировки; «Методика исследования самоотношения» (МИС) С.Р. Пантелеева.

В исследовании приняли участие 105 чел. – родители детей-инвалидов, проходивших реабилитацию в АУСО РБ «Республиканский реабилитационный центр для детей с ограниченными возможностями “Светлый” и родители детей-инвалидов, посещающих службу ранней помощи «Солнышко», на базе детской поликлиники МУЗ «Городская больница №4» (г. Улан-Удэ). Средний возраст испытуемых составил 32 г. В зависимости от характера заболевания ребенка нами было выделено 6 групп родителей, воспитывающих детей: с задержкой психоречевого развития – 35 (33,3%); с двигательными нару-

шениями (ДЦП) – 31 (29,5%), врожденными аномалиями развития (ВАР) – 10 (9,5%); ранним детским аутизмом (РДА) – 8 (7,6%); синдромом Дауна – 6 (5,7%); другими заболеваниями – 15 чел. (14,3%). В зависимости от возраста детей были выделено 4 группы родителей, воспитывающих детей: раннего возраста – 35 (33,3%); дошкольного возраста – 40 (38,4); младшего школьного возраста – 21 (20,4); подросткового возраста – 9 чел. (8,6%).

С целью изучения самооценки как степени расхождения между реальным и идеальным образами «Я» была использована методика Q-сортировки. С точки зрения многих авторов, этот показатель может рассматриваться и как «индекс невротичности». Нами был использован краткий вариант методики, разработанной в Университете им. Гумбольдта (Берлин) и адаптированной в Институте им. В. М. Бехтерева.

Методика состоит из 28 карточек с утверждениями, которые нужно рассортировать определенным образом, сначала оценивая реальный образ «Я», а затем – идеальный. Далее высчитывался коэффициент ранговой корреляции по Спирмену между 2 рядами качеств, раскрывающими «Я-реальное» и «Я-идеальное».

Результаты, полученные по методике Q-сортировки, представлены в таблице 1.

Таблица 1
Распределение по уровням самооценки родителей ДОР

Уровень самооценки	Диапазон значений r	Распределение (в %)
Чрезмерно заниженный	$r < 0,10$	14,4
Заниженный	$0,10 < r < 0,46$	38,2
Адекватный	$0,46 < r < 0,90$	39,5
Завышенный	$r > 0,90$	7,9

У родителей ДОР обнаружили следующие показатели самооценки: у 39,5% испытуемых – показатели, попадающие в диапазон коэффициента корреляции, полученный по группе здоровых (среднее значение – 0,61). Они верно соотносят свои возможности и способности, достаточно критически относятся к себе и реально смотрят на свои неудачи и успехи, стараясь ставить достижимые цели.

У 38,2% испытуемых выявлены низкие показатели в диапазоне коэффициента корреляции, полученном по группе больных неврозами (F40-F48) (среднее значение – 0,27). Низкие показатели коэффициента корреляции свидетельствуют о существенном расхождении между

Я-реальным и Я-идеальным, что субъективно переживается как внутренний конфликт, дискомфорт и сопровождается эмоциональными, когнитивными и поведенческими нарушениями, прежде всего напряжением, неудовлетворенностью, неуверенностью.

Чрезмерно заниженные показатели самооценки обнаружены у 14,4% испытуемых, что может свидетельствовать о наличии депрессивного состояния. Обнаружение у ребенка дефекта почти всегда вызывает у родителей тяжелое стрессовое состояние, семья оказывается в психологически сложной ситуации. К сожалению, далеко не все родители аномальных детей способны самостоятельно преодолеть этот тяжелый кризис и обрести смысл жизни.

У 7,9% – значение коэффициента корреляции выше 0,90, что может свидетельствовать о не критичности и характерно для лиц с личностными расстройствами.

Проанализировав результаты выполнения методики Q-сортировки, мы можем говорить о преобладающей тенденции личности родителей ДОР к заниженной самооценке, неуверенности в себе, внутреннем конфликте.

С целью получения информации о субъективных аспектах отношений испытуемого к себе, для исследования самооценки применялась методика «Личностный дифференциал» (ЛД). Процедура исследования состоит в предъявлении списка из 21 антонимичной пары слов ЛД. Испытуемый должен оценить уровень выраженности собственных личностных качеств («Я-реальное») а также идеальных личностных качеств («Я-идеальное») и отметить соответствующий балл на бланке. Каждая шкала содержит семь градаций предпочтений [1, с. 39-71].

В системе представлений личности выделяется оппозиция «Я-реальное» – «Я-идеальное». Процесс соотнесения «Я-реального» с «Я-идеальным» имеет важное значение в контексте «продвижения» человека по пути самосознания и личностного развития [2, с. 71].

Обработка результатов исследования осуществлялась путем подсчета каждого из трех факторов – оценки (О), силы (С) и активности (А) – с помощью ключа. Сумма по каждому ключу делится на семь, и получается среднее, которое является итоговым показателем. Полученные три итоговых показателя сравнивались со стандартными значениями, относительно которых индивидуальные показатели квалифицируются как высокие или низкие и соответственно интерпретируются.

Рассмотрим результаты исследования, полученные посредством проведения методики ЛД. В таблице 2 представлены показатели оценок по ЛД.

Таблица 2
Оценочные показатели «Я-реальное»
(в баллах) родителей ДОР по методике ЛД

	Фактор оценки	Фактор силы	Фактор активности
Среднее значение оценок	1,90	0,70	1,10
Стандартное значение оценок	1,50	1,09	0,63

Среднее значение количества баллов, полученных по фактору оценки, составляет 1,90, что несколько выше среднего стандартного значения (1,50), это свидетельствует о том, что испытуемые отличаются самоуважением, удовлетворенностью собой как личностью. Высокие значения по фактору оценки, раскрывающие прежде всего нравственно-психологические качества личности: отношение к труду, к людям, – характеризуют родителей ДОР как обладающих положительным набором нравственно-психологических качеств: доброта, доброжелательность, отзывчивость, справедливость, дружелюбие, честность.

По фактору силы, раскрывающему волевою сферу личности, обнаруживается средний показатель 0,70, ниже стандартного значения (1,09). Данные свидетельствуют о неуверенности в себе, недостаточном самоконтроле, зависимости от внешних обстоятельств и оценок, недостаточной решительности, самостоятельности, способности личности держаться принятой линии поведения.

Рассмотрим показатель, полученный по фактору активности, характеризующий особенности межличностного общения. Среднее значение количества баллов, полученных родителями ДОР по фактору активности, составляет 1,10, которое выше среднего значения (0,63). Следовательно, для них свойственны экстравертированность, активность, общительность.

Таким образом, образ «Я-реального» родителей ДОР включает такие личностные свойства, как ответственность, доброжелательность, отзывчивость, справедливость, честность. Также он характеризуется некоторой неуверенностью в себе, зависимостью от внешних обстоятельств и оценок, нерешительностью, раздражительностью.

Рассмотрим результаты исследования образа «Я-идеальное».

Таблица 3
Оценочные показатели «Я-идеальное» (в баллах)
родителей ДОР по методике ЛД

	Фактор оценки	Фактор силы	Фактор активности
Среднее значение оценок	2,31	1,55	1,22

В целом для родителей ДОР характерны высокие оценки по всем трем факторам. Это свидетельствует о том, что образ «Я-идеальное» отличается высоким уровнем самоуважения, удовлетворенностью собой. Также он отличается уверенностью в себе, независимостью, склонностью рассчитывать на собственные силы в затруднительных ситуациях. В идеале образ представляет себя как экстравертированную, активную, общительную личность, легко устанавливающую социальные контакты.

В результате содержательного анализа шкал личностного дифференциала были получены следующие результаты: оценки «Я-реальное» и «Я-идеальное» не совпадают по следующим свойствам: 1 – обаятельность, 2 – сила, 8 – независимость, 9 – активность, 11 – решительность, 12 – энергичность, 14 – напряженность, 15 – суетливость, 17 – уверенность, 20 – самостоятельность, 21 – раздражительность (рис. 1).

Расхождение между показателями «Я-реальное» с «Я-идеальное» по параметру 1 – обаятельность – указывает на критическое отношение к собственной внешности, неудовлетворенность собой, недостаточный уровень принятия себя у родителей ДОР. Одновременно с этим получены примерно одинаковые значения по параметрам: 4 – добросовестность, 7 – доброта, 10 – отзывчивость, 13 – справедливость, 16 – дружелюбие, 19 – честность, которые входят в фактор оценки и говорят о том, что испытуемые принимают себя как личность, в определенном смысле удовлетворены собой.

Обнаруживаются расхождения показателей между «Я-реальное» и «Я-идеальное» по параметрам: 2 – сила, 8 – независимость, 11 – решительность, 14 – напряженность, 17 – уверенность, 20 – самостоятельность, свидетельствующие о неуверенности в себе, недостаточном самоконтроле, зависимости от внешних обстоятельств и оценок, некоторой астенизации.

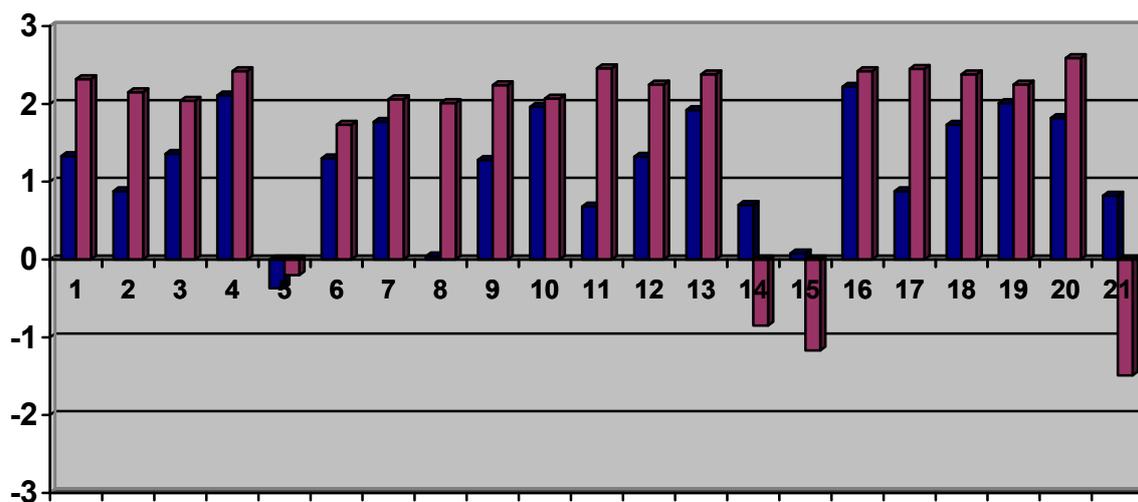

Рис. 1. Соотношение «Я-реальное» и «Я-идеальное» родителей ДОР

Показатели параметров 9 – активность, 12 – энергичность, 15 – суетливость, 21 – раздражительность также расходятся, что указывает на тенденцию к повышению жизненной активности, большей энергичности, наряду со спокойными эмоциональными реакциями, невозмутимостью.

Таким образом, по методике ЛД были получены результаты, характеризующие самосознание родителей ДОР следующим образом:

- образ «Я-реальное» характеризуется умеренной экстравертированностью, средней активностью, самоуважением, доброжелательностью, честностью. Также он характеризуется некоторой неуверенностью в себе, зависимостью от внешних обстоятельств и оценок, нерешительностью;

- образ «Я-идеальное» отличается высоким уровнем самоуважения, удовлетворенно-

стью собой, уверенностью в себе, независимостью, склонностью рассчитывать на собственные силы в затруднительных ситуациях. В идеале они представляют себя как экстравертированную, активную, общительную личность, легко устанавливающую социальные контакты; вектор самосовершенствования направлен на повышение жизненной активности, самостоятельности, развитие волевых качеств личности.

Для диагностики эмоционально-оценочной подсистемы самосознания была использована методика исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантелеева. Опросник включает 9 шкал, раскрывающих различные аспекты самоотношения [3, с. 95].

Результаты, полученные с помощью методики МИС, представлены в таблице 4.

Таблица 4

Показатели самоотношения родителей ДОР (в стенах)

	Шкалы самоотношения								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Открытость	Самоуверенность	Саморукводство	Отраженное самоотношение	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутренняя конфликтность	Самообвинение
Средние значения	6,47	6,28	5,97	5,95	6,25	6,41	5,48	5,25	5,00

Для родителей ДОР характерна тенденция к высоким оценкам по фактору открытости, что можно расценить как высокий уровень проникновения в себя, определенную внутреннюю честность и открытость, родители ДОР обладают критическим отношением к себе, развитыми навыками рефлексии.

Родители имеют тенденцию к высоким значениям по фактору самоуверенности. Отношение к себе в данном случае характеризуется позитивным самоотношением, уверенностью, самостоятельностью, ощущением силы своего «Я».

Для них характерны средние значения по фактору саморуководства, что расценивается как переживание ими собственного «Я» как внутреннего стержня, умеренная способность управлять и справляться со своими эмоциями, определенное чувство обоснованности и последовательности своих внутренних побуждений и целей, средняя саморегуляция.

Средние показатели обнаруживаются также по фактору отраженного самоотношения, что можно расценить как предвосхищение преимущественно нейтрального отношения окружающих к себе. Возможно занижение собственных достоинств, сомнение в ценности собственной личности.

Для родителей ДОР характерны высокие значения по фактору самооценности, что свидетельствует о позитивности ощущения ценности собственной личности и предположении относительно ценности своего «Я» для других, указывает на положительную эмоциональную оценку себя по внутренним критериям духовности, богатства внутреннего мира, способности вызывать в других глубокие чувства.

Для испытуемых характерна высокая выраженность принятия себя. Им свойственно снисходительное отношение к своим недостаткам, чувство симпатии к себе, согласие со своими побуждениями, одобрение своих планов и желаний, дружеское отношение к себе.

В целом для родителей ДОР характерна средняя выраженность самопривязанности к сложившемуся образу «Я». Это свидетельствует о том, что для них не характерна ригидность «Я-концепции», самодостаточность. Они отражают возможность и желательность развития собственного «Я» в лучшую сторону.

Родители ДОР имеют средние значения по фактору внутренней конфликтности. Это говорит о том, что для них характерно чувство конфликтности собственного «Я», которое выражается в чрезмерной рефлексии, протекающей на

негативном эмоциональном фоне отношения к себе. 20,3% группы обладает высокой выраженностью чувства конфликтности собственного «Я», что может сопровождаться тревожно-депрессивными состояниями, фрустрированностью ведущих потребностей, неудовлетворенностью настоящей ситуацией.

По фактору самообвинения обнаруживаются средние значения, что, в свою очередь, расценивается нами как незначительная выраженность у них установки на самообвинение. 27,8% группы обладает высокой выраженностью чувства самообвинения, что характеризует их как переживающих отрицательные эмоции в адрес своего «Я», готовность ставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки.

Таким образом, нами были установлены следующие особенности в самоотношении родителей ДОР: высокий уровень проникновения в себя, внутренняя честность и открытость, позитивное самоотношение, самостоятельность, предвосхищение преимущественно нейтрального отношения окружающих к себе, позитивность ощущения ценности собственной личности и предположения относительно ценности своего «Я» для других. Для испытуемых свойственно снисходительное отношение к своим недостаткам, им не свойственна ригидность «Я-концепции», самодостаточность. Они отражают возможность и желательность развития собственного «Я» в лучшую сторону. Данные также свидетельствуют о наличии негативного эмоционального фона, внутренних конфликтов, сомнений, несогласия с собой, амбивалентного отношения к своей личности.

Для выявления структуры самосознания родителей ДОР нами был осуществлен факторный анализ с помощью метода максимального правдоподобия (Varimax – вращение с нормализацией Кайзера). В результате было выделено 7 наиболее значимых факторов. Факторные критерии характеристик самосознания родителей ДОР представлены в таблице 5.

В генеральный фактор, который условно можно назвать «Решительная самоуверенность», объясняющий 14,8% общей дисперсии, вошло 11 переменных: решительность (0,851), уверенность (0,687), энергичность (0,678), самооценка (0,669), независимость (0,628), сила (0,548), самоуверенность (0,532), активность (0,472), самостоятельность (0,455), внутренняя конфликтность (-0,448), самообвинение (-0,431). В него вошли переменные, описывающие качества, которые включены в фактор силы и фактор активности по ЛД и раскрывающие волевою сферу

личности: уверенность в себе, независимость от внешних обстоятельств, умение принимать ответственные решения, самостоятельность, активность и энергичность. Также для них характерны высокая самооценка, отсутствие внутрен-

ней конфликтности, им не свойственны сомнения и несогласие с собой, чрезмерное самокопание, самообвинение, они не ставят себе в вину неудачи, собственные недостатки и промахи.

Таблица 5

Факторное отображение структуры самосознания родителей ДОР

Характеристики самосознания	Факторы						
	1	2	3	4	5	6	7
1. Самооценка	0,669						
2. Открытость (МИС)			0,594				
3. Самоуверенность	0,532		0,477				
4. Саморуководство							
5. Отраженное самоотношение			0,534				
6. Самоценность			0,463	0,499			
7. Самопринятие				0,846			
8. Самопривязанность							
9. Внутр. конфликтность	-0,448		-0,597				
10. Самообвинение	-0,431		-0,605				
11. Обаятельность (ЛД)				0,487			
12. Сила	0,548						
13. Разговорчивость		0,686					
14. Ответственность							0,885
15. Упрямство						-0,488	
16. Открытость							
17. Доброта		0,421					
18. Независимость	0,628						
19. Активность	0,472						
20. Отзывчивость		0,822					
21. Решительность	0,851						
22. Энергичность	0,678						
23. Справедливость						0,688	
24. Напряженность					0,609		
25. Суетливость					0,646		
26. Дружелюбность						0,483	
27. Уверенность	0,687						
28. Общительность		0,768					
29. Честность						0,426	
30. Самостоятельность	0,455				0,435		
31. Раздражительность					0,516		
Доля от общей дисперсии, %	14,9	9,7	7,9	6,9	6,4	5,9	4,4

Второй фактор, который условно можно назвать «общительность», объясняет 9,6% общей дисперсии и включает в себя переменные: отзывчивость (0,822), общительность (0,768), разговорчивость (0,686), доброта (0,421). Данную группу респондентов характеризуют качества, включаемые в фактор активности и фактор оценки ЛД, обуславливающие характер межличностных отношений. Экстравертированность личности, общительность тесно связаны с нравственно-психологическими качествами отзывчивости, доброты.

Третий фактор «самоуважение» представлен переменными с отрицательным знаком: самообвинение (-0,605) и внутренняя конфликтность

(-0,597); а также переменными с положительным знаком: открытость (0,594), отраженное самоотношение (0,534), самоуверенность (0,477), самоценность (0,463) и объясняет 7,9% общей дисперсии. Данная группа испытуемых характеризуется высокой оценкой собственного «Я» по отношению к социально-нормативным критериям: целеустремленность, воля, успешность, моральность, социальное одобрение.

Четвертый фактор «аутосимпатия» объясняет 6,9% общей дисперсии и включает три переменные: самопринятие (0,846), самоценность (0,499), обаятельность (0,487). Для лиц, входящих в эту группу, свойственны чувства привя-

занности и расположенности, положительное эмоциональное отношение к себе.

Пятый фактор «внутреннее напряжение» объясняет 6,4% общей дисперсии и представлен переменными: суетливость (0,646), напряженность (0,609), раздражительность (0,516), самостоятельность (0,435). Этот фактор свидетельствует о том, что для некоторой части родителей ДОР характерны проявления эмоциональной неустойчивости, повышенной тревожности, нервно-психической напряженности. Нарушения развития у ребенка вызывают сильное напряжение в семье и выражаются у родителей в негативных эмоциях и эмоциональных состояниях: чувство неудовлетворенности, печаль, волнение, ощущение вины и одиночества, а также стрессовое состояние.

В шестой фактор «справедливость» вошли переменные: справедливость (0,688), упрямство (-0,488), дружелюбность (0,483), честность (0,426), которые объясняют 5,9% общей дисперсии. Такие морально-нравственные качества, как справедливость, уступчивость, дружелюбие, честность позволяют родителям ДОР поддерживать внутреннюю стабильность и справляться с трудностями.

Седьмой фактор «ответственность», который объясняет 4,4% общей дисперсии, представлен только одной переменной – ответственность (0,885). Данный фактор может свидетельствовать о том, что с рождением больного ребенка

на родителей ложится большая ответственность за его судьбу, воспитание и развитие.

Таким образом, в структуре самосознания родителей ДОР были выделены следующие составляющие: решительная самоуверенность, общительность, самоуважение, аутосимпатия, внутреннее напряжение, справедливость, ответственность.

Литература

1. Миронова Т.Л. Самосознание, профессиональное самосознание и его эмоционально-оценочный компонент // Актуальные проблемы современной психологии. – Улан-Удэ, 2005. – С. 39-71.
2. Миронова Т.Л. Структура будущего Я-образа у врача-хирурга как субъекта профессиональной деятельности / Т. Л. Миронова // Вестник БГУ. – Улан-Удэ, 2010. – Вып. 5. – С. 70–80.
3. Миронова Т.Л., Дондупова Э.В. Особенности самоотношения студентов, склонных к перфекционизму // Вестник БГУ.– Улан-Удэ, 2010. – Вып. 5. – С. 88–100.
4. Сагдулаев А.А. О проблемах отношений в семьях, имеющих детей с отклонениями в развитии // Дефектология. – 1996. – № 5. – С. 75–79.
5. Ткачева В.В. К вопросу о создании системы психолого-педагогической помощи семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии // Дефектология. – 1999. – № 3. – С. 30–36.
6. Ткачева В.В. Психологическое изучение семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии. – М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2004. – С. 11-47.
7. URL: http://minsoc-buryatia.ru/payment/social_a_passport/

Будаева Мария Дашиевна, аспирант кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ. E-mail: budaeva1209@yandex.ru

Budaeva Mariya Dashievna, postgraduate student, department of general and social psychology, Buryat State University Ulan-Ude. E-mail: budaeva1209@yandex.ru

УДК 159.95

© Н.В. Колмакова

**ОСОБЕННОСТИ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ
У СЕЛЬСКИХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**

Рассматривается влияние места проживания на развитие высших психических функций в младшем школьном возрасте. Выявлено, что городские младшие школьники опережают сельских сверстников в сроках формирования функций программирования, контроля и серийной организации движений, а также в уровне сформированности вербальных функций. Сельские дети характеризуются лучше сформированным зрительным гнозисом и большим объемом зрительно-пространственной памяти.

Ключевые слова: *высшие психические функции, социокультурные факторы, вербальные и невербальные функции, нейропсихологические индексы.*

N.V. Kolmakova

**PECULIARITIES OF HIGHER MENTAL FUNCTIONS IN RURAL YOUNGER
SCHOOLCHILDREN**

The influence of place of residence on the development of higher psychological functions of younger schoolchildren is considered. It has been revealed urban younger schoolchildren are more advanced than rural schoolchildren of the same age in

terms of forming of programming functions, control and serial organization of motions and in the level of verbal functions formation. The rural schoolchildren are characterized by a more formed visual gnosis and a larger amount of visual spatial memory.

Keywords: *higher mental functions, socio-cultural factors, verbal and non-verbal functions, neuropsychological indexes.*

В основе развития высших психических функций (ВПФ) лежит комплекс нейробиологических и социокультурных механизмов. Если роль биологических факторов достаточно изучена, то специфике и влиянию социокультурных и экономических факторов уделяется гораздо меньше внимания. В то же время, согласно взглядам Л.С. Выготского [4], высшие психические функции имеют культурно обусловленную природу и формируются только в условиях социального взаимодействия. Важнейшую роль в формировании высших психических функций играет ранний опыт, при этом не только функция зависит от структуры, но и мозговая архитектура в той же степени зависит от опыта функционирования [2]. Неблагоприятный ранний опыт делает невозможным полноценное развитие высших психических функций, а правильно организованное обучение и успешная коррекционная работа приводят не только к росту успеваемости ребенка, но и к метаболическим изменениям мозга и нормализации активационных процессов. Таким образом, наличие генетических и структурных изменений не является фатальным для развития. Возможности самоорганизации функциональных систем и благоприятные средовые воздействия могут в значительной мере нивелировать негативные нейробиологические феномены [2]. Незнание механизмов и характера влияния конкретных социокультурных факторов приводит к тому, что упускается большой коррекционный и компенсаторный потенциал. Важнейшими социокультурными факторами являются образовательный уровень родителей, материальное положение семьи, а также место проживания ребенка. Можно предположить, что городская и сельская среда будут по-разному влиять на развитие ВПФ.

Для исследования этой проблемы мы использовали нейропсихологический подход. Он располагает необходимой теоретической базой, тонким и чувствительным диагностическим инструментарием и эффективными методами коррекционного и развивающего воздействия. Подход этот стал активно развиваться в последние десятилетия. Эта тенденция наблюдается в отечественной и зарубежной науке, и в образовательной практике. В частности, в отечественной психологии появились такие направления, как детская нейропсихология, нейропсихология индивидуальных различий (Е.Д. Хомская, Л.С. Цветкова, Т.В. Ахутина, А.В. Семенович,

Ю.В. Микадзе), а в зарубежной науке возник термин «school neuropsychology» [8]. Однако проблема влияния социальных факторов, в т.ч. места проживания ребенка в детской нейропсихологии изучена мало. Есть данные об особенностях развития ВПФ у сельских младших школьников, полученные в ходе скринингового исследования [7].

В нашем исследовании принимали участие 189 второклассников, проживающих в сельских районах Республики Хакасия и 30 учащихся городских общеобразовательных школ (г. Абакан). Всего было обследовано 219 чел., все дети – ученики 2-х классов. Среди испытуемых 110 мальчиков и 109 девочек.

Применялись методы нейропсихологического обследования, разработанные А.Р. Лурией [5] и адаптированные для детского возраста в лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Т.В. Ахутиной [1; 6]. Использовались пробы на реакцию выбора, динамический праксис, реципрокную и графомоторную координацию, кинестетический и оральный праксис, оценку и воспроизведение ритмов, запоминание трех групп по три слова, понимание слов, близких по звучанию и значению, запоминание невербализуемых фигур, рисунков и копирование трехмерного объекта, кубики Кооса, пробы Хэда, пробы на понимание логико-грамматических конструкций, пробы на узнавание наложенных, недорисованных и перечеркнутых изображений, вербальные субтесты. Все параметры, связанные с качеством и продуктивностью выполнения, оценивались по принципу «чем лучше, тем выше балл», а все виды ошибок учитывались с отрицательным знаком. Применялась процедура подсчета нейропсихологических индексов, которые представляют собой относительные суммарные показатели, объединяющие преимущественно однофакторные параметры, в совокупности позволяющие более надежно, чем каждый показатель в отдельности, оценить особенности функций II и III блоков мозга, а также лево- и правополушарные функции [1; 3]. Значения индексов нормализовывались. Полученные данные подвергались статистическому анализу с использованием пакета программ SPSS 12 for Windows.

Анализ состояния функций передних отделов мозга показал, что городские школьники отличаются более сформированной серийной орга-

низацией движений, они быстрее усваивают и автоматизируют двигательные навыки. У сельских школьников отмечаются трудности динамического праксиса, поэлементное неавтоматизированное выполнение последовательности движений. Аналогичные затруднения проявляются в графической деятельности, здесь также отмечаются поэлементность, развернутый переход от одного графического элемента к другому и существенное снижение скорости выполнения задания. Трудности серийной организации проявляются и в пробе на реципрокную координацию. Возможно, это отчасти объясняется несформированностью межполушарного взаимодействия. На речевом уровне, а именно в состоянии слоговой структуры слова и грамматического структурирования, также выявлено некоторое отставание сельских второклассников от городских сверстников. Сельские дети значительно уступают городским в способности к следованию речевой инструкции и произвольной регуляции своего поведения.

Кинестетические функции лучше сформированы у городских школьников.

В показателях обработки слуховой информации отсутствуют существенные различия между второклассниками, проживающими в городской и сельской местности, хотя сельские дети немного успешнее, чем городские, оценивают и воспроизводят ритмические структуры. Что касается слухоречевой памяти, то существенных различий в характеристиках объема и динамики запоминания не выявлено. Однако отличаются допускаемые школьниками ошибки. Для сельских детей наиболее типичны замены порядка следования слов при воспроизведении (правополушарная ошибка), а у городских сверстников больше звуковых замен (левополушарная ошибка).

У сельских школьников выявлены и некоторые преимущества. Они касаются невербальных функций, прежде всего обработки зрительной и зрительно-пространственной информации. В частности, у сельских детей немного выше продуктивность узнавания всех видов перцептивно сложных изображений. У них также меньше перцептивно далеких ошибок (*тетенька* – чайник; *кошка* – бабочка) и ошибок, обусловленных трудностями вычленения фигуры из фона. При этом количество вербально-перцептивных (*кружка, ваза, кофейник* – кувшин, *гитара* – балалайка), перцептивно-близких ошибок (*гриб* – лампа) и ошибок, обусловленных фрагментарностью восприятия (*ложка, нож, иголка* – нож-

ницы, *цифра, стрелка* – якорь), практически одинаково.

У сельских детей существенно больше объем зрительно-пространственной памяти, как кратковременной, так и долговременной. Аналогичные данные получены в исследовании В.М. Полякова [6]. Он также делает вывод, что при запоминании городские дети лучше справляются со слухоречевым материалом, а сельские – со зрительным. Однако, по нашим наблюдениям, запоминая большее количество невербализуемых элементов, сельские школьники воспроизводят их менее точно, чаще, чем городские дети, допуская такие ошибки, как улучшение гештальта фигур и зеркальность. Таким образом, сельские дети превосходят городских в объеме памяти этой модальности, но уступают в избирательности следов. Вероятно, будучи неуверенными в пропорциях и структуре фигуры, городские дети предпочитают не воспроизводить ее совсем, чем воспроизводить с ошибкой. Можно предположить, что это следствие более сформированной произвольности.

Успешность складывания фигур из кубиков Кооса в обеих группах практически одинакова. И те, и другие школьники испытывают трудности при выполнении этого задания. При работе с более сложной второй фигурой дети часто используют помощь в виде «сетки», некоторые не справляются с этой пробой даже при условии оказания всех видов помощи.

Большинство второклассников, независимо от места проживания, характеризуются несформированностью проекционных представлений, что проявилось в рисунках трехмерного объекта. Наиболее типичным оказалось плоскостное изображение стола без грубых топологических и метрических ошибок и не полностью стереометрическое изображение, когда в проекции рисуются либо ножки, либо крышка. Копирование стола дается детям проще. Если самостоятельный рисунок одинаково плох, то срисовывание достоверно успешнее у городских детей. Это можно интерпретировать как свидетельство опережающего развития у последних функций произвольной регуляции деятельности.

Важным дифференцирующим фактором оказалось состояние речи и вербального мышления. У городских детей эти функции развиты лучше. Сельские школьники плохо справляются с пересказом текста, для 5% это задание оказалось недоступным. Сельские дети также демонстрируют худшую осведомленность об окружающем мире, у них меньше запас обобщающих понятий и больше выражена склонность к ситуативным

обобщениям (курица – девочка, она на суп; Петров – на букву П, Стасик – он плохой, ковер – по нему ходят).

Сопоставление значений нейропсихологических индексов (табл. 1) обнаруживает, что основные различия между сельскими и городскими школьниками касаются уровня сформированности функций передних отделов мозга, а именно серийной организации движений, программирования и контроля произвольных форм деятельности. При этом функциональное со-

стояние задних отделов мозга у городских детей даже несколько хуже, чем у сельских, хотя различия и не достигают статистически значимого уровня. Как видно из показателей индексов функций, это происходит из-за отставания городских детей в уровне сформированности зрительной перцепции. В то же время левополушарные функции у городских школьников несколько успешнее, а в состоянии правополушарных функций различий не выявлено.

Таблица 1

Индексы функций

Названия показателей	село	город
Серийная организация движений	-0,14	0,87**
Программирование и контроль	-0,56	0,11**
Кинестетический праксис	-0,08	0,12*
Обработка слуховой информации	0,04	0,06
Зрительный гнозис	0,04	-0,27
Обработка зрительно-пространственной информации	0,02	0,10
Вербальные функции	-0,7	-0,3~
Функции передних отделов мозга	-0,26	0,78**
Функции задних отделов мозга	-0,14	-0,39
Функции левого полушария	-0,18	0,14
Функции правого полушария	-0,15	-0,11

Рядом с показателями выполнения проб городскими школьниками указан уровень значимости различий с показателем сельских детей: ** – $p < 0,001$; * – $p < 0,05$; ~ – тенденция

Можно сделать вывод, что высшие психические функции имеют специфику развития в зависимости от проживания ребенка в городе или селе. Сельские дети находятся в условиях, благоприятно влияющих на состояние зрительного гнозиса и функций переработки зрительно-пространственной информации, при этом они уступают городским сверстникам в способности произвольно регулировать свое поведение, у них хуже развит динамический и кинестетический праксис, речь и вербальное мышление.

Литература

1. Ахутина Т.В., Яблокова Л.В., Полонская Н.Н. Нейропсихологический анализ индивидуальных различий у детей: параметры оценки // Нейропсихология и психофизиология индивидуальных различий / под ред. Е.Д. Хомской, В.А. Москвина. – М.: Оренбург, 2000.
2. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. – СПб: Питер, 2008.

Колмакова Наталья Викторовна, аспирант кафедры общей и клинической психологии ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан. E-mail: kolmakova@bk.ru

Kolmakova Natalia Viktorovna, postgraduate student, department of general and clinical psychology, N.F.Katanov Khakass State University, Abakan. E-mail: kolmakova@bk.ru

3. Возрастные, половые и индивидуально-типологические особенности высших психических функций в норме / под ред. Т.А. Фотековой. – Абакан. Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007.
4. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.
5. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга – М.: Изд-во МГУ, 1969.
6. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / под ред. Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой. – М., 2008.
7. Поляков В.М. Нейропсихология в скрининговых исследованиях детских популяций // материалы 2-й Международной конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Р. Лурия / под ред. Т.В. Ахутиной, Ж.М. Глозман. – М.: Смысл, 2003.
8. Hynd G.W., Reynolds C. School neuropsychology: The evolution of a specialty in school psychology. In Handbook of School Neuropsychology / Edited by R.C.D'Amato, E. Fletcher-Janzen, C.R. Reynolds. – New York: Guilford Press, Plenum Press. 2006.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье проанализированы теоретические подходы к изучению эмоций и интеллекта, а также особенности их взаимодействия. Рассмотрены основные положения и модели, описывающие взаимодействие эмоциональной и интеллектуальной сфер психики в рамках психологии интеллекта и психологии эмоций, начиная с античности до 90-х гг. XX в.

Ключевые слова: интеллект, эмоции, эмоциональный интеллект, мышление, когнитивная и эмоциональная сфера, способности.

E.Zh. Bazarsadaeva**TO THE ISSUE OF THE HISTORY OF EMOTIONAL INTELLECT STUDY**

The paper has analyzed the theoretical approaches to a study of emotion and intellect, as well as the characteristics of their interaction. The basic principles and models that describe the interaction of psyche's emotional and intellectual spheres within the psychology of intellect and psychology of emotions have been considered since antiquity through the 90s of the twentieth century.

Keywords: intellect, emotions, emotional intellect, thinking, cognitive and emotional spheres, abilities.

Проблема эмоционального интеллекта является крайне актуальной на сегодняшний день. Изучение данного феномена имеет большую теоретическую и практическую значимость, т.к. в повседневной жизни эмоции порой играют решающую роль в характере межличностных отношений, принятии важных решений. Поэтому умение понимать, воспринимать и регулировать эмоции как свои, так и окружающих людей является ключевым моментом межличностных взаимоотношений. Термин «эмоциональный интеллект» берет свое начало с 1990 г., когда два американских профессора Дж. Мейер и П. Сэловей определили его как способность воспринимать и выражать эмоции, ассимилировать эмоции и мысли, понимать и объяснять эмоции, а также регулировать эмоции (свои собственные и других людей) [23, с. 55]. По мнению авторов, эмоциональный интеллект – это не триумф разума над чувствами, а уникальная взаимосвязь когнитивной и аффективной сфер, позволяющая эффективно разрешать жизненные задачи [28]. Но единство когнитивной и аффективной сфер не всегда воспринималось учеными как данность. В истории науки наблюдается постепенное изменение точки зрения на соотношение эмоциональных и познавательных процессов. Факт существования эмоциональных процессов и их роль в познании были описаны еще до выделения психологии в самостоятельную науку. По мнению И.Н. Андреевой, идея единства рационального и эмоционального начала в человеке зародилась еще в философских и религиозных учениях. Автор приводит примеры изречений о роли интеллекта в процессе эмоциональной саморегуляции из Библии и Ветхого Завета, Книги притчей Соломоновых, устного народного творчества [2, с. 9]. Следовательно, предпо-

сылки зарождения идеи единства когнитивной и аффективной сфер психики прослеживаются еще в ранних религиозных учениях, но носят фрагментарный характер. В рамках философских учений античности учеными рассматривалось деление души на три части – желательную, страстную и умственную. Здесь наблюдается отделение когнитивной от потребностно-мотивационной сферы человека [19]. Согласно учениям Сократа и Платона, Просвещенный разум должен полностью контролировать разрушительное влияние эмоций. Тут наблюдается подчеркивание доминирования разума над эмоциями. По их мнению, умственное удовольствие и страдание относятся к высшим переживаниям, которые значительно отличаются от удовлетворения потребностей организма. По мнению Сократа, эмоции и чувства человека представляют собой преграду на пути познания истины. Игнорирование эмоциональной стороны жизни человека является отличительной чертой истинного философа от обычных людей, тогда как обычные люди не способны противостоять страстям [20, с. 25]. Аристотель также подразделял душу на три вида: растительную, животную и разумную. Каждый из этих видов обладает определенными функциями. Растительная душа может размножаться и питаться, животная – чувствовать, двигаться, ощущать и запоминать. Третий же вид души – разумный – включает в себя все эти функции и обладает дополнительной – способностью мыслить. Аристотель разделял теоретический и практический разум, функцией теоретического мышления является накопление знаний, а практического – руководство поведением, причем регулировать поведение могут как разум, так и эмоции. Эмоции – результат пра-

вильной или неправильной интеллектуальной оценки ситуации [5].

Согласно другой точке зрения античности – философскому учению стоицизма – эмоции являются источником несчастий и ошибок. Человека необходимо «лечить» от аффектов, как от болезни. Стоики считали бессмысленными эмоциональные привязанности и подчеркивали роль «высшего разума» в бесстрастном и безразличном отношении к окружающему миру.

Впервые в период античности происходит обособление эмоций как особой сферы психической жизни. Наблюдаются первые попытки рассмотрения взаимосвязи когнитивной и аффективной сфер психики человека. Античные философы, подчеркивая негативное влияние эмоций на разум человека, выделили особый вид эмоциональных переживаний – «умственные наслаждения» или «истинные, чистые удовольствия», возникающие в процессе занятий науками как результат познания, которое так же могло служить побудительной силой для познавательной деятельности.

Дальнейшее изучение взаимосвязи эмоциональной и когнитивной сфер мы наблюдаем в учениях представителя рационализма, мыслителя Нового времени – Р. Декарта. Особое внимание он уделял страстям, которые делил на два вида: страдательные и активные. Страдательные страсти представлены ощущениями, восприятиями, представлениями, чувствами, которые не исходят из самой души, а привносятся извне, и душа их изменить не в состоянии. Страсти выступают в роли составляющей когнитивной оценки окружающего и зависят от точности и истинности этой оценки. Таким образом закладываются основы когнитивного подхода к проблеме эмоций [19, с. 117]. Второй же вид страстей – активные страсти – выступает в роли желаний, исходящих из души человека. Но есть у страстей и отрицательная роль, из-за которой человек может отказаться от вещи, которая действительно необходима ему, его «телу», но может быть неприятной, вызывающей отрицательные эмоции точно так же, как и принятая вещь, которая не приносит никакой пользы и даже вредит его «телу», но при этом вызывает положительные эмоции. Поэтому страсти необходимо воспитывать, при этом воспитание страстей должно осуществляться посредством воли и разума [там же, с. 119]. Таким образом, по Р. Декарту, эмоции могут помешать рационально рассуждать. Выход из такой ситуации ученый видел в когнитивной регуляции эмоций [18].

Если Р. Декарт считал эмоции типом страстей, то другой мыслитель, философ-рационалист Б. Спиноза рассматривает страсти и эмоции как равнозначные явления и относит их к типам эмоциональных явлений. Человек становится свободным и рациональным, познавая причины аффектов, которым подвержен каждый человек, потому что он часть природы и поведение человека детерминировано аффектами. Противоположной точки зрения придерживался французский мыслитель XVIII в. Ж-Ж. Руссо, который считал, что образование должно быть направлено эмоциями, а не ограничиваться рамками логики и рассудка.

В таком направлении гносеологии как эмпиризм его последователи рассматривали познание как чувственный опыт, который, по их мнению, является единственным источником знания.

В 1908 г. впервые в истории философии и психологии была предложена модель, предполагающая взаимосвязь эмоциональной и когнитивной сфер психики, являющаяся очень близкой по содержанию к понятию «эмоциональный интеллект». Немецкий ученый Г. Мейер опубликовал книгу «Психология эмоционального мышления», где предложил классификацию видов мышления и систематизировал их наиболее существенные признаки. Он выделил «судящее» (т.е. логическое) и «эмоциональное» мышление, которое тесно связано с эмоциональной сферой человека [17, с. 123]. Исследования Г. Мейера доказали важность «эмоционального мышления» в умственной деятельности человека. Здесь внимание сосредоточено на практической цели, для которой познавательный процесс отодвинут на второй план и является средством достижения цели. Ученый «эмоциональное мышление» не выделял как самостоятельный вид мышления, а отмечал его сходство с практическим мышлением, т.е., по его мнению, «эмоциональное мышление» связано с функционированием человека в обыденной жизни.

Дж. Мейер как представитель зарубежной истории изучения взаимодействия аффективных и когнитивных компонентов психики выделил пять временных отрезков, в каждом из которых происходит качественное изменение взаимовлияний этих компонентов друг на друга. В конечном итоге, по его мнению, происходит выделение такого интегрального показателя как «эмоциональный интеллект» [3]. Это следующие пять периодов.

I. 1900–1969 – исследования эмоциональной сферы в эти годы были обособлены от исследований интеллектуальной сферы психики.

В дальнейшем происходит изменение взглядов ученых на проблему взаимовлияний эмоций и интеллекта. Эти сферы характеризуются не обособленностью друг от друга, а скорее дополнением друг друга.

II. В центре внимания ученых оказались особенности взаимного влияния когнитивных и эмоциональных процессов (1970–1989).

III. На следующем этапе (1990–1993) феномен эмоционального интеллекта становится самостоятельным предметом психологического исследования.

IV. На данном этапе в истории развития и возникновения понятия «эмоциональный интеллект» (1994–1997) данный конструкт был популяризирован и с этого времени становится предметом обсуждения широкого круга общест-венности.

V. Начиная с 1998 г. по настоящее время происходит уточнение сущности данного феномена [27].

Данная периодизация была дополнена А.С. Петровской, которая описала три этапа в становлении понятия эмоционального интеллекта [14].

Первый этап включает три направления: 1) изучение особенностей эмоционально-когнитивных взаимодействий в русле психологии мышления; 2) в рамках зарубежной психологии интеллекта; 3) исследования роли эмоций в когнитивном процессе в отечественной психологии.

Второй этап – это влияние эмоций на мыслительный процесс.

Третий этап характеризуется интеграцией эмоциональной и когнитивной сфер психики.

Периодизации развития и становления понятия эмоционального интеллекта Дж. Мейера и А.С. Петровской были дополнены другим исследователем в области эмоционального интеллекта – О.А. Айгуновой. Предложенная ею периодизация включает отечественную линию исследований по проблеме [1]. Хотя отечественные исследования в области эмоционального интеллекта были ранее рассмотрены в работах А.С. Петровской, О.А. Айгунова считает необходимым дополнить периодизацию более ранними работами отечественных ученых, содержащими исследования по проблеме взаимовлияний когнитивной и аффективной сфер психики. 1-й этап – философский – включает взгляды античных мыслителей на проблему аффективно-когнитивных взаимодействий. 2-й – этап начала эмпирических исследований, охватывающий период с конца XIX в. до начала XX в.,

это работы Э. Блейера, Ч. Дарвина, У. Джеймса, П. Жане, Н. Ланге, Г. Майера, Т. Рибо. На 3-м этапе подчеркнута дифференцированное изучение эмоциональной и когнитивной сфер, автор выделяет три направления исследований: психология эмоций, психология интеллекта и отечественные исследования. 4-й этап характеризуется автономным изучением эмоционального интеллекта; так же, как и в периодизации Дж. Мейера, в центре внимания находятся взаимные влияния когнитивных и эмоциональных процессов. Но в данном случае рассмотрены, кроме зарубежных исследований, и работы отечественных ученых. На 5-м этапе отмечается начало глубинного изучения феномена эмоционального интеллекта. По мнению О.А. Айгуновой, прояснение сущности феномена происходит в трех разных направлениях: научном (в работах таких ученых, как Т.П. Березовская, С.П. Деревянко, Д.В. Люсин, Дж. Мейер, М.А. Манойлова, П. Сэловой и др.), «популистическом» (Г. Бук, Д. Гоулман, С. Стейн и др.), в русле социального интеллекта (О.П. Джон, С. Космитский, Р. Риггио, А.И. Савенков, Д.В. Ушаков и др.).

Таким образом, в начале XX в. исследования когнитивных и аффективных аспектов психики характеризовались относительной обособленностью.

Первоначально в исследованиях интеллекта не выделялись различные его виды. В 20-х гг. XX в. автор двухфакторной модели интеллекта Ч. Спирмен предположил, что успешность любой интеллектуальной работы определяется, во-первых, неким общим фактором, генеральной способностью (фактор G), и, во-вторых, еще одним фактором, являющимся специфическим для того или иного вида деятельности (фактор S). Ученый полагал, что G – это и есть интеллект, сущность которого сводится к индивидуальным различиям в «умственной энергии», где «умственная энергия» представляет собой связи и соотношения, как между элементами собственных знаний, так и между элементами содержания тестовой задачи [26]. В дальнейшем была построена иерархическая модель интеллекта, где между факторами G и S существовали так называемые групповые факторы – это арифметические, механические, вербальные и лингвистические способности. По мнению ученого, интеллект не зависит от личностных черт человека и не включает в свою структуру неинтеллектуальные качества, такие, как интересы, мотивацию достижения или тревожность [13]. Данная теория подверглась критике и в скором времени начали появляться и обсуждаться многофактор-

ные теории интеллекта. Так, Л. Терстоун (1938) отрицал существование общей, генеральной основы интеллектуальной деятельности и считал, что интеллектуальный акт является результатом взаимодействия множества отдельных различных факторов. Им впервые было сформулировано положение о том, что интеллект является не только механизмом переработки информации, но и механизмом регуляции психической и поведенческой активности. По его мнению, интеллект – это способность останавливать или ослаблять импульсивные побуждения до момента осмысления исходной ситуации в рамках наиболее приемлемого способа поведения для человека. Поэтому, по мнению Л. Терстоуна, интеллект обладает функцией регуляции потребностно-аффективной сферы [8]. Но эта «многофакторная теория интеллекта» так же подверглась критике, так как она не исключала возможности существования общего, единого интеллектуального фактора, наподобие фактора G Ч. Спирмена. Проведенные Л. Терстоуном эксперименты показали, что использованные им тесты положительно коррелируют друг с другом, и так же было отмечено, что факторизация корреляций всех возможных пар факторов может быть объединена в более обобщенный фактор.

Далее развитие представлений о структуре интеллекта продолжалось по пути ее дифференциации, постепенно утверждается мнение о множественности сторон интеллекта.

В начале 30-х гг. XX в. была создана иерархическая модель интеллекта Ф. Вернона. На вершине этой иерархии – генеральный фактор по Ч. Спирмену, который, в свою очередь, распадался на два фактора: вербально-цифровой-образовательный и механико-пространственно-практический. На следующем уровне иерархии располагаются второстепенные групповые факторы, которые характеризуют более частные интеллектуальные способности (техническое мышление, арифметические способности, музыкальные способности и т.д.). И, наконец, самый низший уровень иерархического дерева представлен более частными субфакторами [26].

Позднее ученым Р. Кеттеллом так же, как и Ф. Верноном, спирменовский генеральный фактор был разделен на две части. Он определил их как кристаллизованный интеллект и текучий интеллект, где первый был представлен тестами на словарный запас, чтение и т.д., а второй – тестами на выявление закономерности в ряду и цифр, объем оперативной памяти, пространственные операции и т.д. Их он обозначил как базовые интеллектуальные способности. Кроме

них Р. Кеттелл выделил три дополнительных фактора: визуализация (способность манипулировать образами при решении дивергентных задач), память, скорость (высокий темп реагирования). При этом кристаллизованный интеллект является результатом обучения индивида, различных культурных влияний, основная функция данного вида интеллекта кроется в накоплении и организации знаний. В свою очередь, текучий интеллект представляет собой биологическую составляющую, которая характеризует возможности нервной системы и является показателем того, насколько быстро и точно обрабатывается текущая информация. Итак, Кеттелл выделил две стороны в работе интеллекта: одна из них обуславливается влияниями окружающей среды, другая – особенностями строения и функционирования головного мозга [26].

В 1920 г. Э. Торндайк и Ч. Хант выделили такую часть интеллекта, как социальная. Социальный интеллект – это способность понимать других и действовать или вести себя мудро по отношению к окружающим [24, с. 19].

Таким образом, этап дифференцированного изучения когнитивных и аффективных аспектов психики продолжался до середины XX в. Тогда, в 50-е гг. XX в., Д. Векслер в процессе изучения интеллектуальных способностей пришел к выводу, что большое значение при исследовании человеческой личности имеют «эмоциональные факторы», которые не могут быть измерены IQ-тестом, и настаивал на включении неинтеллектуальных элементов общих способностей в каждое полное измерение. При этом под неинтеллектуальными элементами ученый подразумевал не только общую работоспособность психики, но и ее аффективно-регулятивные компоненты, благодаря которым человек на протяжении более длительного времени может заниматься решением значимой для него проблемы [2, с. 22].

Так же проблему эмоционально-интеллектуального взаимодействия с биологической точки зрения рассматривал в своих учениях Ч. Дарвин. Он обратил внимание на внешнее проявление эмоций, на то, как выражаются эмоции в поведении [9], а именно на биологическое происхождение экспрессивных движений при различных эмоциях. Ученый указывает на биологическую значимость эмоций, подчеркивая их связь со способностью адаптироваться к окружающей среде [12].

В русле психологии эмоций в период с начала до 60-х гг. XX в. также проводятся активные исследования. Роль когнитивной сферы психики

в эмоциональном переживании неоспорима. Но все же исследования по данной проблеме в этот период характеризуются относительной обособленностью. За когнитивными процессами признается важная, хотя и вспомогательная роль – обеспечение восприятия и оценки воздействующих стимулов, на которое направлено эмоциональное переживание.

Толчком к переосмыслению значения когнитивных процессов для возникновения эмоций послужили представления об эмоциях испанского врача Г. Маранона [15, с. 419]. В 1920–х гг. XX в. он проводил исследования физиологического воздействия инъекций адреналина. В результате исследования ученый пришел к выводу о том, что физиологическое возбуждение является необходимым, но недостаточным условием для возникновения эмоций. Для того, чтобы человек начал переживать эмоциональное возбуждение, также важна оценка субъектом события, которое привело к возникновению возбуждения.

Позднее (в 1940-х гг.) Э. Даффи подчеркивала направленность эмоции, т.е. избирательную ответную реакцию организма на ситуацию.

Фрустрационные теории эмоций (Л. Фестингер, Э. Клапаред) объясняют появление эмоциональных реакций вследствие неудовлетворенности потребностей, влечений, неудачи человека. Здесь подразумеваются рассудочные эмоции, т.е. эмоции, которые возникают не как оценка раздражителя, а как оценка степени успешности достижения цели, удовлетворения потребности. С точки зрения другого направления, когнитивистской теории эмоций (М. Арнольд, Р. Лазарус, С. Шехтер), эмоция познавательной детерминирована. По мнению М. Арнольда, ситуация оценивается с позиций ее полезности или опасности, объект должен быть воспринят и оценен еще до возникновения эмоции. Эмоция возникает на основе когнитивных по своей природе предпосылок. Для того, чтобы она возникла, необходимо, чтобы у человека заранее сформировались определенные суждения по поводу объекта или ситуации, на которые эмоция направлена. Так же, в зависимости от этих суждений, будут различаться ее качество и интенсивность. Третий момент – это утверждение того, что когнитивный процесс включает в себя два рода оценок: во-первых, установление фактического статуса объекта (т.е. что представляет собой объект), во-вторых, установление ценностного статуса объекта (т.е. ценностные суждения по поводу объекта и по отношению к объекту) [15, с. 460].

В рамках когнитивистских теорий эмоций модель М. Арнольда была дополнена американским исследователем Р. Лазарусом в его когнитивно-мотивационной теории отношений. Как и М. Арнольд, ученый считал, что в основе различных эмоций лежат различающиеся паттерны когнитивной оценки. Но в отличие от М. Арнольда, Р. Лазарус считал, что такая оценка недостаточна, т.к. она не может позволить отличить некоторые эмоции от других. Следовательно, по его мнению, каждая эмоциогенная ситуация оценивается не только с точки зрения релевантности цели, но и с точки зрения возможностей преодолеть эту ситуацию.

Модель другого американского исследователя в рамках когнитивистских теорий С. Шехтера называют когнитивно-физиологической или двухфакторной теорией эмоций. Автор связывает возникновение эмоциональных проявлений с существованием таких необходимых предпосылок, как физиологическое возбуждение и когнитивная оценка источника возбуждения. Под физиологическим возбуждением С. Шехтер понимает периферические физиологические изменения, вызываемые активацией симпатической нервной системы, такие как учащение сердцебиения, глубокое и ускоренное дыхание, расширение зрачков и т.д., но особое внимание ученый уделяет в своей теории не столько перечисленным телесным изменениям, сколько общему ощущению физиологического возбуждения при переживании эмоции. А под когнитивной оценкой предполагает наличие специфической для эмоции оценки ситуации, вызвавшей возбуждение. По его мнению, без когнитивной составляющей в результате одного только физиологического возбуждения эмоция невозможна [15].

Рассмотренный нами этап подчеркнуто дифференцированного изучения эмоциональной и когнитивной сфер сменяется этапом начала автономного изучения эмоционального интеллекта. Начинается данный этап на рубеже 60-70-х гг. и заканчивается в конце 80-х гг. XX в. В центре внимания находятся особенности взаимного влияния когнитивных и эмоциональных процессов.

В 1973 г. П. Сифнеос ввел в научную терминологию понятие «алекситимия» (в пер. с греч. – «а» означает отсутствие, «lexis» означает слово, «thymos» означает чувства), т.е. отсутствие слов для выражения чувств. Это состояние включает в себя трудность определения чувств, трудность различения разных чувств как на словах, так и в телесных ощущениях, трудность в описании их окружающим людям. Также им была создана

торонтская шкала по алекситимии. Анализ умений, которые включены в шкалу, показывает, что данная шкала включает также и составляющие эмоционального интеллекта.

В 1980 г. клинический физиолог Р. Бар-Он начал исследование вопроса достижения людьми общего эмоционального здоровья и благополучия. Ученый рассматривал эмоциональный интеллект как все некогнитивные способности, знания и компетентность, дающие человеку возможность успешно справляться с различными жизненными ситуациями [22, с. 33]. Он выделил пять сфер компетентности, которые, по мнению Д.В. Люсина, можно отождествлять с пятью компонентами эмоционального интеллекта. Каждый из этих компонентов состоит из нескольких субкомпонентов [24]:

1. Познание себя: осознание своих эмоций; уверенность в себе; самоуважение; самоактуализация; независимость.

2. Навыки межличностного общения: эмпатия; межличностные взаимоотношения; социальная ответственность.

3. Способность к адаптации: решение проблем; связь с реальностью; гибкость.

4. Управление стрессовыми ситуациями: устойчивость к стрессу; контроль импульсивности.

5. Преобладающее настроение: счастье; оптимизм.

На основе данной модели был создан опросник EQ-i или эмоциональный коэффициент. Но однако многие авторы подвергают сомнению достоверность полученных результатов при оценке поведения с помощью EQ-i.

Позднее Г. Гарднером (1983) была сформулирована теория множественных интеллектов, где мы можем обнаружить описание внутриличностного и межличностного интеллекта. Внутриличностный интеллект понимается как доступ к собственной эмоциональной жизни, к своим эмоциям: способность мгновенно различать чувства, называть их, переводить в символические коды и использовать в качестве средств для понимания и управления собственным поведением [1]. Затем в 1985 г. Р. Стернберг выделил практическое мышление как способность адаптироваться, изменять или переделывать ситуации, возникающие в реальной жизни [21].

В отечественной психологии проблема взаимодействия эмоциональных и когнитивных аспектов психики человека изучалась в работах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева. Ими разработаны основные методологические основы данной проблемы.

Л.С. Выготский указывал на единство аффекта и интеллекта, отмечая, что один из коренных пороков традиционной психологии это и есть отрыв интеллектуальной стороны нашего сознания от аффективной [11]. Также он рассматривал онтогенетические закономерности взаимодействия аффекта и интеллекта: «Аффективные и интеллектуальные процессы представляют собой единство, но оно не есть неподвижное и постоянное. Оно изменяется. И самым существенным для всего психологического развития ребенка как раз является изменение отношений между аффектом и интеллектом» [10]. М.А. Холодная подчеркивает, что тезис о единстве аффекта и интеллекта может проявляться в двух формах: интеллект может контролировать влечения, освобождая сознание из плена страстей, и интеллект может обслуживать влечения, погружая сознание в желаемый мир [26].

С.Л. Рубинштейн считал, что мышление как психический процесс является единством интеллектуального и эмоционального, а эмоция – единством эмоционального и интеллектуального [9, с. 249]. Другой отечественный ученый А.Н. Леонтьев выдвинул положение о том, что мышление как деятельность имеет аффективную регуляцию, непосредственно выражающую ее пристрастность [16]. Источником эмоций признается смысловое образование. Функцией эмоций является представление личностных смыслов в сознании субъекта, на основе чего происходит регуляция деятельности, т.е. эмоции сигнализируют нам о личностном смысле происходящих событий.

В русле отечественной нейропсихологии А.Р. Лурия внес особый вклад в разработку проблемы эмоционально-интеллектуальных взаимодействий. В результате исследований им были сформулированы основные постулаты о соотношении мозга и психики, названные «теорией системной динамической локализации высших психических функций».

Также в отечественной психологии в рамках биологической теории П.К. Анохина подчеркивался эволюционный, приспособительный характер эмоций, особое внимание уделялось регуляторной функции в процессе адаптации организма к окружающей среде. Ученый выделял две стадии в поведении, которые составляют основу жизнедеятельности – это стадия формирования потребностей и стадия их удовлетворения. Если первая сопровождается негативными эмоциями, то вторая – положительными. Эмоциональные ощущения закрепились как инструмент, определяющий оптимальные границы для

адаптации организма к окружающей среде, предупреждающий разрушительный характер недостатка или избытка каких-либо факторов для его жизни [4].

В информационной теории П.В. Симонова эмоциональные переживания тесно связаны с информацией, которая поступает к нам извне. Индивидуум ожидает достижения цели с какой-либо вероятностью, при этом он учитывает сведения о внешних условиях, способах достижения цели, сопоставляя возможность достижения цели с реальными фактами. По мнению ученого, эмоции возникают из-за внезапного события, которого человек не ожидал. Также эмоции не возникают в том случае, если человек обладает необходимой информацией о предстоящей ситуации. Негативные эмоции возникают, когда человеку поступает информация отрицательного характера или поступает недостаточно информации, и наоборот, человек испытывает положительные эмоции, когда поступает достаточно информации, особенно в случаях, когда результат лучше ожидаемого. В данном случае речь идет об оценочной функции эмоций.

В 1980-е гг. под руководством О.К. Тихомирова проведено исследование эмоциональных процессов в творческой деятельности. В результате был сделан вывод о том, что существует эмоциональная регуляция мыслительной деятельности. По мнению О.К. Тихомирова, эмоциональная активизация является необходимым условием продуктивной эмоциональной деятельности. Им введен термин «эмоциональное мышление», что является своеобразным аналогом «эмоционального интеллекта» [25].

Эмоции как важнейшие компоненты мыслительной деятельности рассматривал в своих работах А.В. Брушлинский. По его мнению, роль эмоций в мыслительной деятельности различна, они могут как способствовать, так и препятствовать мышлению. Автор говорит о том, что обнаружить специфику взаимоотношений между когнициями и эмоциями можно только в том случае, если имеется понятийный аппарат, который позволяет выявить явления, не принадлежащие ни только мышлению, ни исключительно эмоциям [2, с. 33].

Необходимо отметить А.А. Бодалева, который внес особый вклад в разработку проблемы эмоциональных способностей. По его мнению, некоторой категории людей присуща социальная одаренность, которая является сочетанием интеллектуальных, эмоциональных и когнитивных способностей, что представляет собой основу успешной коммуникации с окружающими

ми. Чувства, возникающие у индивида в ходе отражения и оценки поведения другой личности начинают затем влиять на последующее отражение индивидом этой личности. Как правило, при познании другого человека помимо морального чувства у познающего субъекта возникает то или иное эстетическое переживание [6].

Итак, появлению термина «эмоциональный интеллект» предшествовало постепенное изменение взглядов на соотношение эмоциональных и интеллектуальных процессов. Исследование проблемы эмоционально-когнитивного взаимодействия мы можем встретить в ранних работах античных философов. Они выделяли эмоции и разум в отдельные сферы. Также подчеркивалось доминирование разума над эмоциями. Затем, по мере развития психологических знаний в рамках философии, наблюдается активизация эмпирических исследований в области мышления и эмоций. Здесь авторы связывали взаимовлияние эмоций и интеллекта с функционированием человека в обыденной жизни. Далее последовал этап дифференцированного изучения эмоций и интеллекта, где особенности взаимодействия эмоций и интеллекта рассматривались в русле психологии интеллекта и отдельно в рамках психологии эмоций. В психологии эмоций признавалась важная, но все же вспомогательная роль когнитивных процессов, а в психологии интеллекта второстепенная роль отводилась эмоциональным переживаниям. Далее отмечается рост интереса к изучению особенностей взаимовлияний эмоций и интеллекта. Предположение об их продуктивном взаимодействии доказывалось во множестве исследований 70-80-х гг. XX в.

Таким образом, к началу 90-х гг. XX в. отмечается тенденция к интеграции психологических явлений. По мнению А.В. Брушлинского, должен иметь место понятийный аппарат, позволяющий выявить единицы, которые мы не сможем отнести ни к мышлению, ни к эмоциям. Такие единицы могут быть описаны внутри психической деятельности с помощью «интерпроцессуальных» понятий, каким и является эмоциональный интеллект [7].

Итак, анализ теоретических предпосылок возникновения феномена эмоционального интеллекта, изучение исторического аспекта в развитии эмоционально-когнитивных взаимовлияний позволили нам рассмотреть объективные закономерности появления в терминологии психологической науки нового понятия.

Литература

1. Айгунова О.А. Особенности базовых компонентов эмоционального интеллекта математически одаренных юношей с разной учебной успешностью: дис. ... канд. психол. наук / Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2011.
2. Андреева И.Н. Азбука эмоционального интеллекта. – СПб., 2012.
3. Андреева И.Н. Об истории развития понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. – 2008. – №5. – С. 83–95.
4. Анохин П.К. Эмоции // Общая психология. Тексты. – Т.2. Субъект деятельности. – Кн. 1. – М., 2002. – С. 474–479.
5. Аристотель. О душе: сочинения: в 4 т. / под ред. В.Ф. Асмуса. – Т.1. – М., 1975.
6. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М., 1982.
7. Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – №2. – С. 18–32.
8. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М., 1982.
9. Вилюнас В. Психология эмоций. – СПб., 2007.
10. Волков И.П. Социометрические методы в социально-психологических исследованиях. – Л., 1992.
11. Выготский Л.С. Психология. – М., 2006.
12. Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных // Хрестоматия по психологии / под ред. А.В. Петровского. – М., 1987. – С. 287–292.
13. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. – СПб., 2007.
14. Карпов А.В., Петровская А.С. Психология эмоционального интеллекта: теория, диагностика, практика. – Ярославль, 2008.
15. Кравченко Ю.Е. Психология эмоций: классические и современные теории и исследования. – М., 2012.
16. Леонтьев А.И. Психология общения. – М., 2007.
17. Майер Г. Психология эмоционального мышления // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. – М., 1981. – С. 123 – 129.
18. Мамонова М.А. Запад и Восток: традиции и новации рациональности мышления. – М., 1991.
19. Марцинковская Т.Д. История психологии. – М., 2004.
20. Платон. Федон. Собр. соч.: в 3 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. – М., 1970. – Т.2.
21. Практический интеллект / под ред. Р. Стернберга. – СПб., 2002.
22. Савенков А.И. Эмоциональный и социальный интеллект как предикторы жизненного успеха // Вестн. практ. психол. образования. – 2006. – №1(6). – С. 30 – 38.
23. Адаптация теста Дж. Мейера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» на русскоязычной выборке / Е.А. Сергиенко и др. // Психологический журнал. – 2010. – Т.31. – №1. – С. 55–73.
24. Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М., 2009.
25. Степанов И.С. Психологические условия формирования эмоционального интеллекта личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Новосибирский гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2010.
26. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – 2-е изд. — СПб.: Питер, 2002.
27. Mayer J.D. A field guide to emotional intelligence // Ciarrochi J.D., Forgas J.P., Mayer J.D. (eds.) Emotional intelligence in everyday life. – Philadelphia, P.A., 2001. – P. 3 – 24.
28. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Models of Emotional Intelligence // Sternberg R. Handbook of Intelligence. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000. – P. 396 – 420.

Базарсадаева Эржена Жаргаловна, аспирант кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета. E-mail: Erzhen4ik@mail.ru

Bazarsadaeva Erzhen Zhargalovna, postgraduate student, department of general and social psychology, Buryat State University.

II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

© Т.Л. Миронова

К ВОПРОСУ О РУКОВОДСТВЕ И ЛИДЕРСТВЕ

Статья посвящена рассмотрению феномена лидерства. Выделены различия между лидерством и руководством. Представлены различные классификации и типологии лидерства. Показано применение типов власти в управленческой практике. Представлены результаты эмпирического исследования мотивации трудовой деятельности и карьерных ориентаций менеджеров коммерческих организаций.

Ключевые слова: лидерство, руководство, лидер, руководитель, организация, подчиненные, члены группы, власть, типы власти, управление, мотивы трудовой деятельности, карьерные ориентации, личностные качества

T.L. Mironova

TO THE ISSUE OF LEADERSHIP AND MANAGEMENT

The article is devoted to consideration a phenomenon of leadership. The differences between leadership and management have been revealed. The various classifications and typologies of leadership have been presented. The application of authority types in practice of management has been shown. The results of empiric research of motivation to labor and career orientations of commercial organizations managers have been submitted.

Keywords: leadership, management, organization, subordinates, group members, authority, authority types, governance, motives to labor, career orientations, personal features.

В современной России осуществляются инфраструктурные реформы в различных сферах экономики, народного хозяйства в связи с переходом к рыночным отношениям. Происходящие преобразования в социально-экономической жизни в нашей стране предъявляют высокие требования к специалистам в области управления. Обществу требуются менеджеры с высоким уровнем радикализма, креативности, творческим подходом к делу, нестандартным, гибким мышлением, коммуникативными и организаторскими способностями, обладающие хорошей нервно-психической устойчивостью, стрессоустойчивостью, предприимчивостью, деловитостью, умеющие активно воздействовать на предметную и социальную среду и преобразовывать ее, создавать для сотрудников условия, способствующие эффективному, созидательному труду.

Проблема лидерства и руководства – одна из важных проблем социальной психологии. Актуальность теоретического и эмпирического исследования этих проблем связана с запросами социальной практики, так как на современном этапе развития нашего общества требуются руководители нового типа с высоким уровнем развития нравственно-психологических качеств, обладающие не только должностной властью, но и являющиеся лидерами в организации.

Уточним понятия «лидер» и «руководитель». В отечественной литературе долгое время преобладало несколько суженное понимание фено-

мена лидера и лидерства. «Лидер – член группы, за которым она признает право принимать ответственные решения в значимых для нее ситуациях, т.е. наиболее авторитетная личность, реально играющая центральную роль в организации совместной деятельности и регулировании взаимоотношений в группе» [9, с. 190]. «Лидерство – отношения доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в группе» [Там же, с. 190]. Согласно данному подходу, лидер – член малой группы, который в результате взаимодействия членов группы при решении определенной задачи выдвигается на первый план, принимая на себя функции организатора групповой деятельности. Для него характерен высокий уровень активности при решении данной задачи. Остальные члены группы принимают лидерство, т.е. за лидером признают право вести за собой других членов, а себя ведомыми. Лидер является порождением структуры взаимоотношений данной группы. Эта структура порождается целями группы, ценностями и нормами, в ней функционирующими [6, с. 189-190].

Справедливо замечают Г.М. Андреева [1, с. 217], А.Н. Занковский [5, с. 209], что в этом контексте лидерство рассматривалось исключительно как групповое явление: лидер выступал как элемент не организационной структуры, а групповой, как система отношений в этой структуре. Иначе говоря, феномен лидерства

сводился к динамическим процессам малой группы.

Б.Д. Парыгин в книге «Основы социально-психологической теории» на основе осуществления сравнительного анализа между лидером и руководителем выделил существенные признаки различий:

1) лидер в основном призван осуществлять регуляцию межличностных отношений в группе, в то время как руководитель осуществляет регуляцию официальных отношений группы как некой социальной организации;

2) лидерство можно констатировать в условиях микросреды (каковой и является малая группа), руководство – элемент макросреды, т.е. оно связано со всей системой общественных отношений;

3) лидерство возникает стихийно; руководство реальной социальной группы либо назначается, либо избирается, этот процесс не является стихийным, а целенаправленным и осуществляется под контролем различных элементов социальной структуры;

4) явление лидерства менее стабильно, выдвижение лидера в большей степени зависит от настроения группы, руководство представляет собой явление более стабильное;

5) руководство подчиненными в отличие от лидерства обладает гораздо более определенной системой различных санкций, которых в руках лидера нет;

6) процесс принятия решения руководителем протекает более сложно, он опосредован множеством различных обстоятельств и соображений, не обязательно коренящихся в данной группе, в то время как лидер принимает непосредственные решения, касающиеся групповой деятельности;

7) в сферу деятельности лидера вовлечена в основном малая группа, где он является лидером, а сфера действия руководителя намного шире в связи с тем, что он «представляет» малую группу в более широкой социальной системе [8, с. 310-311].

В вышеизложенном подходе отмечаются существенные различия в этих явлениях: лидерство представляет собой психологический феномен, а руководство выступает как явление социальное, как регламентированный обществом правовой процесс [4, с. 84].

Несколько иной позиции придерживается В.Г. Крысько при определении понятия руководителя: «Руководитель всегда выступает официальным лицом, реализующим функции управления в малой группе, что обусловлено, с одной

стороны, формально-правовым аспектом его власти в группе, а с другой – рядом собственно психологических факторов, определяющих меру его авторитетности, среди которых выделяют: организаторский и мотивационный потенциал, ценностную привлекательность личности руководителя для членов группы (готовность разделить его принципы и идеалы) и стиль управления» [6, с. 189]. Ученый, рассматривая существенные признаки понятия руководитель, выделяет не только социальные, но и психологические признаки, влияющие на его авторитет, к которым относятся не только личностные характеристики, но и поведенческие характеристики, в частности, стиль управления.

Г.М. Андреева, дав обстоятельный анализ феноменов лидерства и руководства, приходит к мысли, что лидер и руководитель занимаются решением проблем однопорядкового типа, в частности, они ориентированы на стимулирование группы, нацеливание ее на решение определенных задач, а также они вынуждены заботиться о том, чтобы с помощью каких средств эти задачи были реализованы: «Хотя по происхождению лидер и руководитель различаются, в психологических характеристиках их деятельности существуют общие черты, что и дает право при рассмотрении проблемы зачастую описывать эту деятельность как идентичную, хотя это, строго говоря, не является вполне точным» [1, с. 216-217]. Она также подчеркивает существенные различия между лидерством и руководством: «Лидерство есть чисто психологическая характеристика поведения определенных членов группы; руководство в большей степени есть социальная характеристика отношений в группе, прежде всего с точки зрения распределения ролей управления и подчинения. В отличие от лидерства руководство выступает как регламентированный обществом правовой процесс» [Там же, с. 217].

К сожалению, в советский период развития психологической науки изучение проблемы лидерства осуществлялось только на уровне малых групп, не ставились вопросы политического и организационного лидерства. Хотя в истории человечества были выдающиеся люди, являвшиеся лидерами национально-освободительных движений, государственными лидерами, организационными лидерами, внесшими весомый вклад в общественный прогресс.

Урбанович А.А. выделяет основные различия между лидерством и руководством, основываясь на следующих признаках: содержании данных понятий, возникновении данных явлений, функ-

ционировании, социальной роли руководителя и лидера, регламентации их деятельности, режиме внешних связей, а также стабильности данных явлений. Различия эти сводятся к следующему [12, с. 36-37]:

1. Содержание понятий: руководство предусматривает организацию всей деятельности группы, а лидерство характеризует психологические отношения, возникающие в группе «по вертикали», то есть с точки зрения доминирования и подчинения.

2. Возникновение: руководство есть закономерный и необходимый атрибут процесса возникновения официальной организации, в то время как лидерство возникает спонтанно как следствие взаимодействия людей; соответственно этому руководитель обычно либо назначается официально, либо избирается, а лидер выдвигается стихийно.

3. Функционирование: руководство выступает как процесс правовой организации и управления совместной деятельностью членов организации, а лидерство – процесс внутренней социально-психологической организации и управления общением и деятельностью.

4. Социальная роль руководителя и лидера: первый есть посредник социального контроля и власти, а второй – субъект групповых норм и ожиданий, которые спонтанно возникают в межличностных отношениях.

5. Регламентация деятельности: деятельность первого регламентируется соответствующим правовым обеспечением, а второго обеспечивается морально-психологическими нормами совместной деятельности.

6. Режим внешних связей: руководитель представляет группу во внешней организации и решает вопросы, связанные с ее официальными отношениями вовне; лидер в своей активности ограничен внутригрупповыми отношениями.

7. Руководство – явление более стабильное, менее подверженное перепадам во мнениях и настроениях членов организации.

Проведенный анализ данных явлений позволил ученому прийти к определению понятий «руководство» и «лидерство»: «Руководство есть процесс правового воздействия, осуществляемый руководителем на основе власти, данной ему государством или группой (в случаях, если руководство избирается... В свою очередь, лидерство есть процесс психологического влияния одного человека на других при их совместной жизнедеятельности, который осуществляется на основе восприятия, подражания, внушения, понимания друг друга» [12, с. 37-38]. Он придержи-

живается подхода, что руководство в большей степени представляет собой социальную характеристику отношений в группе, прежде всего с точки зрения распределения ролей управления и подчинения. Оно основано на принципах правовых отношений, социального контроля и применения дисциплинарной практики. Тогда как лидерство есть чисто психологическая характеристика поведения определенных членов группы, оно основано на других принципах: свободного общения, взаимопонимания и добровольности подчинения. Управленческой деятельностью может заниматься не только руководитель, но и лидер. Ученый вполне справедливо отмечает, что в современных условиях наиболее эффективным является руководство людьми, осуществляемое в форме лидерства.

Отличие руководителя-лидера от руководителя-администратора состоит в том, что лидер не командует, не приказывает и не давит на работников ради достижения каких-либо целей, а ведет их на решение общих для данного коллектива проблем. А.А. Урбанович выделяет следующие личностные черты, присущие для руководителя-лидера:

1) способность воспринимать общие нужды и проблемы управляемого коллектива и принимать на себя ту долю работы по удовлетворению этих нужд и решению проблем, которую остальные члены коллектива взять на себя не могут;

2) способность быть организатором совместной деятельности;

3) чуткость и проницательность, доверие к людям;

4) представительские склонности: он является выразителем общих для коллектива позиций его членов; способен улавливать и выражать общее мнение членов коллектива по любым значимым для них вопросам; ставит вопросы о нуждах коллектива перед руководством, не дожидаясь приказа «сверху»; готов жертвовать личными интересами ради интересов коллектива; является представителем коллектива во взаимоотношениях с вышестоящим руководством;

5) эмоционально-психологическое воздействие: лидер обладает способностью вовлекать людей в деятельность, не отдавая прямых распоряжений и команд; умеет убеждать, склонен поощрять; он обладает неформальным авторитетом;

6) оптимизм: лидер уверен, что подавляющее число проблем, встающих перед людьми, раз-

решимы; своим оптимизмом он вызывает у людей веру в свои силы [12, с. 39-40].

Мы считаем, что будущим исследователям следует обратить внимание на изучение личностных свойств, особенностей поведения, стиля руководства у руководителей-лидеров, занимающихся управленческой деятельностью в организациях, различающихся по выполняемым задачам. Исследователям необходимо учитывать различные характеристики руководителя-лидера: этнические, гендерные, возрастные, стаж управленческой деятельности и т.д.

Разработаны основные подходы к изучению лидерства: структурный, поведенческий, ситуационный. Дан хороший и обстоятельный анализ данных подходов в трудах по организационной психологии и психологии менеджмента [5; 10].

Существуют различные классификации, типологии лидерства, которые обстоятельно, детально описаны Л.Д. Столяренко [11, с. 258-265]. Приведем некоторые из них. По критерию масштабности решаемых задач выделяют три типа лидерства: бытовой, социальный, политический. Первый тип лидерства распространен в школьных, студенческих группах, досуговых объединениях, в семье. Второй – преобладает на производстве, в профсоюзном движении, в различных обществах: спортивных, творческих и т.д. Третий распространен среди государственных, общественных деятелей [Там же, с. 247].

По содержанию и направленности лидерской деятельности в социальных группах выделяют три типа лидеров: деловой, эмоциональный, информационный лидер. Деловое лидерство проявляется в формальных группах, выполняющих производственные задачи, а также оно наиболее сильно влияет на руководство. Деловой лидер обладает высокой компетентностью, умением лучше других решать организационные задачи, деловым авторитетом, наибольшим опытом в данной сфере деятельности. От него в большей степени зависит успех в деятельности. Его условно называют «руки группы».

Эмоциональное лидерство возникает в неформальных социальных группах на основе человеческих симпатий – притягательности лидера как участника межличностного общения. Эмоциональный лидер проявляет доброжелательность, он способен сопереживать другим людям, вызывает у людей доверие, создает в группе благоприятный социально-психологический климат. Это эмпатийный человек. Такой лидер условно назван «сердцем группы».

Для информационного лидера («мозг группы») характерны эрудированность, компетентность, члены группы могут к нему обратиться с вопросами, он может ответить на них, объяснить.

Ученый пишет, что наиболее оптимальным для функционирования группы будет сочетание у лидера всех трех вышеназванных компонентов. Но такие универсальные лидеры встречаются очень редко. По нашему мнению, важно в современных условиях развивать, формировать у молодых людей такие черты, которые присущи универсальному лидеру, что, в свою очередь, связано с созданием специальных психолого-педагогических условий, способствующих формированию этих психологических образований.

Ситуативное лидерство может быть деловым и эмоциональным, для него характерны связь с определенной ситуацией и ограниченные временные рамки. Ситуативный лидер может быть лидером в одних ситуациях, а в других им не быть. Л.И. Уманский (1967) выделяет следующие типы лидеров по выполняемым ими ролям: организатор (функция групповой интеграции); инициатор (выдвижение идей и решение новых проблем); генератор эмоционального настроения (доминирует в формировании настроения группы); эталон (образец, идеал, «звезда»); мастер (специалист в каком-то виде деятельности); эрудит (отличается обширными знаниями).

Выделяют следующие виды лидеров в зависимости от преобладающих в его деятельности функций:

1. Лидер-организатор. Он воспринимает нужды коллектива как свои собственные и проявляет значительную активность. Для него характерны оптимистическая направленность, уверенность в себе, а также в том, что большинство проблем, которые он решает, могут быть разрешены. Организатор может умело использовать методы психологического воздействия на других людей: убеждения, поощрения и т.д.

2. Лидер-творец. Он способен видеть новое, браться за решение сложных проблем. Не командует, а лишь приглашает других к обсуждению. У него имеется высокий творческий потенциал.

3. Лидер-борец. Это волевой, уверенный в своих силах человек. Он не боится опасностей или неизвестности, без колебания вступает в борьбу. Он готов отстаивать то, во что верит, он не склонен к уступкам. Одним из его недостатков является то, что порой у него не хватает времени для обдумывания своих действий.

По нашему мнению, в коррекционно-воспитательной работе с лидером данного типа следует обращать внимание на формирование интеллектуальных способностей, умений по хронометражу времени при выполнении этапов выполняемой работы, развитие рефлексивных способностей и самоконтроля.

4. Лидер-дипломат. Если бы такой человек смог использовать свои способности во зло другим людям, то его можно было бы назвать «мастером интриги». Он хорошо знает ситуацию, скрытые детали, хорошо знает, на кого и как можно повлиять.

5. Лидер-утешитель. К нему тянутся другие люди, он способен поддержать их в трудную минуту. Он обладает гуманистическими качествами, в частности, внимательным и уважительным отношением к людям, а также эмпатией.

Мы считаем, что вышеназванные типологии лидерства могут обнаруживаться в различных группах, а также разных ситуациях внутригруппового взаимодействия, поэтому социальным психологам следует обстоятельно изучать общие и особенные черты у лидеров, относящихся к определенным типам.

Существует также и психоаналитический подход к пониманию и классификации видов лидерства. Основатель психоанализа З. Фрейд рассматривал лидерство как двуединый психологический процесс: с одной стороны, групповой, а с другой – индивидуальный. Оно базируется на способности лидеров «притягивать» к себе людей, бессознательно вызывать у них чувство восхищения, любви, обожания. Лидером может стать тот человек, которому поклоняются люди.

Психоаналитики выделяют десять типов лидерства:

1. «Суверен», или «патриархальный повелитель». Он представлен в образе строгого, но любимого отца, который способен подавить или вытеснить негативные эмоции и внушить людям уверенность в себе. Такого лидера выдвигают на основе любви и почитают.

2. «Вожак». Члены группы воспринимают его как сосредоточие своих желаний, соответствующих групповому стандарту. Личность лидера является носителем этих стандартов. Члены группы стремятся ему подражать.

3. «Тиран». Он выдвигается в лидеры в группе, потому что внушает другим людям чувство повинности и безотчетного страха. «Тиран» доминирует над всеми и представляет авторитарную личность.

4. «Организатор». Лидер-организатор выступает для членов группы как сила, необходимая для поддержания их «Я-концепции» и удовлетворения потребностей каждого, он снимает чувство тревоги и вины. «Организатор» умеет объединять людей. Он вызывает к себе уважительное отношение.

5. «Соблазнитель». Он становится лидером, играя на слабостях других людей. Выступает в роли «магической силы», давая выход наружу подавленным эмоциям других людей, предотвращает конфликты, снимает напряжение. Он обожаем другими людьми.

6. «Герой». Для него характерна жертвенность, он может ради других людей идти на жертвы. Данный тип лидера проявляется в ситуациях группового протеста. Люди воспринимают его как эталон справедливости. «Герой» способен повести за собой других людей.

7. «Дурной пример». Лидер данного типа может быть источником заразительности для бесконфликтного человека, он эмоционально заражает других людей.

8. «Кумир». Такой лидер притягивает, положительно заражает окружающих его людей. «Кумира» любят, боготворят, идеализируют.

9. «Изгой».

10. «Козел отпущения».

Девятый и десятый типы лидеров могут быть названы как антилидеры, к ним негативно относятся члены группы, на них направляются их агрессивные тенденции. Бывает часто так, что группа объединяется для борьбы с такими людьми. Одной из причин распада группы является то, что при исчезновении данных лиц пропадает общей стимул борьбы с ними [11, с. 258–262]. Наряду с вышеуказанными классификациями и типологиями лидерства, Л.Д. Столяренко приводит и другие типологии, знакомство с которыми будет интересным не только для организационных психологов, но и руководителей различных учреждений.

Для западной, американской традиции характерно отождествление лидерства с формальными обязанностями менеджера (руководителя), отмечается тенденция к возрастающему отождествлению понятий лидера и руководителя. «Если же смысловая разница между ними все же признается, то она носит «качественный» характер. Деятельность менеджера (руководителя) рассматривается как то, что он должен делать, т.е. как выполнение определенных функций, являющихся частью его должностных обязанностей. Лидерство же скорее отражает качественный процесс управления, акцентируя не сами

обязанности, а то, как эти обязанности выполняются. В этом контексте лидерство – это умение заставлять людей делать то, что они не хотят, не вызывая при этом ненависти ни к себе, ни к выполняемой ими работе» [5, с. 211]. При назначении на пост руководителя на каком-либо уровне управления желательно, чтобы в течение определенного времени он стал лидером. Если это ему не удастся, то он должен освободить занимаемую должность для того человека, который может стать лидером [12, с. 38].

В связи со значительными социально-экономическими изменениями в современной России профессия менеджера становится все более распространенной и престижной. Мы считаем, что важно выявлять людей с лидерским потенциалом и привлекать их на руководящие посты в организации. Существуют различные способы выявления способности к лидерству – психологическое тестирование, изучение биографии, жизненного и трудового пути кандидата, подбор кадров для обучения руководящего состава.

Важное место среди проблем управленческой психологии отводится исследованиям потребностно-мотивационной сферы. Профессиональная деятельность управленцев мотивируется рядом факторов, способствующих достижению ими карьерного роста, развитию компетентности, мастерства и профессионализма. Для эффективной деятельности любой организации требуются целеустремленные, ответственные, инициативные, высокоорганизованные руководители, стремящиеся к трудовой карьере и самореализации, обладающие высоким творческим потенциалом. Выяснение механизмов формирования мотивационной сферы руководителя позволит, в свою очередь, более эффективно управлять его деятельностью, а также повысить продуктивность, производительность работы предприятия. А руководители, разобравшись в собственной мотивации, смогут сами более эффективно осуществлять управленческую деятельность, адекватно воспринимать ситуацию взаимодействия с другими людьми, подчиненными, учитывать в жизнедеятельности свои потребности, стремления, желания, строить перспективные планы, опираясь на свои истинные мотивы.

Нами осуществлено эмпирическое исследование мотивации трудовой деятельности и карьерных ориентаций менеджеров коммерческих организаций [7, с. 33-50]. Были использованы методика трудовой мотивации И.Г. Кокуриной и методика оценки карьерных ориентаций Э. Шейна «Якоря карьеры». Установлено, что наи-

более приоритетной карьерной ориентацией является «вызов». Такие менеджеры были ориентированы на решение трудных профессиональных задач, преодоление препятствий, трудностей ради победы в конкурентной борьбе. Карьера для них означает постоянный вызов их профессионализму. Для них характерна готовность к принятию этого вызова. На втором месте по значимости была ориентация на «предпринимательство», что свидетельствует о стремлении менеджеров на создание чего-то нового: или нового дела, или создание новых товаров и услуг.

Среди смыслообразующих мотивов трудовой деятельности у менеджеров преобладающее место в иерархической структуре мотивации занимает мотив достижения (26 %). Доминирование в мотивационной структуре менеджеров мотива достижения свидетельствует о том, что для руководителей характерно в первую очередь стремление к преодолению трудностей при реализации поставленных целей, стремление к успеху. Далее располагаются по убыванию мотив конкуренции (20 %), т.е. стремление быть первым среди лучших, иметь высокий авторитет, успех в глазах окружающих, а также преобразовательный (16 %) и коммуникативный (16 %).

Среди основных мотивов – стимулов трудовой деятельности – денег, коллектива и собственно труда – у них преобладает стимул «труд» (46 %), затем материальный мотив – «деньги» (38 %) и за ними следует «коллектив» (16 %). В ходе управленческой деятельности менеджеры осваивают свою профессию, получают знания, умения, навыки, и чем в большей мере они овладевают искусством управления, тем в большей мере их увлекает управленческая деятельность, она становится для них «игрой интеллектуальных сил». В данном случае настолько, что даже деньги отходят для них на второй план.

Нами были установлены устойчивые связи между рядом мотивов трудовой деятельности и карьерными ориентациями. Высокая прямая корреляция выявлена между показателями кооперации и карьерной ориентацией «служения» ($r = 0,563$; $p < 0,001$). Это означает, что при увеличении выраженности кооперативного мотива происходит увеличение тенденции к «служению». Менеджеры с данной тенденцией стремятся приносить пользу людям, обществу, для них очень важно видеть конкретные плоды своей работы, даже если они не выражены в материальном эквиваленте. Основной тезис построения их карьеры – получить возможность максимально использовать свои таланты и опыт для реализации общественно важной цели. Ими

движет необходимость работы для других людей, для общества в целом.

Также была выявлена выраженная корреляция между мотивом конкуренции и ориентацией на «предпринимательство» ($r = 0,546$; $p < 0,001$), т.е. чем выше уровень конкурентного мотива, тем ярче проявляется ориентация на «предпринимательство». Для менеджера с конкурентным мотивом свойственно стремление быть первым среди лучших, иметь высокий авторитет, успех в глазах окружающих. Цель своей карьеры они видят в создании чего-то нового, организации своего дела или реализации в жизнь своей идеи. Вершина карьеры для них – создание и развитие своего бизнеса.

Выявлена значимая связь между мотивом достижения и ориентацией на «вызов» ($r = 0,531$; $p < 0,001$). Следовательно, высокой мотивации достижения соответствует ориентация на «вызов». Менеджеры, имеющие высокую мотивацию достижения, ориентированы на решение сложных проблем, преодоление препятствий ради победы в конкурентной борьбе. Они чувствуют себя преуспевающими людьми, когда вовлечены в решение трудных проблем или ситуацию соревнования. Карьера – постоянный вызов их профессионализму, у них имеется готовность принять этот вызов [7, с. 33-50].

Аспирантом нашей кафедры Бурятского государственного университета С.И. Аноновой проведено исследование, направленное на выявление различий в личностных характеристиках руководителей коммерческих и государственных (бюджетных) организаций [2, с. 15-19]. Ею были использованы следующие методики: анкета «Опросный лист личностных качеств руководителей», опросник для определения типов мышления и уровня креативности (В.А. Ганзен, К.Б. Малышев, Л.В. Огинец), «16-тифакторный личностный опросник» Р. Кеттелла, методика определения организаторских и коммуникативных качеств Л.П. Калининского.

С.И. Аноновой были выявлены значимые различия в типах мышления между менеджерами двух групп. У менеджеров коммерческих организаций (1-я группа) были более высокие показатели по «практическому», «художественному», «теоретическому» типам мышления, чем у менеджеров государственных учреждений. Такое сочетание типов мышления у руководителей коммерческих структур автор связывает с тем, что они занимаются разноплановой деятельностью, в которую входят и стратегическое планирование, и маркетинг, и реклама, и оперативное управление, и управление персоналом.

Руководители государственных структур (2-я группа) по всем типам мышления обнаруживают средние значения в силу своей узконаправленной профессиональной деятельности.

По результатам методики Р. Кеттелла ею было установлено, что у руководителей коммерческих структур более выражены самостоятельность, независимость, решительность, у них выше стрессоустойчивость, критичность мышления, энергичность, они в большей мере проявляют терпимость к неясностям и неопределенностям по сравнению с руководителями государственной организации. Они мало обращают внимание на детали и мелочи, встречающиеся при решении различных вопросов, ко многому относятся скептически. Руководители 2-й группы характеризуются как консервативные, менее уверенные, более сдержанные, рассудительные, имеющие склонность все усложнять и подходить ко многим вопросам более серьезно, с устойчивыми мнениями и нормами в своей деятельности, склонные к преувеличениям, морализации и наставлениям.

Были выявлены существенные различия в личностных свойствах у испытуемых вышеуказанных групп по методике Л.П. Калининского. Испытуемые 1-й группы по сравнению со 2-й группой имели высокий уровень выраженности таких свойств, как «деловитость», «доминирование», «уверенность». Полученные результаты свидетельствуют о том, что руководители коммерческих организаций более уверенные, ответственные за свои решения, проявляющие активность в сфере руководства людьми, способные пойти на риск ради достижения поставленных целей, стремящиеся к лидерству и достижению успеха, уверенные в своих силах и способностях. В случае необходимости они могут взять управление процессом на себя, мобилизовать, направить усилия других людей на достижение результата и вывести ситуацию из кризиса. С.И. Анонова связывает такую позицию менеджера с требованиями предпринимательской деятельности к субъекту, где основным стержневым элементом является конкурентоспособность в условиях господства рыночной экономики. У руководителей бюджетных организаций были выше показатели «уступчивости», что свидетельствует об их склонности к компромиссам, уступчивости при принятии решений.

По результатам анкеты «Опросный лист личностных качеств руководителей» у руководителей коммерческих организаций был выявлен высокий уровень значений по таким личностным характеристикам, как логичность, вы-

держанность, сотрудничество, креативность, тактичность. Высокий уровень «логичности», «креативности» у руководителей коммерческих организаций может свидетельствовать «о наличии таких мыслительных качеств, как стратегичность, системность, аналитичность в сочетании с творчеством и креативностью при решении сложных задач и ситуаций, ориентированных на преодоление препятствий и трудностей в конкурентной борьбе» [2, с. 18].

С.И. Анонова выявила структуру личностных характеристик руководителей вышеуказанных групп. В состав факторной структуры руководителей коммерческих организаций вошли 7 факторов: «Деловитость»; «Требовательность руководителя к подчиненным»; «Низкий самоконтроль»; «Компромиссность»; «Коммуникабельность»; «Организованность»; «Сотрудничество». Факторная структура личностных характеристик руководителей второй группы состоит также из 7 факторов, обозначенных ею: «Деловитость»; «Эмоциональная устойчивость»; «Консерватизм»; «Неуверенность в себе»; «Профессионализм»; «Креативность»; «Конформизм». Результаты факторного анализа позволили автору выявить различия в структуре личностных характеристик руководителей вышеуказанных организаций [3, с. 109-114].

Имеется связь личностных свойств с эффективностью управленческой деятельности, а также выполняемыми менеджерами функциями. Следует учитывать то, что на успешность управления влияют не только личностные характеристики, но и ситуация, и особенности поведения руководителя. Не существует универсального набора характеристик, присущих эффективному менеджеру. Определенное историческое время, каждая эпоха, общество, каждая группа предъявляют свои требования к лидерам и в зависимости от этого у личности формируются те или иные личностные свойства.

Управление тесно связано с властью и влиянием. Понятие власти является предметом преимущественно политических наук. Нередко отмечается, что лидеры не нуждаются в использовании власти, т.к. окружающие люди сами следуют за ними. В этом контексте, по мнению А.Н. Занковского, власть нередко рассматривается как тактический прием в достижении «послушности», использование которой социально не одобряется. Считается, что власть не требует совпадения целей руководителя и подчиненного, а основана лишь на зависимости. Лидерство требует соответствия целей лидера и группы. Феномен лидерства связан прежде всего со спо-

собностью оказывать существенное влияние на поведение других людей. Он подчеркивает, что и власть и лидерство имеют одинаковые цели – изменение поведения других людей – подчиненных или ведомых. В лидерстве момент принуждения не столь ярко выражен, как во власти, но все-таки он присутствует [5, с. 212]. Ученый обстоятельно рассматривает сам феномен власти. Власть в общественном сознании связана с властью политической и ее центральным институтом – государством. Она имеет множество значений и проявлений. Люди говорят о власти денег, идей, чувств, привычек, а также о власти, которой обладает группа над своими членами. Власть представляет собой многоплановое явление, пронизывающее все сферы жизни человека. В исследованиях, в которых власть анализируется на уровне межличностного взаимодействия, изучались различные аспекты межличностного влияния, в т.ч. и влияние руководителя на подчиненного.

Власть означает возможность одного человека влиять на поведение других людей. Власть имеет разные основания, под которыми понимаются источники властвования, средства, используемые для воздействия на объекты, чтобы достичь поставленных задач. Ресурсы власти – это ее потенциальные основания, т.е. средства, которые она может использовать [Там же, с. 104-109].

Оригинальная классификация оснований власти была разработана Дж. Френчем и Б. Равеном (1959). Они предложили способы, с помощью которых руководитель может оказывать влияние на подчиненного в организационной ситуации. Первоначально они определяли власть как изменения в представлениях, установках или поведении индивида-объекта влияния, которые происходят в результате действий субъекта влияния (власти). Власть ими определялась как потенциал такого влияния. Они выделили шесть оснований власти или ресурсов, которые субъект влияния может использовать для изменения представлений, установок или поведения объекта влияния: вознаграждение (власть поощрения), принуждение (власть силы, насилия); легитимность (должностная власть); экспертные знания (экспертная власть); харизма (референтная власть); информация (информационная власть). Данные типы власти часто используются в управленческой практике и образуют наиболее широкую типологию понятия «власть» [13; 5, с. 109-113; 10, с. 13-18]. Рассмотрим вышеуказанные типы власти, представленные в источниках:

1. Вознаграждающая власть. Она базируется на возможности руководителя распределять поощрения, которые признают сотрудники. К вознаграждениям в организации относят: материальное стимулирование, высокую оценку производительности работы, продвижение по службе, поручение привлекательных заданий, благоприятный рабочий климат, распределение рабочего времени с учетом потребностей персонала и т.д. Работники организации стремятся получать различные подкрепляющие стимулы, в частности, приветливость от вышестоящего лица, похвалу, признание их заслуг и т.д. Данного рода стимулы должен предоставлять подчиненным их начальник.

2. «Принуждающая власть» или власть наказания. Данный тип власти является противоположным вознаграждающей. Здесь руководитель опирается на приемы «палочной дисциплины», когда поведение работника его не удовлетворяет, в частности, делает замечание, объявляет выговор, налагает штрафы, которые могут иметь вид предупреждений, понижения в статусе и должности, поручения нежелательных заданий или унижительного обращения. Сотрудники, подпадающие под действие такой власти, стараются выйти из сложившейся неприятной ситуации, в крайнем случае, увольняются с работы, если появляется возможность перехода на лучшую работу, а у тех лиц, которые остаются на работе, часто понижается мотивация и производительность труда, т.е. происходит своего рода «внутреннее увольнение».

3. Легитимная или должностная власть. Формальное положение (должность), занимаемое руководителем в организации, позволяет оказывать влияние на подчиненных, а также предполагает обязанность последних подчиняться и согласие быть руководимыми. Данная власть основывается на системе государственно-правовых норм, организационных инструкций и правил. Здесь руководитель может использовать вознаграждения и наказания.

4. Референтная власть или власть идентификации. Этот тип власти предполагает идентификацию с личностью, которая обладает определенными свойствами, рассматриваемыми другими людьми как привлекательные. Такая власть развивается за счет восхищения личностью, желания индивида быть похожим на него. Люди, которые становятся образцом для других, несомненно, обладают определенной харизмой; они красноречивы, имеют выразительную внешность и доминирующее поведение. Если менеджер обладает референтной властью, то его

подчиненные будут воспринимать поставленные им цели, задачи как собственные и активно добиваться их воплощения на практике.

5. Экспертная власть. Данный тип власти приобретают работники, имеющие специализированные знания, умения, навыки, опыт, особые способности. Чем более уникальными знаниями, мастерством располагает работник в организации, тем большей властью он обладает. И от того, как он распорядится этой властью, зависит очень многое. В XXI в. происходит стремительный научно-технический прогресс, быстрое устаревание знаний, появляются новые знания, высокие требования предъявляются к специалистам, решающим сложные проблемы, соответственно, значение экспертной власти будет все более возрастать. Например, современные организации сильно зависят как от квалифицированных специалистов по информационным технологиям, так и специалистов по экономике, финансам, управлению и т.д.

6. Информационная власть. К пяти классическим типам власти Френч и Равен позже добавили еще одну – шестую. Для успешного осуществления деятельности, выполнения трудовых заданий необходима определенная информация. Менеджер во многом контролирует доступ к ней своих подчиненных. Регулируя поток информации, он может влиять на их поведение. Деятельность людей, мотивация, установки, принятие ими тех или иных решений в значительной степени зависят от информационной поддержки. Тот человек, который контролирует доступ к информации, обладает реальной властью. Благодаря современным информационным технологиям, члены организации получают доступ к различным источникам информации, соответственно, возрастает роль информационной власти, оказывающая значительное влияние на изменение поведения, установок и т.д. В настоящее время информационная власть почти не требует определенных специалистов или каких-то определенных должностей [5; 10; 13].

Эти виды власти в организации, по мнению А.Н. Занковского, могут быть отнесены к двум типам – органикратическому и персоникратическому. Под первым понимается такой тип власти, обладание которой обеспечивается определенной ролью индивида в организационной структуре, а второй тип характеризует власть, основанную на выдающихся личностных характеристиках и знаниях индивида. К первому типу относятся насильственная, поощрительная, должностная и информационные власти, ко второму – экспертная и референтная. Вышеуказан-

ная группировка видов власти, справедливо замечает ученый, позволяет по-новому взглянуть на различия между руководителем и лидером. Став руководителем, субъект автоматически приобретает возможность использовать власть силы, поощрения, должностную и информационную власть. В идеале руководитель может обладать и референтной, и экспертной властью. Однако организация не может автоматически обеспечить своего менеджера этими видами власти. Овладение этими видами власти и превращает руководителя в лидера [5, с. 212-213].

Модель власти, предложенная Дж. Френчем и Б. Равеном [13], была использована во многих исследованиях межличностного взаимодействия в различных областях и направлениях психоло-

гии. Данный подход реализуется в многочисленных исследованиях в организационной среде. Субъекту власти важно знать возможности использования в управленческой практике различных видов власти, а также их ограничения.

Основываясь на вышеуказанной концепции власти, Юкл [14] сформулировал ряд правил поведения руководителей. В зависимости от того, насколько эффективно человек желает использовать определенный тип власти с целью достижения своих целей и установления соответствующих связей и отношений, ему предоставляются различные возможности действий и тактик (табл. 1) [14; 10, с. 19-21].

Таблица 1

Направления для создания и использования типов власти

Как усиливать и поддерживать власть	Как эффективно использовать власть
<p>Легитимная власть:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Усилить формальный авторитет. - Заставить людей признать авторитет. - Регулярно проявлять авторитет. - Следовать нужным каналам при отдаче приказов. - Поддерживать авторитет власти вознаграждениями и наказаниями. 	<ul style="list-style-type: none"> - Формулировать вежливые, четкие приказы. - Объяснять причины приказа. - Не превышать свой авторитет. - При необходимости подтверждать свой авторитет. - Быть чувствительным к интересам подчиненных. - Следить за согласием подчиненных. - Если это уместно, настаивать на согласии.
<p>Власть вознаграждений:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Понять, что нужно людям. - Получить большой контроль над вознаграждениями. - Удостовериться, что люди знают, что вы контролируете вознаграждения. - Не обещать больше, чем вы можете дать. - Не манипулировать с помощью поощрений. - Не использовать сложные, механистические стимулы. - Не использовать поощрения для личной выгоды. 	<ul style="list-style-type: none"> - Предлагать желаемые поощрения. - Предлагать честные и этичные поощрения. - Объяснить критерии для поощрения. - Выполнять обещания по поводу поощрений. - Использовать поощрения символически, чтобы стимулировать желаемое поведение.
<p>Экспертная власть:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Получать больше специальных знаний. - Быть в курсе технических вопросов. - Развивать эксклюзивные источники информации. - Использовать символы для проверки экспертизы. - Проявлять компетенцию при решении трудных заданий. - Не принимать спешных, неосторожных решений. - Не обманывать и не давать неправильную интерпретацию фактов. - Не менять постоянно свои позиции. 	<ul style="list-style-type: none"> - Объяснять причины приказа или предложения. - Объяснять, почему приказ необходим. - Предоставить свидетельство того, что предложение будет успешным. - Внимательно выслушивать сомнения подчиненных. - Проявлять уважение к подчиненному (без высокомерия). - В кризисной ситуации действовать решительно и компетентно.
<p>Референтная власть:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Показывать признание и положительные оценки. - Помогать сотрудникам. - Не манипулировать людьми и не эксплуатировать их для своей выгоды. - Защищать чьи-то интересы, и, когда нужно, вставать на сторону человека. 	<ul style="list-style-type: none"> - При необходимости использовать персональное обращение. - Показать, что приказ важен для вас. - Не просить о личной услуге, которая не вписывается в рамки существующих отношений. - Показывать пример соответствующего поведения (ролевое моделирование).

<ul style="list-style-type: none"> - Держать слово. - Совершать самопожертвование, чтобы показать заинтересованность. - Использовать прозрачные формы интеграции. 	
<p>Власть наказания:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Обозначить справедливые наказания, чтобы предотвратить неприемлемое поведение. - Нарращивать авторитет для применения наказаний. - Не делать поспешных угроз. - Не манипулировать людьми с помощью порицания. - Использовать только легитимные наказания. - Наказания должны соответствовать проступкам. - Не использовать порицания для личной выгоды. 	<ul style="list-style-type: none"> - Информировать подчиненного о правилах и наказаниях. - Делать достаточно много предупреждений. - Перед тем, как наказывать, понять ситуацию. - Оставаться спокойным и дружелюбным, а не враждебным. - Чтобы избежать наказания, поощрять усовершенствования. - Попросите подчиненного предложить свои способы улучшения ситуации. - Не подвергать наказанию публично.

Нам представляется, что для успешного осуществления управленческой деятельности и выполнения функциональных обязанностей необходимо организовать процесс обучения руководителей, направленный на развитие и формирование управленческих умений, непосредственно связанных с использованием на практике различных типов власти. Наряду с этим следует и самим руководителям заниматься личностным и профессиональным развитием в процессе целенаправленного самовоспитания.

В связи с запросами управленческой практики относительно вопроса эффективного влияния в организациях были разработаны классификации, содержащие тактики по достижению собственных целей и желаний. К. Родлер и Э. Кирхлер разработали анкету для применения типов власти в организациях. В ней рассматриваются некоторые тенденции использования определенных тактик влияния, в целом представлено 16 тактик, с помощью которых можно ознакомиться с разнообразными альтернативами действий [10, с. 19-29].

Таким образом, управление в организации тесно связано с властью и влиянием. Искусство общаться с другими людьми и осуществлять руководство ими – это не только результат длительной профессиональной подготовки управленческих кадров, обретения опыта управленческой деятельности, но и товар, который востребован на рынке профессиональных услуг.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 366 с.
2. Анонова С.И. Структура организаторских способностей руководителей-менеджеров // Проблемы экономической психологии инновационного развития и повышения качества жизни в России: материалы междунар. науч.-практ. конф. (25-26.10.2012). – Брянск: Изд-во Брянского гос. техн. ун-та, 2012. – С. 15-19.
3. Анонова С.И. Организаторские способности как фактор эффективности управленческой деятельности // Вестник БГУ. – Улан-Удэ, 2011. – Вып.5. – С. 109-114.
4. Волков И.П. Стиль руководства при решении задач социального развития коллектива предприятия // Социальная психология и социальное планирование. – Л., 1973.
5. Занковский А.Н. Организационная психология. – М.: Флинта, 2000. – 648 с.
6. Крысько В.Г. Социальная психология. – М.: Владос-Пресс, 2003. – 448 с.
7. Миронова Т.Л. Карьерные ориентации и мотивация трудовой деятельности менеджеров // Вестник БГУ. – Улан-Удэ, 2008. – Вып 5. – С. 33-50.
8. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – М., 1971.
9. Психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 440 с.
10. Родлер К., Кирхлер Э. Управление в организациях // Психология труда и организационная психология. – Т.2 / пер. с нем. – Харьков: Гуманитарный центр, 2003. – 128 с.
11. Столяренко Л.Д. Психология управления. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 512 с.
12. Урбанович А.А. Психология управления. – Мн.; Харвест, 2002. – 640 с.
13. French J.R.P., Raven D. The Bases of social power // In Cartwright D. Studies in Social power. Ann Arbor: University of Michigan, Institute for Social Research. – 1959. – P. 150-167.
14. Yukl G. Leadership in organizations. (4th edition). – New Jersey: Prentice Hall, 1998.

Миронова Татьяна Львовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и социальной психологии Бурятского государственного университета. E-mail: kafedra_osp_bsu@mail.ru

Mironova Tatyana Lvovna, doctor of psychological sciences, professor, head of the department of general and social psychology, Buryat State University. E-mail: kafedra_osp_bsu@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Статья посвящена особенностям проявления личностных детерминант экономической социализации личности, а именно: экономическому поведению. Для анализа экономического поведения выделены когнитивные, аффективные и поведенческие характеристики. Экономическое поведение исследуется в таких аспектах, как потребительское, финансовое и производственное.

Ключевые слова: экономическая социализация, система детерминант, экономическое поведение, характеристики экономического поведения.

A.S. Evdokimova

PECULIARITIES OF PERSONAL DETERMINANTS OF ECONOMIC SOCIALIZATION OF PERSONALITY: ECONOMIC BEHAVIOR

The article is devoted to peculiarities of development the personal determinants of personality's economic socialization, that is to economic behavior. The cognitive, affective and behavioral characteristics have been revealed for the analysis of economic behavior. The objects of the research are consumer, financial and manufacturing aspects of economic behavior.

Keywords: economic socialization, a system of determinants of economic socialization, economic behavior, characteristics of economic behavior.

На протяжении последнего времени зарубежные и отечественные исследователи активно анализируют проблемы экономической социализации. Анализ зарубежных концепций экономической социализации позволяет определить авторов, занимающихся разработкой различных сторон этой проблемы: Б. Стейси (B. Stacey), А. Стросс (A. Strauss), Х. Диттмар (H. Dittmar), Дж. Эшби (J. Ashby), П. Лант (P. Lunt), А. Отто (A. Otto), К. Ролланд-Левы (C. Roland-Lévy), А. Фернам (A. Furnham) и др. В отечественной психологии вопросы экономической социализации рассматриваются в работах А.В. Бояринцевой, О.С. Дейнека, Т.В. Дробышевой, А.Л. Журавлева, А.Д. Карнышева, А.Б. Купрейченко, А.Б. Фенько, А.В. Филиппова, В.А. Хащенко и др.

Под экономической социализацией мы понимаем процесс усвоения и воспроизводства индивидуальным человеком экономической культуры, системы экономических связей и отношений в обществе, становления и развития экономического сознания и экономического поведения личности.

В результате теоретического анализа нами были выделены ведущие детерминанты экономической социализации: экономическая культура, экономическое сознание и экономическое поведение.

С точки зрения аксиологического подхода на процесс экономической социализации большое влияние оказывают ценности индивидуального и культурного уровня. Экономическое сознание отражает особенности экономической социализации индивида, подвергает действительность эмоциональной оценке, обеспечивает экономи-

ческую деятельность. В свою очередь, экономическое сознание находит свое проявление в экономическом поведении субъекта.

В отечественной психологической науке экономическое поведение рассматривается в работах И.В. Андреевой, А.Л. Журавлева, А.И. Китова, В.П. Познякова, В.Д. Попова, В.В. Спасеникова, П.Н. Шихирева и др.

А.Л. Журавлев под экономическим поведением понимает разные внешне проявляющиеся формы активности индивидуального и группового субъекта по отношению к различным экономическим объектам [8, с. 6].

Для анализа экономического поведения исследователями выделяются когнитивные (познавательные), аффективные и конативные (действенно-динамические) компоненты [2, с. 9].

Экономическое поведение человека может исследоваться в нескольких аспектах: как потребительское (в сфере распределения и потребления), финансовое, предпринимательское [7].

Объектом проведенного исследования являлась экономическая социализация. Предметом – экономическое поведение как детерминанта экономической социализации. Цель состояла в выявлении особенностей экономического поведения как детерминанты экономической социализации студентов.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи: 1) осуществить теоретический анализ социально-психологических подходов в исследовании особенностей экономической социализации; 2) вы-

явить особенности экономического поведения студентов Восточно-Сибирского региона.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что под влиянием трансформации российского общества экономическое поведение претерпевает существенные изменения и имеет отличительные особенности.

В исследовании принимали участие студенты вузов Восточно-Сибирского региона, всего 359 человек, из них 165 юношей (46%) и 194 (54%) девушки, в возрасте от 17 до 22 лет, средний возраст – 19,5 лет ($\pm 3,5$).

Экономическое поведение оценивалось с помощью методики сценариев экономического поведения, предложенной Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко (ГУ ВШЭ), а также с помощью анкеты для изучения экономической социализации, разработанной А.Д. Карнышевым (БГУ-ЭП).

При помощи методики сценариев экономического поведения Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко изучались социальные установки на то или иное экономическое поведение личности. Данная методика предполагает оценку респондентами 11 ситуаций, отражающих различные биполярные измерения экономического поведения. Каждая ситуация сопровождается тремя шкалами, основанными на трех компонентах социальной установки: аффективном (эмоциональное предпочтение), поведенческом (готовность действовать, как действует один из персонажей ситуационного сценария) и когнитивном (типичность описанного поведения для окружения респондента).

Анализ биполярного измерения экономического поведения «экономический патернализм – экономическая самостоятельность» показал, что у респондентов доминирует установка на самостоятельность в экономическом поведении. Анализируя средние значения по измерению «Экономия времени – экономия денег», удалось установить, что приоритетной для респондентов является экономия денег, нежели экономия времени. Ответы респондентов на вопросы о кратковременной – долговременной ориентации в экономическом поведении позволяют сделать вывод о том, что у респондентов более выражена установка на долговременную перспективу в экономическом поведении. Анализируя выраженность установки «Расточительность – экономность», можно отметить, что у респондентов преобладает стремление к экономному и рациональному потребительскому поведению, хотя респонденты, оценивая поведение окружающих людей, склонны приписывать им расточительность. При сравнении трех компонентов уста-

новки «экономический интерес – экономическая индифферентность» можно отметить, что респонденты проявляют интерес к происходящим экономическим событиям и между эмоциональным отношением к данной проблеме и проявлениями экономического поведения не возникает разногласий. Оценивая поведение окружающих людей, респонденты склонны приписывать им стремление к экономической индифферентности в большей степени, чем себе. Выраженность аффективного компонента установки «приоритет прибыли над законом – приоритет закона над прибылью» позволил установить, что эмоционально респонденты выражают одобрение позиции «приоритет закона над прибылью». Несмотря на это, на поведенческом уровне они готовы действовать вопреки законам и в угоду материальной прибыли. Студенты считают, что другие люди в своем экономическом поведении чаще выбирают получение прибыли, чем следуют «букве закона». Оценка измерений «экономическая активность – экономическая пассивность» показала, что студенты эмоционально предпочитают стремление к экономической активности. Экономическое поведение большинства окружающих людей респонденты оценивают в большей степени как пассивное. При анализе выраженности установки «приемлемость – неприемлемость использования кредитов в повседневной жизни» установлено, что респонденты в большей степени считают использование кредитов приемлемым. Анализируя выраженность установки «распределение финансового вознаграждения по равенству – по справедливости», можно отметить, что у респондентов преобладает установка на распределение финансового вознаграждения по справедливости, т.е. за выполнение большего объема работы должно быть большее вознаграждение. Анализ измерения «подверженность – неподверженность импульсивным покупкам» показал, что аффективный, поведенческий и когнитивный компоненты оцениваются респондентами в среднем одинаково. При этом следует отметить, что в отношении данной проблемы респонденты считают свое поведение схожим с экономическим поведением большинства людей. Анализируя выраженность установки «приоритет размера вознаграждения – приоритет наличия творчества в работе», можно отметить, что у респондентов на уровне аффективного, поведенческого, когнитивного компонентов в большей степени преобладают установки на приоритет размера вознаграждения над творчеством.

По анкете А.Д. Карнышева изучалось определение способа удовлетворения потребительских интересов. Результаты исследования показали, что студенты предпочитают тратить деньги, которые дают родители, на покупку вещей (36,3% юношей и 48,9% девушек), на развлечения (28,5% юношей и 28,3% девушек), подарки (8,7% юношей и 12,6% девушек). 12,7% юношей тратят деньги на пиво, вино, сигареты. У девушек данный показатель ниже – 2,4%. Также 5,5% юношей и 3,1% девушек отметили, что предпочитают деньги не тратить, а копить их для будущего. Такие статьи расходов характерны для студентов всех курсов.

На вопросы о финансовом поведении юноши и девушки отвечали, что иногда им приходится копить деньги (63,2 и 71% соответственно). Часть студентов отметила, что накапливают деньги постоянно: 27,6% юношей и 23,4% девушек. Не приходится накапливать деньги 9,2% юношей и 5,6% девушек.

На вопрос о способах накопления денег юноши отвечали, что «зарабатывают деньги, трудясь вне семьи» – 31%, «деньги дают родители и родственники» – 28,4%, «экономлю на покупке вещей» – 22,3%. Для девушек основными способами накопления денег являются помощь родителей и близких родственников – 44,5%, экономия на покупке вещей – 31,4%, заработок – 22,9%. Данные результаты свидетельствуют о том, что девушки больше рассчитывают на помощь родственников. Юноши, напротив, ориентированы на самостоятельные заработки.

Отношение юношей и девушек к предпринимательской деятельности либо как к честному, законному бизнесу, либо как к извлечению прибыли любыми путями и методами еще окончательно не определено. В ходе исследования установлено, что 31,6% из них относятся к предпринимательской деятельности как честному бизнесу, а 29% – как к извлечению прибыли любыми путями.

Юноши и девушки на вопрос о желании заниматься предпринимательской деятельностью отвечали «скорее да, чем нет» (44,7 и 49,2% соответственно), «да, хочу заниматься» (38,2 и 28,2%). На наш взгляд, это свидетельствует о высокой экономической активности студенческой молодежи.

Было установлено, что самостоятельное зарабатывание денег в кругу студентов рассматривается как положительное явление (89,5 и 87,1% соответственно). Следует отметить, что около 8% первокурсников считает, что зарабатывать

деньги престижно, если это связано с коммерцией и бизнесом, по уже на 3-м курсе такое мнение отсутствует.

Подводя итог, мы можем констатировать следующее:

1. Среди преобладающих тенденций в экономическом поведении можно выделить установки на экономическую самостоятельность, долгосрочную перспективу, экономическую активность и экономность в потребительском поведении, а также приемлемость использования кредитов в повседневной жизни. Главенствует приоритет прибыли над законом, распределение финансового вознаграждения по справедливости и приоритет размера вознаграждения над творчеством в работе. Четкие установки по поводу подверженности импульсивным покупкам и экономии денег в ущерб времени у современных студентов не выявлены. Аффективный и поведенческий компоненты различных установок в экономическом поведении в большинстве случаев оценивались респондентами в среднем одинаково, что свидетельствует о согласованности эмоционального отношения респондентов к проблеме и поведенческого выражения своего отношения.

2. Анализ вопросов, связанных с проблемой потребительского поведения, позволил установить следующее: студенты предпочитают тратить деньги, которые дают родители, на покупку вещей, развлечения, подарки. Такие статьи расходов характерны для студентов всех курсов.

3. В отношении финансового экономического поведения удалось выяснить, что большая часть юношей и девушек накапливает деньги «от случая к случаю», хотя среди юношей высок процент накапливающих деньги постоянно. За время обучения в вузе число студентов, постоянно накапливающих деньги, возрастает. Источниками накопления для юношей в основном являются самостоятельные заработки, а для девушек – помощь родственников и знакомых.

4. Исследование предпринимательского поведения показало, что, окончательное отношение юношей и девушек к предпринимательской деятельности либо как к честному, законному бизнесу, либо как к извлечению прибыли любыми путями и методами не определено.

Литература

1. Боечко Н.И. Экономическая культура: проблемы и тенденции развития. – СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2005.
2. Дейнека О.С. Экономическая психология: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
3. Дробышева Т.В. К вопросу детерминации экономической социализации личности // Психология человека в

современном мире. Личность и группа в условиях социальных изменений: материалы всерос. юбил. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г. / отв. ред. А.Л. Журавлев. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009.

4. Журавлёв А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2007.

5. Зверева И.Г., Хорошилова Л.В. Современные тенденции развития экономической культуры. – СПб.: ИВЭ-СЭП, Знание, 2008.

Евдокимова Анастасия Сергеевна, аспирант Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск. E-mail: stasya0671@yandex.ru

Evdokimova Anastasiya Sergeevna, postgraduate student, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk. E-mail: stasya0671@yandex.ru

6. Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д., Иванова Е.А. Человек и собственность. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006.

7. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и модели экономического поведения. – М.: Спутник, 2011.

8. Проблемы экономической психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2004.

УДК 159.9 : 316.66

© Т.И. Янданова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К ЛИЦАМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Статья посвящена проблеме отношения студентов к лицам с ограниченными возможностями здоровья. Подробно излагаются актуальность выбранной проблемы, задачи и методы эмпирического исследования.

Ключевые слова: студенты, инвалиды, отношение.

T.I. Yandanova

THE SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF YOUNG PEOPLE ATTITUDE TO DISABLED PERSONS

The article is devoted to a problem of young people attitude to disabled persons. The urgency of the chosen problem, objectives and methods of the empiric research are thoroughly stated.

Keywords: students, disabled persons, attitude.

Проблема инвалидности, именно таким образом до последнего момента обозначалось ограничение жизнедеятельности, рассматривается как в специальной педагогике и психологии, где в основном изучаются общие и специфические закономерности развития, обучения и воспитания инвалидов детства, так и в социальной психологии, где решаются вопросы помощи всем лицам с ограниченными возможностями здоровья. Соответственно в данных областях научного знания несколько по-разному понятийно обозначаются одни и те же тенденции, происходящие в обществе по отношению к этой категории людей.

Общество всегда обращало внимание на мощных и больных людей. Постепенно определялось правовое и жизненное пространство в соответствии с теми общественными отношениями, социальными установками, которые были характерны для того или иного исторического периода. Таким образом, происходит формирование в общественном сознании моделей отношения к инвалиду.

В специальной педагогике и психологии Н.Н. Малофеевым (1996) были раскрыты периоды эволюции отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии, где прослеживается становление системы специального образования. Кроме того, принято выделять несколько моделей отношений к данной категории людей: «больной человек», «недочеловек», «угроза обществу», «объект жалости», «объектременительной благотворительности».

В социальной психологии выделяются две основные модели инвалидности: медицинская и социальная. В медицинской модели обращается внимание в первую очередь на заболевание, зависимость больного человека от общественного окружения. Социальная модель, напротив, отражает концепцию независимой, самостоятельной жизни инвалида, которая подразумевает право человека быть неотъемлемой частью жизни общества и принимать активное участие в общественной жизни, свободу выбора и свободу доступа к любым сторонам жизнедеятельности, в том числе труду и образованию.

Синтезируя и обобщая научные представления об отношении общества и государства к людям с ограниченными возможностями жизнедеятельности, можно отметить, что в настоящее время происходит становление социальной модели инвалидности или модели «Развитие», отражающих гуманистические и интеграционные идеи современного общества. Именно интеграция является ведущей тенденцией развития системы специального образования на современном этапе в соответствии с периодизацией, предложенной Н.Н. Малофеевым (1996).

Несмотря на то, что российское государство провозглашает и законодательно оформляет права инвалидов, существует очень много проблем в отношении к людям с проблемами здоровья. В последнее время в работах многих авторов так или иначе утверждается идея о неготовности общества к полноценному принятию инвалидов. Так, Л.Ф. Обухова, Т.В. Рябова, М.Н. Гуслова, Т.К. Стуре (2001) отмечают, что молодые инвалиды, даже не отстающие от здоровых сверстников в интеллектуальном развитии, замкнуты и отгорожены от людей, причиной этого является отсутствие базового чувства доверия к миру, устойчивой положительной самооценки, достаточной мотивации и навыка общения. Социальная изоляция и эмоционально-личностные проблемы во многом обусловлены недостаточностью терпимости и заботы общества об инвалидах.

Т.А. Добровольская и Н.К. Шабалина (1991), проанализировав зарубежный опыт интеграции инвалидов, отмечают, что отношение здоровых людей к инвалидам в целом характеризуется как откровенно неблагоприятное. Т. Жулковская (2002) говорит, что дискриминация, как крайнее проявление отношения к данной категории людей, является реальной проблемой в процессе социализации людей с ограниченными интеллектуальными возможностями.

Очевидно, что здоровые, «полноценные» люди, демонстрируя свое отношение к «неполноценности», способны создавать им дополнительные проблемные ситуации или, наоборот, не допускать условий для возникновения таких ситуаций. По нашему мнению, общественное сознание, формируемое «полноценным» большинством, может инициировать создание новой культурной нормы – уважение к инвалидам, понимание необходимости благоприятного психологического климата процесса их социализации.

В связи с вышесказанным мы посчитали необходимым изучить характер отношения студенческой молодежи к людям с ограниченными

возможностями, что явилось целью нашего исследования. Мы полагаем, что современное общество, ярким представителем которого является студенческая молодежь, не готово к общению с инвалидами, к взаимодействию с ними и мало информировано об их проблемах.

В нашем исследовании принимали участие 64 студента в возрасте от 18 до 20 лет, обучающихся в Иркутском государственном педагогическом университете на следующих факультетах: математики и информатики, технологии и предпринимательства. Выбор данной экспериментальной группы обусловлен, с одной стороны, выявлением характера отношения будущих педагогов к людям с ограниченными возможностями жизнедеятельности, с другой стороны, это не должны быть студенты, получающие дефектологические специальности, поскольку они уже ориентированы на работу с данной категорией детей.

Для реализации поставленной цели мы использовали предложенную В.З. Кантором анкету для изучения отношения студентов к инвалидам по зрению и проективные методы («Неоконченные предложения», проективный рисунок «Я и инвалид»). Специально разработанная В.З. Кантором анкета нами использовалась для изучения отношения молодых людей не только к инвалидам по зрению, а к широкому кругу лиц, имеющих ограничения жизнедеятельности. Анкета состоит из вопросов закрытого типа, выявляющих отношение к инвалидам применительно ко всем основным сферам социальной жизни, профессионально-трудовой, культурной и бытовой. В основу данной анкеты было положено представление о том, что отношение имеет структуру, включающую когнитивный (познавательный), аффективный (эмоциональный) и конативный (поведенческий) компоненты [3].

Использованные проективные методы позволяют проанализировать неосознаваемые установки человека, которые определяют его отношение к окружающим объектам и организуют реальное поведение. Интерпретация результатов эмпирического исследования предполагала количественно-качественный анализ.

Данные, полученные по анкете, позволяют сделать вывод, что большая часть молодых людей (51,56 %) проявляет индифферентное отношение к инвалидам. Им не интересны инвалиды и их проблемы, они не готовы к взаимодействию с ними. Крайнее проявление отношения, отрицательное, было зафиксировано у одного студента (1,56 %). Вместе с тем довольно значительная часть экспериментальной группы

(46,87%) выражает все же положительное отношение.

Более содержательную характеристику отношения студентов к инвалидам дает подробный анализ его компонентов. На уровне когнитивного компонента положительная оценка встречается у 18,75 % опрошенных, отрицательная оценка – у 23,43 %, индифферентная оценка – у 57,81 %. Как мы видим, доминирующее положение снова занимает индифферентное отношение. Участники эксперимента не отрицают возможности развития инвалидов в различных сферах (профессионально-трудовой, культурной и бытовой), но в то же время отмечают их неполноценность, ограниченность потенциала, ставят под сомнение перспективы развития.

Рассматривая оценку студентами перспективы развития инвалидов в различных сферах жизнедеятельности в рамках когнитивного компонента, мы отметили существенную разницу. Довольно значительная часть молодых людей (21,87 %) очень высоко оценила возможности развития инвалидов в бытовой сфере, они посчитали, что данная группа людей может быть достаточно независимой и самостоятельной. В то же время студентами не оцениваются очень высоко возможности развития инвалидов в профессиональной и культурной сферах. Более того, 50 % студентов ставят под сомнение профессиональные возможности инвалидов, отмечают низкие профессиональные перспективы. Еще больше опрошенных (65,62 %) говорят о суженных возможностях культурного развития данной группы людей. Также очень многие студенты считают, что ни о каком развитии инвалидов говорить нельзя, при оценке профессиональной сферы они составили 32,81 %, при оценке культурной сферы – 17,18 %, при оценке бытовой сферы – 18,75 %.

Таким образом, по мнению большинства студентов, наименьшие перспективы развития инвалидов существуют в профессиональной сфере и более высокие возможности – в бытовой сфере.

На уровне аффективного компонента положительное отношение к высоким достижениям инвалидов в различных сферах выразили 73,44% опрошенных, у остальных молодых людей большие результаты инвалидов не вызывают ярких положительных откликов.

Если сравнить отношения студентов к достижениям людей с ограниченными возможностями в разных сферах жизнедеятельности, то большее уважение и восхищение вызывает успешное профессиональное становление, чем ак-

тивность и самостоятельность в бытовой сфере. При анализе когнитивного компонента мы отметили, что молодые люди говорили о более ограниченных возможностях развития инвалидов в профессиональной сфере по сравнению с другими сторонами жизни. В связи с этим мы полагаем, что успехи инвалидов в профессиональном труде оцениваются ими более высоко и вызывают положительную эмоциональную реакцию.

Поведенческий компонент в характеристике отношения раскрывает готовность к реальному взаимодействию, тем самым он наиболее информативен в оценке отношения молодых людей к инвалидам. Подавляющее большинство студенческой молодежи (84,37 %) расценивает контакты с инвалидами как нежелательные, среди них 25 % опрошенных категорически отвергают возможность взаимодействия с данной категорией людей в любых сферах жизнедеятельности. Всего 15,63 % участников готово к полноценному взаимодействию с инвалидами.

Анализируя характер готовности к взаимодействию с инвалидами в разных сферах жизнедеятельности, мы констатируем, что молодые люди отрицательно относятся к контактам с ними в бытовых ситуациях. Мы полагаем, что студенты негативно относятся к возможности более близких отношений с данной группой людей, что характерно для бытовой сферы. Поскольку в профессиональной сфере выстраиваются в основном деловые, следовательно, более «отдаленные» связи, то взаимодействие именно в ней менее проблематично и нежелательно для участников.

Использовалась методика «Неоконченные предложения» для выявления представлений студентов об инвалидах, их положении в системе общественных отношений, а также характера эмоциональных отношений к данной категории людей. Мы просили молодых людей окончить предложение «Инвалид – это...». Подавляющее большинство опрошиваемых студентов (79,69%) при характеристике инвалида давало стандартные учебные определения данного понятия, делая акцент на наличие отклонения, дефекта и недееспособности. Кроме того, мы отметили, что научные представления о нормальном и отклоняющемся развитии, преподносимые традиционно в кратком учебном курсе педагогических вузов, не только не формируют осознание того, что данный ребенок отличается яркой индивидуальностью, а позволяют в обыденном сознании делить общество на «нормальных» и «отклоняющихся от нормы». Ярким примером этого служит следующий ответ: «Инвалид отли-

чается от людей, включенных в слой «нормальности»». И только 20,31 % в инвалиде видят «личность, обладающую силой воли, твердостью характера», «такого же, как все», некоторые даже оценили преимущество инвалидов, что отразилось в ответе «они намного ответственнее здоровых».

Мы полагаем, что сегодня в общественном сознании еще нет понимания того, что люди с ограниченными возможностями здоровья нуждаются в принятии их полноправными членами общества, участии в общественной и культурной жизни, открытых и доброжелательных контактах со здоровыми людьми. Данное мнение возникло из анализа ответов студентов на следующее предложение: «Для инвалидов самое главное...». Оценивая потребности и нужды инвалидов, молодые люди в основном ограничиваются ответами, отражающими необходимость помощи со стороны государства, социальных служб, медицинских учреждений (54,69 %). Немногочисленны предложения, раскрывающие потребность инвалидов в поддержке со стороны окружающего общества и близких людей, в принятии их полноценными членами общества.

Отмечая роль государства в жизни инвалидов («Любое государство по отношению к инвалидам должно...»), будущие педагоги в основном выделяют материальную функцию: обеспечение льгот, компенсаций, жилья, увеличение пенсий. Тенденция деления общества прослеживается и в окончаниях данного предложения. Часть опрошенных (4,69 %) высказалась о необходимости действий государства в изоляции инвалидов от здоровых людей («...придумать город, где они все будут жить», «...определить в специальные учреждения»). И только 2 студента (3,13 %) считают, что «государство должно помочь в изменении отношения общества к инвалидам в положительную сторону».

Анализ оценки студентами положения инвалида в обществе («В нашем обществе инвалиды...») показал, что большинство ребят, участвующих в эксперименте, понимают неблагополучие лиц с ограниченными возможностями здоровья в системе общественных отношений. Примером этого являются следующие ответы: «...считаются изгоями», «...не ценятся, никому не нужны», «...чувствуют себя некомфортно».

Собственно эмоциональное отношение молодых людей к лицам с ограниченными возможностями здоровья отражают окончания предложений «После общения с инвалидом я...», «Если говорить откровенно, то инвалидов нужно...», «Я боюсь, что инвалиды...». Студенческая мо-

лодежь в процессе взаимодействия с инвалидами испытывает чувство жалости (31,25 % ответов), чувство вины и беспомощности (29,69 % ответов) и ощущение превосходства над ними (23,44 % ответов). Некоторые ответы студентов (14,06 %) отражают их неготовность к данному общению, дискомфорт в отношениях. Не можем не отметить, что в экспериментальной группе был один молодой человек, который резко негативно выразил свое отношение к инвалидам («...чувствую отвращение»).

Страхи в отношении инвалидов связаны с опасениями некоторых молодых людей (12,5 %) об увеличении количества лиц с проблемами здоровья в обществе и о возможности рождения такого ребенка в их семье. Даже был ответ, отражающий крайнюю негативную точку зрения в отношении инвалидов, – боязнь получения вреда от них. Значительная группа опрошиваемых студентов (31,25 %) все же проявляет внимание к судьбе инвалидов, считая, что они «недостаточно поддерживаются обществом и из-за этого чувствуют себя изолированными, неполноценными».

Обобщая полученные данные по методике «Неоконченные предложения», мы пришли к выводу о том, что молодые люди в инвалиде видят человека, которому необходимы только лечение и определенная государственная поддержка (социальные льготы, материальная помощь). Студенческая молодежь не готова к активному полноценному взаимодействию с данной категорией людей, показывает свою социальную непричастность и не воспринимает их равными себе.

Эмоциональное отношение студентов к людям с ограниченными возможностями жизнедеятельности можно было также охарактеризовать по проективному рисунку «Я и инвалид». Перед участниками эксперимента была поставлена задача – в свободной форме нарисовать себя и инвалида. Нами был определен ряд информационных признаков, предполагающих качественную оценку. Мы обращали внимание на расположение субъектов по отношению друг к другу (расстояние между ними, размеры), использование цвета, прорисовку значимых деталей (мимика, части тела), общий эмоциональный фон рисунка.

Подавляющее большинство будущих педагогов нарисовало себя и инвалида далекими друг от друга, в 51,56 % рисунков отмечено явное отдаление между субъектами либо изображение одного субъекта и в 31,25 % рисунков – более близкое, но все же отдаленное расстояние. Воз-

можно, данная группа молодых людей проявляет отчуждение от инвалида и не представляет близких контактов с ним. Небольшая часть экспериментальной группы (17,19 %) отразила субъектов рисунка держащимися за руки, на очень близком расстоянии друг от друга, что, по нашему мнению, можно интерпретировать как готовность к полноценному взаимодействию с инвалидами.

Характер восприятия инвалида как партнера по межличностным отношениям может отразить соотношение размеров субъектов рисунка. Всего 39,06 % молодых людей изобразили себя и инвалида в одинаковых пропорциях, что свидетельствует о принятии человека с ограниченными возможностями жизнедеятельности как равного партнера по общению, имеющего те же права в реализации своих желаний и потребностей.

В большинстве случаев мы отметили нарушение соотношения пропорций рисунка либо в сторону уменьшения размеров изображения инвалида (46,88 % рисунков), либо в сторону его увеличения (9,38 % рисунков). Мы думаем, что уменьшенное изображение инвалидов по отношению к собственному изображению может свидетельствовать о проявлении чувства превосходства над ними и возможности подчеркнуть их ограниченность, неполноценность и несостоятельность по сравнению с собой. Довольно интересны комментарии ребят к увеличенному изображению инвалидов. Они характеризуют положение инвалидов в обществе как особое, доминирующее и привилегированное, поясняя это получением инвалидами льгот, материальной помощи со стороны государства. Несомненно, подобное восприятие человека с ограниченными возможностями не способствует положительным эмоциональным отношениям с ними.

Кроме того, были студенты, которые либо изобразили одного инвалида (3,13 % рисунков), либо одного себя (1,56 % рисунков). Наверное, как первый случай рисунка, так и второй – показатель того, что эти молодые люди не видят себя рядом с инвалидами и, соответственно, обособляют их. А изображение себя одного без инвалида свидетельствует о резко негативном отношении к нему и его отрицании. Эти же студенты выразили свою точку зрения об изоляции данной категории людей от общества и показали отрицательное отношение к ним в методике «Неоконченные предложения».

Обращает на себя внимание изображение мимики, отражающей эмоциональное состояние субъектов. Практически в половине случаев (46,88 %) наблюдается нечеткая прорисовка

эмоций как у себя, так и у инвалида. По нашему мнению, данный факт свидетельствует о том, что участники эксперимента либо не представляют себе подобного взаимодействия и не знают, как себя вести в этом общении, либо выражают отсутствие чувств по отношению к описываемой ситуации, то есть безразличное отношение.

В рисунках значительной части студентов (31,25 %) субъекты взаимодействия проявляют разные эмоции. Свое изображение они наделяют радостными эмоциями, а инвалида – отрицательными, чаще грустью. Для увеличения разрыва в переживании своего состояния некоторые молодые люди применили художественные элементы, например, изображение солнца над собой и тучи над инвалидом. Мы видим, что участники эксперимента воспринимают инвалида как человека, который не радуется жизни и не испытывает положительных эмоций. Остальные ребята (21,88 %) в рисунках выражают положительные эмоции субъектов взаимодействия.

Использование цветовой гаммы в рисунках резко ограничено, только 4,69 % молодых людей сочли необходимым представить изображение в цвете. Поэтому данный признак не является для нас информативным в решении поставленных задач.

Таким образом, анализ результатов проведенного исследования показал, что студенты, будущие педагоги, имеют узкий круг представлений об инвалидности и тех проблемах, которые волнуют людей с ограниченными возможностями. Инвалид не является для них желательным партнером по общению, они либо не представляют, либо резко негативно относятся к более близким личным отношениям с данной категорией людей. В целом отношение студенческой молодежи к людям с ограниченными возможностями жизнедеятельности характеризуется как индифферентное, равнодушное и отстраненное.

На современном этапе процесс гуманизации общественных отношений ведет к активизации интереса к проблемам наименее социально защищенных слоев, к которым относятся инвалиды. Основная тенденция, характеризующая данный процесс, заключается в социально-психологической интеграции инвалидов. Открытость государственных и социальных институтов для людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности включает в себя не только оформление равных прав на труд и образование, предоставление доступа ко всем сферам жизнедеятельности, но и изменение отно-

шения, негативных установок здоровых людей к лицам, имеющим проблемы в здоровье. Результаты нашего исследования показали, что существует достаточно много проблем в готовности общества к взаимодействию с инвалидами. Несомненно, поставленная проблема требует дальнейшего изучения и эффективного разрешения.

Литература

1. Добровольская Т.А., Шабалина Н.Б. Инвалид и общество: социально-психологическая интеграция // Социологические исследования. – 1991. – № 5. – С. 3 – 8.

Янданова Туяна Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии детства Педагогического института Бурятского государственного университета, г.Улан-Удэ. E-mail: avroga-tuia@mail.ru

Yandanova Tuiana Ivanovna, candidate of psychological sciences, associate professor, department of childhood psychology, Buryat State University, Ulan-Ude.

2. Жулковская Т. Социализация людей с ограниченными интеллектуальными возможностями: соотношение институтов и процессов: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2002.

3. Кантор В.З. Отношение студенческой молодежи к инвалидам по зрению как детерминирующий фактор их социально-психологической адаптации в условиях вузовского образования // Проблемы социально-психологической и профессиональной адаптации студентов и аспирантов с нарушенным зрением в современном вузе: материалы всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и тифлопедагогов / под ред. В.К. Рогушина. – СПб., 2000. – С. 20–27.

4. Феномен эгоцентризма у подростков-инвалидов / Л.Ф. Обухова и др. // Вопросы психологии. – 2001. – № 3. – С. 40 – 48.

УДК 159.922.4

© А.Р. Монсонова, Р.Д. Санжаева

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается ценностный аспект исследования личности как субъекта этноконфессиональных отношений методом типологии Инглхарта-Яницкого.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, смыслы, типы личности, индивидуализация, адаптация, социализация, этноконфессиональные отношения, субъектность.

A.R. Monsonova, R.D. Sanzhaeva

VALUE OF RESEARCH AS A SUBJECT OF ETHNIC AND RELIGIOUS IDENTITY RELATIONS

This article discusses aspects of the value of research as a subject of ethnic and religious identity relations by personality typology of Inglehart-Janicki.

Keywords: values, meanings, personality types, personalization, adaptation, socialization, ethnic and religious relations, subjectivity.

Одной из характерных черт начала XXI в. является усиление процесса взаимообогащения культур. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема формирования этноконфессиональных отношений как фактора повышения эффективности межкультурного диалога. Проживание субъекта в условиях поликультурной среды актуализирует специфические психологические механизмы, направленные на переосмысление индивидом собственной этнической принадлежности. В связи с этим с учетом сложнейших условий нашей многонациональной страны ценным опытом являются психологические исследования, посвященные проблеме функционирования этноконфессиональных отношений личности в поликультурной среде в контексте субъектно-конструктивистского подхода.

На основе теоретического анализа возникает задача раскрыть содержательно-критериальные, структурные, функциональные и процессуально-формирующие составляющие этноконфессиональных отношений личности, описать вариативность их развития в разных ситуациях полиэтничной реальности. Системный психологический анализ личности как сложного мультиполярного конструкта позволяет сформулировать методологические основы концепции этноконфессиональных отношений личности в пространстве полиэтничной среды с позиции усиливающегося значения активности личности как субъекта жизнедеятельности и смыслообразования.

В ходе исследования нами рассмотрены основания определения вариантов этноконфессиональных отношений, проведен анализ их психо-

логических особенностей в зависимости от социокультурной ситуации этнической общности; выделены их типы в сопряженности с комплексом личностных показателей на основе использования модифицированного теста ценностных ориентаций Р. Инглхарта в соответствии с концепцией типологии личности профессора М.С. Яницкого. Методика Р. Инглхарта в модификации М.С. Яницкого использована с целью определения ориентированности на ценности адаптации, социализации, индивидуализации в исследуемых группах [2]. Р. Инглхарт на основе концепции А. Маслоу разделяет «материалистические» (физиологические) и «постматериалистические» ценности, преобладание которых в том или ином обществе отражает стадию его общего экономического и социального развития. Данные типы ценностных ориентаций имеют различное происхождение, сформулированное им в виде «гипотезы недостаточности» и «гипотезы социализации». В то же время в классификации Инглхарта постматериалистические ценности практически распадаются на две группы – социальные и ценности самоактуализации, обусловленные соответственно направленностью на «присоединение» либо саморазвитие. Развивая это положение, А.П. Вардомацкий дополняет концепцию Р. Инглхарта «гипотезой идеализации». М.С. Яницкий модифицировал и апробировал методику Р. Инглхарта в 2001 г., основываясь на собственной трехуровневой модели ценностной структуры массового сознания. Предложенная методика позволяет выявить ориентацию на ценности адаптации (выживание и безопасность), социализации (социальное одобрение) или индивидуализации (независимость и саморазвитие). Методика основана на выборе респондентами наиболее важных ценностей из предлагаемого списка. Список таких ценностей-индикаторов был составлен на основе характеристик типов личности, выделенных М.С. Яницким, в ходе психологического исследования, а также изучения 45 фокус-групп, проведенного на территории Западной Сибири и Урала.

Респондентам предъявляется карточка, содержащая 9 позиций, представляющих три блока по три пункта в каждом:

- 1) отсутствие нужды, материальный достаток;
- 2) семейное благополучие;
- 3) возможность интеллектуальной и творческой самореализации;
- 4) сохранение сил и здоровья;
- 5) хорошая престижная работа;

б) возможность пользоваться демократическими правами и свободами;

7) сохранение порядка и стабильности в обществе;

8) уважение окружающих, общественное признание;

9) строительство более гуманного и терпимого общества.

Респондентам предлагалось выбрать из 9 предложенных вариантов те, которые они считают для себя наиболее важными (можно указать от 1 до 3 вариантов). В результате испытуемые были отнесены к одному из трех ценностных типов (ЦТ): «адаптирующийся» (ориентация на порядок, здоровье, материальный достаток); «социализирующийся» (семья, карьера, общественное признание); «индивидуализирующийся» (самореализация, свобода, терпимость); «промежуточный» тип.

Выборку составила группа работающей молодежи в возрасте до 30 лет в составе 50 человек (бурят и русских), которые являются верующими и придерживаются концепта, что Бог един.

Молодость (от 21-23 до 30 лет) – это период овладения профессией, приобретения экономической ответственности личности и ее полного включения во все виды социальной жизни общества. Это время любви, создания семьи, рождения и воспитания детей.

По данным ЮНЕСКО, молодежь сегодня является реальной социальной силой, стратегическим ресурсом развития – это 33% населения планеты, более 50% трудоспособного состава всего населения мира. Вся современная глобальная информационная сеть на 85 % (практически полностью) занята и контролируется молодежью, хотя ей может и не принадлежать.

В молодости происходят значительные личностные изменения. У сильной личности с духовно-нравственной направленностью появляется стремление осмысленно и самостоятельно строить свое будущее, ориентируясь на социальные ценности общества и на свое место в нем. Поэтому молодой человек стремится понять смысл жизни, глубже познать ее законы, изучить их с целью поиска своего единственного, присущего только ему предназначения. Смысл жизни – одна из основных категорий, которой оперирует человек в молодости. Под смыслом жизни имеется в виду «внутренне мотивированное, индивидуальное значение для субъекта собственных действий, поступков, взятых как целое и переживаемых как истинное и ценностное». В результате у молодого человека

появляется желание «быть самим собой», самореализовываться, осознавать себя как ценность.

В контексте нашего исследования представляется интересным изучение современной молодежи Байкальского региона. Длительное проживание в пределах одной социально-территориальной общности сформировало определенное единство в отношении людей к хозяйственно-экономической и социокультурной сфере.

Байкальский регион является одним из полиэтничных районов России, где на протяжении многих веков мирно сосуществуют русскоязычное население («сибиряки», «семейские», православные) и коренные народы (буряты (буддисты, шаманисты) и эвенки).

Полиэтническое, межконфессиональное общение не могло не отразиться на системе нравственных и религиозных ценностей, которая в первую очередь обусловила отсутствие этнической напряженности в регионе, диалог культур, но в то же время и выразила ассимилятивные процессы коренных народов. Поэтому вызывает интерес исследование ядра традиционной культуры современных народов Байкальского региона, обеспечивающего стабильность и самоидентичность, а также современного (актуального) слоя, обуславливающего мобильность культуры, ее способность продуцировать инновации. Полученные результаты нашего исследования показали, что все типы ценностей значимы для респондентов.

Для группы работающей молодежи ценности индивидуализации оказались наиболее значимы (45,0 %), а также ценности самоактуализации, куда включены: творчество, учеба, профессия, жизнь, ценности, духовность, движение. Для них ценны ответственность, интернальный локус контроля, беспокойство за мир, этнокультурные ценности, особенно язык. Особое значение имеют экзистенциальные ценности (духовность, буддизм, вера и др.), которые в совокупности с высоким уровнем духовной силы создают ядро их образа мира. Их образ жизни детерминирован возрастными особенностями, имеющимся опытом, самореализацией в профессиональной деятельности, личностными характеристиками (терпимость, эмоциональная устойчивость и др.), необходимыми в семейной и общественной жизни.

В системе этноконфессиональных отношений молодежи данной группы выделена особо ценность «семейное благополучие», самые низкие показатели оказались по шкале «демократические права и свобода», что связано с реальным

положением человека в нашем обществе. Любой вид деятельности основывается на осознании личностью каких-либо норм права, морали, этических норм и т.д. Проблема наличия правового сознания у российских граждан в современном обществе является актуальнейшей ввиду, можно сказать, отсутствия правосознания и возникновения на этой основе чувства незащитности, с одной стороны, и нарушения прав, с другой. Результаты нашего исследования показывают, что проблема правовой грамотности актуальна для молодежи, хотя они имеют возможности обращаться к правовой справочной литературе через компьютерную сеть, в платную юридическую контору для консультирования и т.д. Данную тенденцию можно объяснить также когортными, межпоколенными различиями, поскольку «формативные годы», т.е. время формирования основных ценностей, к которым А.П. Вардомацкий относит период от 12 до 18 лет, у данной группы пришлись на годы перестройки, распада советского строя.

На втором месте стоят ценности адаптации молодежи (25%), что говорит об их достаточно благополучном процессе адаптации к взрослой жизни, переходе от обучения к самостоятельности, отсутствии тревоги по поводу безопасности. Ценности адаптации приобретают большую значимость в связи с трудоустройством, переходом из одной смысловой ситуации в другую – профессиональную, что связано с необходимостью приспособления к другим условиям быта, социокультурной среде, экономическому и социально-демографическому статусу. Поэтому все это связано с позициями нужды, сохранения сил и здоровья (20% и 10% соответственно)

Ценности социализации личности (20%) включают в себя социальное познание, общение, овладение навыками профессиональной деятельности, качественное изменение самого себя, гармоничное развитие, участие в преобразовании окружающего мира.

В группе доминировали ценности социализации, обусловленные ориентацией на других людей, на интеграцию в общество, на достижение определенного социального статуса, о чем свидетельствует выбор ими следующих позиций теста – семейное благополучие, хорошая престижная работа, уважение окружающих, общественное признание. Молодые люди уже имеют достаточный опыт адаптации в социальных институтах, в результате чего происходит интернализация (присвоение) индивидом ценностей, норм и поведенческих стандартов данного об-

щества, социально адаптированная психическая саморегуляция личности. Эти ценности детерминируют образ «Я» в их системах образа мира, в которые входят ценности семьи, духовная сила, экзистенциальные потребности в общении, в преодолении пассивной природы, в эмоциональной устойчивости.

Проведенное исследование в группе работающей молодежи показало следующие результаты: выделено 5 факторов с общей дисперсией 59,2 %. Динамика общения тридцатилетних молодых людей такова: фактор «*Профанный мир*» включает такие оценки: агрессивный мир, замкнутый, разрозненный, беспокойный, авторитарный. Это можно объяснить, кроме достаточного жизненного опыта, кризисом смысла жизни тридцатилетних, когда человек находится либо на высоте своих достижений (работа, семья, дети), либо он осознает, что жизнь не сложилась. Кризис проявляется у первых, потому что они подводят итоги и видят – не все из задуманного реализовано, у вторых – приходит понимание, что следует изменить свой образ жизни. Поэтому 10 % исследуемых отнесены к промежуточному типу ценностного самоопределения.

Фактор «*Обычный мир*» показывает еще одну сторону кризиса смысла, включает характеристики жизни – неинтересная, одинаковая, аккуратная, но есть определенность взглядов и цели. «*Реальный мир*» связан с твердостью, сложностью, необеспеченностью. Требуется сила воли, но есть любовь, которая помогает создавать «*Желаемый мир*» (4-й фактор), который имеет такие характеристики, как целостность, совершенство, честность, преданность, закон, простота, уникальность, благость, доброта. 5-й фактор – «*Ценностный мир*», включающий такие цен-

ности, как счастье других, высокие запросы, работа, ориентация во времени, честность, терпимость, чуткость, – показывает детерминирующее значение ценностно-смысловых ориентаций, что важно для современной молодежи всего Байкальского региона.

Таким образом, исследование системы ценностных ориентаций работающей молодежи позволяет говорить о том, что в данном периоде онтогенеза наиболее важными оказались ценности индивидуализации, самоактуализации, куда включены: творчество, учеба, профессия, жизнь, ценности, духовность, движение. Для данной группы ценны ответственность, интернальный локус контроля, беспокойство за мир, этнокультурные ценности, особенно национальный язык. Особое значение для них имеют экзистенциальные ценности (духовность, христианство, буддизм, вера и др.), которые в совокупности с высоким уровнем духовной силы создают ядро их образа мира. Их образ жизни детерминирован возрастными особенностями, самореализацией в профессиональной деятельности, личностными характеристиками (терпимость, эмоциональная устойчивость и др.), необходимыми в семейной и общественной жизни.

Литература

1. Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья: коллективная монография / науч. ред. Р.Д. Санжаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос-ун-та, 2012. – 302 с.
2. Монсонова А.Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования ценностных ориентаций личности. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 186 с.
3. Яницкий М.С. Ценностные измерения массового сознания. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 312 с.

Монсонова Арюна Раднанимаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета. E-mail: monsonova@rambler.ru

Санжаева Римма Дугаровна, доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета. E-mail: rimmasan@pochta.ru

Monsonova Aryuna Radnanimayevna, candidate of psychological sciences, assistant professor of Buryat State University. E-mail: monsonova@rambler.ru

Sanzhaeva Rimma Dugarovna, doctor of psychological sciences, professor of Buryat State University. E-mail: rimmasan@pochta.ru

III. ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛА

УДК 159.9:37.015.3

© С.А. Лысуенко

СПОСОБНОСТЬ САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА

В статье рассматривается проблема профессиональной Я-концепции студентов колледжа и их готовность к самоуправлению. Проанализированы основные подходы к изучению профессиональной Я-концепции. Представлены результаты эмпирического исследования, отражающие особенности формирования профессиональной Я-концепции студентов колледжа. Выделена факторная структура профессиональной Я-концепции студентов колледжа, которая позволяет определить интегрирующие показатели личностных свойств, способствующие ее развитию в период профессиональной подготовки.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, профессиональная Я-концепция, структурные компоненты профессиональной Я-концепции, этап профессиональной подготовки, способность самоуправления.

S.A. Lysuenko

THE ABILITY OF SELF-MANAGEMENT AS A DEVELOPMENT FACTOR OF PROFESSIONAL I-CONCEPTION OF COLLEGE STUDENTS

The article considers a problem of professional I-conception of college students and their readiness for self-management. The main approaches to studying the professional I-conception have been analyzed. The results of empirical study have been presented, they reflect peculiarities of the college students ability to form the professional I-conception. A factor structure that allows to determine integrating indicators of personal values is outlined; such indicators promote its development during professional training.

Keywords: professional self-consciousness, professional I-conception, structural components of I-conception, stage of professional training, self-management ability.

В России, переживающей времена интенсивного развития экономического и технического прогресса, определяются новые требования к специалисту на рынке труда. Сегодня уровень профессионализма выпускника профессионального учебного заведения характеризуется не только степенью овладения профессиональными знаниями, умениями и навыками, но и уровнем сформированности его личностных качеств, оказывающих влияние на успех в будущей профессиональной деятельности. А.А. Деркач, Т.Л. Миронова отмечают, что от уровня сформированности профессионального самосознания, профессиональной Я-концепции зависят процесс развития профессионала, темп, успешность овладения профессиональной деятельностью, вхождение в профессиональную сообщество [3; 9, с. 5].

По мнению Е.А. Климова, «профессионализм необходимо понимать не только как некий высокий уровень знаний, умений и результатов человека в данной области деятельности, но и как определенную системную организацию сознания, психики человека, включающую его устойчивые разноуровневые особенности» [6, с. 37]. Большинство ученых отмечают, что в

процессе становления и развития профессионала важным является формирование профессионального самосознания (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, О.В. Кузьмина, Т.Л. Миронова, О.В. Москаленко, А.К. Маркова и др.), так как зачастую оно складывается стихийно [8]. Таким образом, одной из основных задач профессиональной подготовки, как этапа становления профессионала, является целенаправленная работа по формированию профессионального самосознания студентов.

Многочисленные исследования в отечественной и зарубежной психологии, посвященные проблеме профессионального самосознания, опираются на достаточно богатый материал изучения личностного самосознания [15]. Однако в отличие от самосознания личности в целом профессиональное самосознание специфичнее по своему содержанию. Так, А.К. Маркова отмечает, что «личностное пространство шире профессионального, личностное лежит в основе профессионального, личностное определяет и ход, и завершение профессионального» [8, с. 66].

В зарубежной психологии профессиональное самосознание личности изучается в рамках ис-

следования профессионального развития (Д. Сьюпер), личностной самооценки (А. Бандура), мотивации и деятельности (Х. Хекхаузен). Д. Сьюпер считает, что важнейшей детерминантой профессионального пути выступают представления человека о своей личности (Я-концепция), а значимыми компонентами профессиональной Я-концепции являются самооценка и самооценочность. Личностная самооценочность, по мнению А. Бандуры, определяется умением человека осознавать свои способности, выстраивать поведение, соответствующее специфической задаче или ситуации [18]. Х. Хекхаузен, исходя из положений своей теории, рассматривает самооценку индивида как один из принципов мотивации, с помощью которой можно описать устойчивые тенденции саморегуляции деятельности [17].

Отечественные ученые, раскрывая и изучая особенности профессионального самосознания личности, определяют его с позиций нескольких подходов. С позиций *рефлексивного подхода* профессиональное самосознание рассматривается как разновидность самосознания, как осознание своей принадлежности к некоторой профессиональной группе [14], как комплекс представлений человека о самом себе, как о профессионале, включающий целостный образ себя в профессии и складывающуюся в связи с этим систему отношений и установок к себе [8]. В работах авторов *регулятивного подхода* профессиональное самосознание определяется как особый феномен человеческой психики, обуславливающий саморегуляцию личностью своих действий в профессиональной среде на основе познания профессиональных требований, своих профессиональных возможностей и эмоционального отношения к себе как к субъекту профессиональной деятельности [2]. Е.А. Климов, разрабатывая категорию «субъективный образ» в связи с основными психическими регуляторами труда, пишет: «Образы самосознания человека (наряду с образами окружающего мира) – необходимая основа целесообразной регуляции, саморегуляции его трудовой деятельности и взаимодействия с окружающими людьми, ибо это взаимодействие существенно определяется тем, как человек понимает свое место среди людей, за кого себя принимает, что думает о том, как он выглядит в глазах окружающих» [5, с. 69]. С точки зрения *акмеологического подхода* развитие профессионального самосознания можно представить как процесс и результат системных преобразований развивающейся личности, включающих прогрессивное изменение продук-

тивной Я-концепции как подсистемы профессионализма личности [4].

Вопрос о *структуре профессионального самосознания* рассматривается многими отечественными учеными (Е.А. Климов, И.С. Кон, А.К. Маркова, Т.Л. Миронова, Е.Ю. Пряжников, В.В. Столин, И.И. Чеснокова, Г.А. Цукерман и др.), но однозначного мнения по этому вопросу нет. Большинство исследователей выделяют классическую трехкомпонентную модель по аналогии со структурой личностного самосознания: 1) когнитивный компонент (профессиональный образ Я, профессиональное самопознание); 2) эмоционально-оценочный компонент (профессиональная самооценка, профессиональное самоотношение); 3) поведенческий компонент (мотивационно-ценностные и регулятивно-действенные аспекты) [9, с. 93–94; 11, с. 95].

Соотношение понятий «профессиональное самосознание» и «профессиональная Я-концепция» в отечественной и зарубежной литературе специально не рассматривалось, при этом термин «самосознание» во многом близок терминам «Образ Я», «Я-образ», «Я-концепция» (Н.С. Пряжников), а иногда они рассматриваются рядоположенно (А.А. Налчаджян). По мнению Т.Л. Мироновой, профессиональная Я-концепция (Я образ) представляет собой динамическую систему представлений профессионала о себе как субъекта профессиональной, учебно-профессиональной деятельности. Т.Л. Мироновой проведено обширное исследование структуры, динамики самосознания «будущих рабочих – учащихся ПТУ, осваивающих профессию токаря, повара судового, а также врачей хирургического профиля». Результаты ее исследования представлены в докторской диссертации «Структура и развитие профессионального самосознания» (1999), а также в ряде работ [9; 10, 11, 12].

В качестве методологической основы изучения профессиональной Я-концепции студентов колледжа нами использовалось понимание Я-концепции личности как обобщенного продукта самосознания, включающего Я-образы, самооценки, самоотношения. По мнению Е.И. Петановой и А.А. Реана, Я-концепция во многом определяет процесс целеполагания человека, систему его когнитивных и эмоциональных отношений, направление деятельности и оценку ее результата, поведение и взаимодействие с окружающими [13]. В нашем исследовании под *профессиональной Я-концепцией* понимается совокупность представлений о себе как о профессионале, формирование которых будет обеспе-

чиваться наличием эталонной модели профессионала (образ профессионала), а степень отождествления/дифференциации с ней позволит не только обрести профессиональную идентичность и сформировать систему профессиональных самооценок, но и будет являться основой регуляции поведения человека в профессиональной деятельности.

Профессиональная Я-концепция включает в себя следующие структурные компоненты:

1) когнитивный компонент – знания о своих способностях и свойствах личности, обеспечивающих успешность освоения профессиональной деятельности (образ Я);

2) компонент профессиональной идентичности – степень отождествления/дифференциации образов «Я-реальное» и «Образ профессионала»;

3) эмоционально-оценочный компонент – система профессиональных самооценок, основанных на сопоставлении образов «Я-реальное» и «Образ профессионала», способствующая развитию самоуважения;

4) поведенческий компонент – активные действия человека, направленные на самореализацию в профессиональной деятельности, как результат взаимообусловленности и взаимодействия первых трех компонентов.

Процесс формирования профессиональной Я-концепции на этапе профессиональной подготовки начинается со знакомства студентов с профессиограммой приобретаемой специальности («Образ профессии» и «Образ профессионала»), что предполагает не простое ознакомление с перечнем доминирующих видов деятельности, областей применения профессиональных знаний и качеств, обеспечивающих успех в профессиональной деятельности, но и одновременно глубокую рефлексию: «Обладаю ли я перечисленными качествами?», «Если обладаю, то в какой степени?», «Какой вид деятельности в будущем предпочтеть в соответствии со своими качествами и способностями?» и т.п. Через рефлексию происходит соотнесение имеющихся знаний о своих способностях и личностных свойствах (образ «Я-реальное») с профессионально важными качествами («Образ профессионала»), что, в свою очередь, способствует формированию профессиональной идентичности на этапе профессиональной подготовки.

Способность самоуправления – это свойство личности, обеспечивающее процесс целенаправленного изменения, в котором человек сам управляет своими формами активности: общением, поведением, деятельностью и переживаниями [16]. Н.М. Пейсахов указывает на то, что

самоуправление – процесс творческий, он связан с созданием нового, встречей с необычной ситуацией, необходимостью постановки новых целей, поиском новых решений и средств их достижения. Для того чтобы начала складываться система самоуправления, у человека должна появиться потребность в ней, возникающая тогда, когда привычные и ранее сложившиеся способы и средства деятельности не приводят к успеху. Именно здесь появляется необходимость перейти к рациональному анализу сложившегося положения, к анализу ситуации, выработке цели и к его целенаправленному изменению, то есть самоуправлению.

Таким образом, наличие способности самоуправления, на наш взгляд, является важным индикатором уровня сформированности профессиональной Я-концепции у студентов и отражает поведенческий компонент ее структурного содержания.

С *целью* определения личностных качеств, способствующих развитию профессиональной Я-концепции на этапе профессиональной подготовки, нами было проведено исследование, в котором в качестве *гипотезы* было выдвинуто предположение о том, что формирование способности самоуправления у студентов колледжа будет способствовать развитию профессиональной Я-концепции личности на этапе профессиональной подготовки.

Данное исследование проводилось на базе ГБОУ СПО СО «Нижнетагильский государственный профессиональный колледж им. Н.А. Демидова». В исследовании приняли участие студенты третьих – четвертых курсов специальностей «Государственное и муниципальное управление», «Налоги и налогообложение», «Документационное обеспечение управления и архивоведение» (90 человек, возраст – 17–22).

Для диагностики структурных компонентов профессиональной Я-концепции студентов были использованы следующие методики:

– «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири), инструкция опросника была модифицирована с учетом цели исследования (для диагностики когнитивного компонента и уровня профессиональной идентичности);

– «Тест-опросник самоотношения» (В.В. Столин, С.Р. Пантеев) (для диагностики эмоционально-оценочного компонента);

– «Способность самоуправления» (Н.М. Пейсахов), «Готовность к саморазвитию» (Т.А. Ротанова, Н.Ф. Шляхта) (для диагностики поведенческого компонента).

Обработка полученных данных проводилась с помощью пакета SPSS – 17, использован метод статистического анализа – эксплораторный факторный анализ по методу главных компонент (Principal Component Analysis). Было извлечено четыре фактора с собственными значениями больше единицы, совокупно описывающих 43% дисперсии данных, далее факторы подверглись вращению по методу варимакс (Varimax with Kaiser Normalization).

Первый фактор, имеющий наибольший вес, а соответственно и наибольшую информативность, можно интерпретировать как фактор, отражающий уровень социальной зрелости личности студентов (17%). Максимальную факторную нагрузку несут показатели: «Способность самоуправления» (0,852), «Глобальное самоуважение и самоуважение» (0,787), «Готовность самосовершенствоваться» (0,735), «Доминирование-подчинение» (0,716), «Самоуверенность» (0,666), «Принятие решения» (0,657), «Анализ противоречий» (0,634).

Большинство показателей, вошедших в данный фактор, являются характеристиками социально зрелой личности, которая сама управляет своими формами активности: общением, поведением, деятельностью и переживаниями.

Здесь прослеживаются тенденции к развитию профессиональной Я-концепции за счет творческого подхода в создании нового при встрече с необычной ситуацией или противоречием и за счет умений постановки новых целей, поиска новых решений и средств достижения целей. Также можно отметить, что развитая профессиональная Я-концепция отличается формой самоотношения, в которой эмоционально и содержательно объединяются вера в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, умение оценивать свои возможности и контролировать собственную жизнь. Опираясь на представленную содержательную специфику, можно определить данный фактор как «Социальная зрелость личности» (табл. 1).

Таблица 1

Компонент факторной структуры профессиональной Я-концепции личности студентов: фактор «Социальная зрелость личности»

№	Наименование переменной	Факторная нагрузка
1.	Общая способность самоуправления	0,852
2.	Самоуважение	0,787
3.	Глобальное самоуважение	0,787

4.	Готовность самосовершенствоваться	0,735
5.	Доминирование – подчинение	0,716
6.	Самоуверенность	0,666
7.	Принятие решения	0,657
8.	Анализ противоречий	0,634
9.	Ожидаемое отношение от других	0,594
<i>Собственное значение</i>		<i>9,246</i>
<i>Доля объясняемой дисперсии, %</i>		<i>17,445</i>

Второй фактор был интерпретирован как «Тенденция направленности личности в профессиональной деятельности на взаимодействие» (10%) и объединил в себе показатели, характеризующие отсутствие агрессивных тенденций (табл. 2).

Таблица 2

Компонент факторной структуры профессиональной Я-концепции личности студентов: фактор «Тенденция направленности личности в профессиональной деятельности на взаимодействие»

№	Наименование переменной	Факторная нагрузка
1.	Общительность	0,792
2.	Образ профессионала – «Уступчивость»	0,737
3.	Отзывчивость	0,732
4.	Образ профессионала – «Отзывчивость»	0,712
5.	Уступчивость	0,707
6.	Образ профессионала – «Зависимость»	0,670
7.	Образ профессионала – «Общительность»	0,659
<i>Собственное значение</i>		<i>5,371</i>
<i>Доля объясняемой дисперсии, %</i>		<i>10,135</i>

Максимальные факторные нагрузки несут показатели «Общительность» (0,792), «Образ профессионала уступчивого» (0,737), «Отзывчивость» (0,732), «Образ профессионала отзывчивого» (0,712), «Уступчивость» (0,707), «Образ профессионала зависимого» (0,670), «Образ профессионала общительного» (0,659). Результирующая тенденция развития профессиональной Я-концепции характеризуется проявлением таких личностных качеств, как избегание прямого и открытого решения проблем в профессиональной деятельности, что выражается в желании уступить давлению группы, неготовности принимать на себя руководство, когда речь идет о выборе задач. Также в межличностном взаимодействии может присутствовать стремление при любых условиях поддерживать позитивные отношения с окружением и в большей степени ориентироваться в профессиональной деятель-

ности на сохранение симпатии и дружбы с коллегами, чем на достижение хороших результатов.

Третий фактор включает в себя с положительным знаком показатели «Уверенность» (0,623), «Образ профессионала уверенного» (0,577), «Недоверчивость» (0,574), «Доминантность» (0,508) и с отрицательным знаком показатель «Дружелюбие – агрессивность» (- 0,604) (табл. 3).

Таблица 3

Компонент факторной структуры профессиональной Я-концепции личности студентов: фактор «Тенденция направленности личности в профессиональной деятельности на себя»

№	Наименование переменной	Факторная нагрузка
1.	Требовательность	0,723
2.	Образ профессионала – «Независимость»	0,689
3.	Образ профессионала – «Требовательность»	0,665
4.	Уверенность	0,623
5.	Дружелюбие – агрессивность	- 0,604
6.	Образ профессионала – «Уверенность»	0,577
7.	Недоверчивость	0,574
<i>Собственное значение</i>		4,261
<i>Доля объясняемой дисперсии, %</i>		8,040

Большинство показателей, вошедших в данный фактор, отражает уверенность, независимость, доминантность и агрессивность личности, для которой образ профессионала наполнен подобным содержанием. При этом наличие уверенности сопровождается ярко выраженным чувством агрессии, которое в профессиональной деятельности может проявиться при достижении статуса и навязывании своей воли другим. Принимая во внимание значения наибольших нагрузок данного фактора, его можно интерпретировать как «Тенденция направленности личности в профессиональной деятельности на себя»

Четвертый фактор был интерпретирован как «Рефлексивная профессиональная идентичность», где максимальные факторные нагрузки были получены по переменным «Расхождение с образом профессионала зависимого» (0,689), «Расхождение с образом профессионала уверенного» (0,597), «Расхождение с образом профессионала общительного и отзывчивого» (0,564 и 0,492) соответственно (табл. 4).

Содержание данного фактора характеризуется степенью отождествления себя (образ «Я-профессионал») с образом профессионала по различным характеристикам личности. В свою

очередь степень отождествления/ дифференциации этих образов определяется благодаря рассуждениям студентов о самих себе как о будущих профессионалах, где образом «Я-профессионал» является «Я-рефлексирующее». Таким образом, осознание наличия/отсутствия качеств, необходимых будущему профессионалу, указывает на уровень профессиональной идентичности студентов колледжа.

Таблица 4

Компонент факторной структуры профессиональной Я-концепции личности студентов: фактор «Рефлексивная профессиональная идентичность»

№	Наименование переменной	Факторная нагрузка
1.	Расхождение по октанту «Зависимость»	0,689
2.	Расхождение по октанту «Уверенность»	0,597
3.	Расхождение по октанту «Отзывчивость»	0,564
4.	Расхождение по октанту «Общительность»	0,492
<i>Собственное значение</i>		3,972
<i>Доля объясняемой дисперсии, %</i>		7,495

Выделенная факторная структура представляет собой сочетание определенных личностных свойств, объединенных внутренними взаимосвязями в блоки: «Социальная зрелость личности», «Тенденция направленности личности в профессиональной деятельности на взаимодействие», «Тенденция направленности личности в профессиональной деятельности на себя» и «Рефлексивная профессиональная идентичность», и позволяет определить интегрирующие показатели таких личностных качеств, которые способствуют развитию профессиональной Я-концепции на этапе профессиональной подготовки в зависимости от особенностей ее структуры.

Содержание компонентов представленной факторной структуры указывает также на то, что такое качество личности, как способность самоуправления, является не только основным диагностическим показателем профессиональной Я-концепции студентов колледжа, но и характеризует уровень их социальной зрелости.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать **выводы**:

– способность самоуправления является стержневым показателем, интегрирующим структурные компоненты профессиональной Я-концепции;

– развитие профессиональной Я-концепции студентов колледжа определяется уровнем развития способности самоуправления личности;
 – на этапе профессиональной подготовки необходимо целенаправленное формирование у студентов способности самоуправления как фактора, способствующего развитию профессиональной Я-концепции в целом.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). – М.; Воронеж, 1999.
2. Васьковская С.В. Психологические условия формирования профессионального самосознания будущего учителя: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Киев, 1987. – 18 с.
3. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2004. – 752 с.
4. Деркач А.А. Акмеология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и спец. психологии – СПб.: Питер, 2003. – 252 с.
5. Климов Е.А. Введение в психологию труда: учебник для вузов. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998 – 350 с.
6. Климов Е.А. Психология: учебник средней школы. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 287 с.

7. Куликов Л.В. Психология личности в трудах отечественных психологов: хрестоматия. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 464 с.: ил.
8. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Знание, 1996. – 308 с.
9. Миронова Т.Л. Самосознание профессионала. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. – 200 с.
10. Миронова Т.Л., Еремеев Б.А. Структура актуальной положительной самохарактеристики учащегося ПТУ как субъекта учебно-производственной деятельности // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2007. – Вып.4. – С. 130–140.
11. Миронова Т.Л. Особенности самоотношения студентов, склонных к перфекционизму // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2010. – Вып.5.– С.88–100.
12. Миронова Т.Л. Структура актуальной положительной Я-концепции учащегося профтехучилища как субъекта учебно-профессиональной деятельности // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2011. – Вып.5. – С. 134 – 142.
13. Общая психология и психология личности / под ред. А.А. Реана. – М.: Изд-во АСТ; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 639 с.
14. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – М.: Мысль, 1971. – 351с.
15. Психология самосознания: хрестоматия / под ред. Д.Я. Райгородский. – Самара: БАХРАХ-М, 2007. – 672 с.
16. Столяренко Л.Д. Основы психологии. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 322с.
17. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельности. – СПб.: Питер, 2003. – 860с.: ил.
18. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 607с.: ил.

Лысуенко Светлана Анатольевна, аспирант кафедры общей психологии Уральского государственного педагогического университета, г. Нижний Тагил. E-mail: slysuenko@rambler.ru

Lysuenko Svetlana Anatolevna, postgraduate student, department of general psychology, Ural State Pedagogical University, Nizhniy Tagil. E-mail: slysuenko@rambler.ru

УДК 316.6:378

© Г.В. Кравец

**СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
 КАК КЛЮЧЕВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
 В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ ПСИХОЛОГА**

В статье отражены результаты теоретического исследования содержания понятий ядерной компетентности, метакомпетентности и ключевой компетентности в современной науке с целью определения места и роли социально-коммуникативной компетентности в профессиональном становлении психологов.

Ключевые понятия: компетентностный подход, компетенции и компетентности, социально-коммуникативная компетентность, ядерная компетентность, метакомпетентность, ключевая компетентность, структура компетентности.

G.V. Kravets

**SOCIAL AND COMMUNICATIVE COMPETENCE AS A KEY COMPETENCE IN
 PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGIST**

The article describes the results of theoretical research of nuclear competence content, a metacompetence and a key competence in the modern science aimed to find the place and role of the social and communicative competence in professional development of psychologist.

Keywords: competence-based approach, competences and competencies, social and communicative competence, nuclear competence, metacompetence, key competence, structure of competence.

Одним из важных принципов и концептуальных положений современного российского об-

разования является компетентностный подход. Он ориентирован преимущественно на ценност-

но-смысловую, содержательную, личностную составляющие образования. Не противопоставляясь традиционному знаниевому, или, точнее, «ЗУНовскому» подходу, компетентностный подход принимает необходимость усиления его практикоориентированности, существенно расширяет его содержание собственно личностными составляющими, акцентирует внимание на результате образования. Причем в качестве результата образования рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека эффективно действовать в различных проблемных ситуациях, то есть сформированная компетентность.

Многолетние научные дискуссии о соотношении понятий базовых категорий «компетенция» и «компетентность» привели к определённой согласованности во взглядах известных учёных, которые рассматривают данные категории как взаимоподчиненные компоненты активности субъекта: компетенция рассматривается как потенциальная активность, готовность и стремление к определенному виду деятельности (знания, представления, программы действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлений. Другими словами, компетентность – это успешно реализованная в деятельности компетенция.

«При обыденном словоупотреблении слово *компетентность*, – пишет Ю.М. Жуков [1 с.,16], – ассоциируется с эффективностью или успешностью индивида, группы или организации в какой-либо избранной области. В самом общем смысле слова – это умение действовать с пониманием сути дела».

Поиск того, что Джон Равен обозначил как «родовые качества» [4], привел к появлению понятий «метакомпетентность» и «ядерные компетентности» (базовые умения). Современные модели профессиональной и социальной компетентностей, как правило, включают в себя в качестве основных компонентов наборы метакомпетентностей и ядерных компетентностей. В качестве примера можно выделить такие классы метакомпетентностей, как коммуникации, решение проблем и аналитические способности (Hyland, [7]). Помимо термина «метакомпетентность» в том же приблизительно смысле используются такие словосочетания, как мета-качества и мета-умения (Reynolds, Snell, [8]).

Несмотря на внешнее сходство понятий метакомпетентности и ядерных компетентностей (базовых умений), есть существенные различия в их употреблении. Понятие метакомпетентно-

стей разрабатывалось в академических кругах и понималось как нечто фундаментальное, то есть служащее основанием для формирования и развития других более частных компетентностей. Оно создавалось и использовалось в качестве средства теоретического объяснения процессов личностного развития. В понятии ядерных компетентностей важна не их (компетентностей) фундаментальность, а универсальность применения. Такое понимание выражается в частом приложении атрибутов «переносимость» и «трансситуативность» к такого рода компетентностям. Словосочетание ядерные компетентности, или базовые умения, пользуется особой популярностью в образовательных учреждениях Великобритании, Ирландии, Германии, Скандинавии, Австралии и Новой Зеландии (Gibbons [5]; Humphreys at all [6]; Nabi, Bagley [9]; Greenan [6]). Оно, равно как и понятие метакомпетентностей, активно используется при построении моделей профессиональной и служебной компетентностей.

М.И. Жуков[1] отмечает, что практически во всех подходах, концепциях и моделях компетентностей выделяется специальный комплекс знаний, умений и установок, относящихся к социальной сфере межличностной коммуникации. Названия могут быть разные – блок межличностных умений, набор социальных и коммуникативных умений; нередко эти знания, умения и установки помещают в блок личностных умений. Можно отметить и вариации при категоризации этих блоков, кластеров и комплексов. Иной раз их относят к метакомпетентностям, иной раз, что наблюдается чаще, им приписывается статус базовых или ядерных компетентностей или ядерных умений. Несомненно одно – они признаются важными и неотъемлемыми компонентами профессиональной, служебной, социальной и межличностной компетентности. Более того, есть основания считать, что именно компетентность в общении, или социально-коммуникативная компетентность, является сквозной или ядерной компетентностью, не только входящей во все обозначенные разновидности, но и связующей все эти образования.

В отечественном образовании все социальные компетентности относят к «ключевым компетентностям». Фиксируем, вслед за И.А. Зимней [2], важные для теории социально-коммуникативной компетентности позиции:

- все компетентности социальны (в широком смысле этого слова), ибо они вырабатываются, формируются, функционируют в социуме, они социальны по своему содержанию;

- ключевые – это те обобщенно представленные основные компетентности, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность человека в социуме;

- профессиональные и учебные компетентности формируются и проявляются в соответствующих видах деятельности человека, то есть в профессиональной и учебной;

- социальные (в узком смысле слова) компетентности характеризуют взаимодействие человека с обществом, социумом, другими людьми.

По мнению И.А. Зимней [2], ключевые компетентности характеризуются пятью компонентами, а именно:

а) готовностью к проявлению личностного свойства в деятельности, поведении человека;

б) знанием средств, способов, программ выполнения действий, решения социальных и профессиональных задач, осуществления правил и норм поведения, что составляет содержание компетенций;

в) опытом реализации знаний, умений;

г) ценностно-смысловым отношением к содержанию компетенции, его личностной значимостью;

д) эмоционально-волевой регуляцией как способностью адекватно ситуациям социального и профессионального взаимодействия регулировать проявления компетентности.

Являясь метакомпетентностью, ядерной и ключевой компетентностью, социально-коммуникативная компетентность выступает в научных концепциях либо как самостоятельный вид в структуре общей профессиональной компетентности специалиста, либо как подструктура других видов компетентностей (которые, в свою очередь, составляют общую компетентность специалиста) и может быть причислена к разряду базовых, являющихся основой широкого круга профессий, обеспечивающей реализацию социально-коммуникативной деятельности при решении профессиональных задач посредством управления процессами социальной коммуникации, не теряющих своего значения при изменениях в производстве и в социальной практике.

Осмысление социально-коммуникативной компетентности в качестве подструктуры других видов компетентности, на наш взгляд, подчеркивает не ее зависимое, второстепенное положение в структуре профессиональной компетентности, а, наоборот, зависимость отдельных видов компетентностей от способностей и умений осуществлять незатрудненное эффективное общение, комфортное взаимодействие с окру-

жающими в любой области профессиональной деятельности, социально-коммуникативный характер всех видов компетентностей в структуре общей профессиональной компетентности специалиста.

Решение проблемы внутреннего содержания социально-коммуникативной компетентности осуществлялось нами через исследование наполнения профессиональной компетентности. Здесь мы разделяем точку зрения авторов В.А. Адольфа, А.С. Белкина, Э.Ф. Зеера, Ю.В. Варданян, Л.В. Лежнина и др., которые рассматривают профессиональную компетентность как результат профессиональной подготовки и включают в ее состав знания, умения, реализованные в практической деятельности, а также профессионально значимые личностные качества специалиста, необходимые для успешного выполнения профессиональных задач.

Труд психолога образования, как подчеркивает Л.В. Лежнина, имеет специфический характер с целым рядом отличительных признаков, вызванных особенностями профессиональной позиции специалиста и клиента, особенностями содержания, форм и результатов деятельности. Она рассматривает деятельность психолога образования как сложноорганизованную полифункциональную деятельность, состоящую из нескольких взаимосвязанных между собой видов, различающихся по форме, способам осуществления, функциональной направленности; преобразовательную коммуникативную деятельность целеполагающего индивидуально-ценностного характера, направленную на актуализацию культурно-психического ресурса личности участника педагогического процесса; «метадеятельность», включающую не только деятельность психолога и ребенка, но управление деятельностью воспитывающих его педагогов и родителей; творческую деятельность с преобладанием задач, не имеющих готовых решений, с трудно поддающимися упражнению действиями, которые почти не автоматизируются; деятельность, требующую максимально развернутой ориентировки в закономерностях функционирования психики на всех уровнях педагогической системы [3].

Поскольку в профессиональной деятельности психолога общение является и основным содержанием, и важнейшим профессиональным инструментом, социально-коммуникативная компетентность (СКК) обеспечивает высокий уровень профессионально-психологической компетентности и предполагает знания в области общения (социально-психологические механизмы,

стили, способы и этапы), профессиональные умения (использование техник эффективной коммуникации, установление контакта, подача обратной связи, поведение в деловом общении, активное слушание и разрешение конфликтов), а также профессионально значимые личностные качества специалиста (эмпатийность, толерантность, рефлексивность, общительность, психологическая гибкость, способность к сотрудничеству, эмоциональная привлекательность, самоуправление личности).

Для педагога-психолога социально-коммуникативная компетентность выступает как организующее начало, основа всей деятельности и его личности.

Таким образом, под социально-коммуникативной компетентностью психолога мы понимаем основывающуюся на знаниях закономерностей, принципов и техник общения интеллектуально и личностно обусловленную социально-профессиональную характеристику сложного системно организованного формируемого личностного качества человека, позволяющего ему самостоятельно и ответственно осуществлять эффективную социально-коммуникативную деятельность в ситуациях межличностного взаимодействия в профессиональной сфере.

Из вышесказанного следует, что структура социально-коммуникативной компетентности (СКК) будущих психологов – сложное синтетическое образование, характеризующееся наличием взаимосвязанных компонентов и уровней, включающее в себя не только социально-коммуникативные знания, умения и навыки (ЗУН), но и реальный опыт успешного межличностного взаимодействия и социального бытия, а также свойства личности, его обуславливающие.

Анализ научной литературы позволил нам выделить основания для определения структурных уровней социально-коммуникативной компетентности студентов-психологов:

- профессиональное становление психологов напрямую связано с процессом образования ценностных ориентаций (С.Л. Братченко, Д.А. Леонтьев, Л.А. Петровская и др.);

- психолог должен обладать такими личностными характеристиками, которые позволяли бы ему заботиться о создании максимально благоприятных условий для развития самосознания и осуществления личностных изменений его клиентов (И.В. Вачков, И.Б. Гриншпун, И.В. Дубровина, Л.В. Лежнина, А.М. Прихожан, Н.С. Пряжников и др.);

- выпускник-психолог должен обладать комплексом конкретных умений или компетенций (И.В. Вачков, И.Б. Гиншпун, В.Н. Карандышев, Е.А. Климов, Е.П. Кринчик, Л.В. Лежнина, С.С. Степанов и др.).

Опираясь на данные положения, а также на анализ различных подходов к исследованию структуры коммуникативной компетентности (Н.Б. Буртовой, В.Н. Кустова, И.В. Куламихиной, Л.А. Петровской и др.) и на структуру профессиональной готовности психологов, разработанную Л.В. Лежниной [3], мы выделяем:

1. Ценностно-смысловой компонент (ядро социально-коммуникативной компетентности), включающий направленность, установки, ценностные ориентации, мировоззрение человека. Данный компонент, как система личностных смыслов, мотивов и отношений к людям и к профессиональной деятельности, обуславливает аксиологические приоритеты в профессиональном общении.

2. Личностный компонент (индивидуально-характерологические и социально-психологические свойства и качества личности), соответствующий профилю профессии и предопределяющий успешное межличностное взаимодействие: эмпатийность, сензитивность, рефлексивность, толерантность, интернальность, доброта, общительность, психологическая гибкость, социальные чувства, способность к сотрудничеству, эмоциональный интеллект, эмоциональная привлекательность, способность к самоуправлению.

3. Когнитивный компонент (языковые и межкультурные компетенции, а также совокупность социально-психологических знаний, необходимых и достаточных для эффективного общения).

4. Операционально-поведенческий компонент, включающий конкретные умения и навыки, обеспечивающие успех в реальной практической деятельности (умение управлять деятельностью общения и коммуникативно-рефлексивные умения устанавливать и поддерживать контакт; управлять своими невербальными проявлениями и считывать невербальные проявления партнера; слушать; подавать и принимать обратную связь, снижать эмоциональное напряжение, сообщать о чувствах и т.д.).

Безусловно, все эти компоненты взаимосвязаны между собой и выполняют соответствующие функции: смыслопорождающую, контактную, перцептивную, интерактивную, регулятивную, рефлексивную, аффективную, информационную и др.

Мотивационно-ценностный компонент социально-коммуникативной компетентности определяется наличием у будущих психологов социальной направленности, потребности в расширении профессиональных контактов и толерантного отношения к партнеру по общению, что проявляется в таких качествах будущего специалиста, как контактность и активность в общении, умение выстраивать доверительные, уважительные, равнопартнерские отношения.

Личностный компонент предполагает развитие таких качеств, как эмпатийность, сензитивность, рефлексивность, толерантность, интернальность, доброта, общительность, психологическая гибкость, социальные чувства, способность к сотрудничеству, эмоциональный интеллект, эмоциональная привлекательность, способность к самоуправлению.

Когнитивный компонент социально-коммуникативной компетентности определяется наличием у студентов совокупности языковой и межкультурной компетенций с учетом их применения в сфере профессионального общения, а также социальной компетенции, проявляющейся в умении вырабатывать стратегию позитивного взаимодействия и избегать конфликтов в совместной деятельности.

Операционально-поведенческий компонент, являясь показателем «культурной зрелости» будущего специалиста, характеризуется наличием умений самоуправления своей деятельностью, общением и наличием коммуникативно-рефлексивных умений, обеспечивающих студентам проникновение в сущность коммуника-

тивной ситуации, осмысление студентами своих коммуникативных потребностей и намерений, коммуникативных способов деятельности.

Анализ места и роли, а также структуры социально-коммуникативной компетентности (СКК) в профессиональном становлении будущих психологов позволяет определить пути, технологии формирования СКК и критерии оценки их эффективности.

Литература

1. Жуков Ю.М. Тренинг как метод совершенствования коммуникативной компетентности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2005.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании // Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы. – М., 2004. – 42 с.
3. Лежнина Л.В. Формирование готовности будущего педагога-психолога к профессиональной деятельности: монография – М.: Прометей, 2009. – 240 с.
4. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. – М.: Когито-Центр, 2002. – 470 с.
5. Gibbons-Wood D. and Lange, T. Developing core skills: lessons from Germany and Sweden // Education + Training. – 2000. – Vol. 42. – № 1. – P. 24–32.
6. Humphreys P., Greenan, K. and McIlveen, H. Developing work-based transferable skills in a university environment // Journal of European Industrial Training. – 1997. – Vol. 21. – № 2. – P. 63–69.
7. Hyland T., Meta-competence, metaphysics and vocational expertise // Competence and Assessment. – 1992. – № 20. – P. 22–24
8. Reynolds M. and Shell, R. Contribution to Development of Management Competence. Sheffield: Manpower Services Commission, 1988.
9. Nabi G.R. and Bagley, D. Graduates' perceptions of transferable personal skills // Education + Training. – 1999. – Vol. 41. – № 4. – P. 184–193.

Кравец Галина Васильевна, старший преподаватель кафедры психологии развития и образования факультета педагогики и психологии Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола. E-mail: sfera04@mail.ru

Kravets Galina Vasil'evna, senior lecturer in Developmental Psychology and Education Faculty of Pedagogy and Psychology of Mari State University, Yoshkar-Ola. E-mail: sfera04@mail.ru

IV. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ, ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.922.27

© Е.Е. Ли

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМОГО ПОДХОДА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

Основной идеей статьи является изучение возможностей системного подхода для анализа воспитания как системы. В статье описываются теории авторов, которые выделяли различные компоненты системы воспитания. Также автор предлагает собственные компоненты системы воспитания.

Ключевые слова: воспитание, социально-психологическая система, компоненты системы воспитания.

E.E. Lee

METHODOLOGICAL FACILITIES OF SYSTEMATIC APPROACH TO STUDY THE STRUCTURAL ELEMENTS OF THE SYSTEM OF EDUCATION AS A SOCIAL-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

The main idea of this article is a research of possibilities of system approach to the analysis of education as a system. The theories of scientists, who have revealed different elements of the system of education, are described in the article. In conclusion, the author proposes his own components of the educational system.

Keywords: education, social-psychological system, the elements of the educational system.

В данной статье мы продолжаем изучение возможностей применения системного подхода для анализа воспитания как социально-психологического явления. В рамках одной из наших публикаций мы уже говорили о тех проблемах в определении понятия «воспитание», которые существуют в современной психолого-педагогической науке [6, с. 125]. Так, теоретический анализ литературы показал методологическую неразработанность определения «воспитание» как некоего целенаправленного процесса. При этом важно отметить, что именно такой подход является наиболее распространенным в современной психолого-педагогической науке.

В то же время широко популярной становится идея изучения воспитания с использованием системного подхода. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что системный подход позволяет изучить внешнюю и внутреннюю детерминацию воспитания за счет обнаружения и анализа характера взаимосвязей между различными элементами системы воспитания. Однако на современном этапе развития психолого-педагогической науки проблема выделения структурных компонентов системы воспитания еще не разрешена.

Одним из первых в психологической науке этим аспектом заинтересовался В.М. Бехтерев. Хотя он и не рассматривал воспитание как сис-

тему, однако, на наш взгляд, на основании анализа его подхода можно говорить о том, что его идеи во многом способствовали развитию теории систем воспитания. Так, В.М. Бехтерев рассматривал воспитание как «наслоение нервно-психических процессов на почве более элементарных или обыкновенных рефлексов, ..., которые выражаются развитием высших рефлексов». Другими словами, воспитание предстает как совокупность «воспитанных» рефлексов, которые развиваются на основе наследственности человека. Источником развития является социальная среда, а наследственность лишь задает тип реакции, получающей развитие в воспитании. При этом, как отмечает В.М. Бехтерев, «дело воспитания, как мы его понимаем, есть дело общенародное. Оно должно быть принадлежностью не отдельных лиц, а всего народа, и там, где меньше всего семья может располагать возможностью воспитывать своих детей, там и нужна в особенности помощь общественных организаций, преследующих цели воспитания» [2].

Таким образом, как мы видим, В.М. Бехтерев, по сути, выделял три основных компонента в воспитании:

- воспитуемый, имеющий определенную наследственность;
- социальная среда, оказывающая влияние на воспитуемого;

- общество, выполняющее роль воспитателя.

Ученый стремился разрешить проблему воспитания, опираясь на эмпирические сведения рефлексологии. Однако, как признавал сам автор, рефлексология оказалась не способной заменить психологию, она только лишь дополняла ее. При этом многие психологические аспекты проблемы воспитания остались неразрешенными. Так, если вслед за В.М. Бехтеревым рассматривать воспитание как некую функцию общества, возникает вопрос о соотношении индивидуальных и социальных целей воспитания. Не совсем ясным остается и вопрос взаимодействия элементов воспитания. Речь идет о том, что В.М. Бехтерев говорит в основном о роли среды и наследственности в воспитании, а активность самого воспитуемого как бы отходит на второй план, т.е. возникает вопрос о роли воспитуемого как компонента системы воспитания в реализации целевой функции системы.

В то же время, если рассматривать цели воспитания как надсистемные образования, возникающие при взаимодействии компонентов системы, актуальным становится вопрос о возможности соотношения интересов общества и личности, или, другими словами, вопрос о межсистемном взаимодействии.

Однако необходимо отметить, что работы В.М. Бехтерева содержат лишь первые подходы к решению задачи реализации системного подхода в воспитании.

Становлению теорий систем воспитания способствовали и работы Б.Г. Ананьева. Как отмечает Л.Н. Кулешова, В.М. Бехтерев впервые в мировой практике применил лонгитюдный метод для систематического, всестороннего изучения развития детей. На его основе под руководством Б.Г. Ананьева были проведены исследования характерогенеза и развития детского самосознания, а также становления личности в процессе воспитания. Основной акцент исследователь ставил на анализе целостной личности и особенностях ее социального поведения. При этом, говоря о развитии личности как свойства человека, Б.Г. Ананьев подчеркивал роль общественного воспитания в данном процессе. Так, он указывал, что «...лишь охарактеризовав основные силы, воздействующие на формирование личности, включая социальное направление и общественное воспитание, т.е. определив человека как объекта общественного развития, мы можем понять внутренние условия его становления как субъекта общественного развития» [1, с. 153]. В концепции автора обращает на себя внимание рассмотрение личности ребенка как

социально-исторически обусловленной категории. В этом случае общественное воспитание предстает как система, характеризующаяся взаимодействием двух компонентов: старшего и младшего поколений. Примечательно, что и само взаимодействие между поколениями автор рассматривал как отдельный компонент системы общественного воспитания, который он определял как «социальную ситуацию развития». При этом учет данного компонента отражает такую характеристику любой социально-психологической системы, как адаптируемость – свойство изменять поведение или структуру с целью сохранения, улучшения или приобретения новых качеств.

Подобное встречается в работах Э. Эриксона, где автор анализирует воспитание с точки зрения его роли в процессе формирования и развития личности. При этом само воспитание рассматривается им как некая социальная ситуация развития ребенка, возникающая в результате взаимодействия ребенка и общества. Последний, в свою очередь, выполняет роль воспитателя. Стоит отметить, что Б.Г. Ананьев и Э. Эриксон по-разному понимали «социальную ситуацию развития», которую оба автора рассматривали как системный компонент воспитания. Так, согласно Б.Г. Ананьеву, социальная ситуация развития есть взаимодействие человека с комплексом социальных явлений (производство материальной жизни общества и сферы потребления, социальные институты, СМИ и сами люди, объединенные в различные общности). С другой стороны, Э. Эриксон под «социальной ситуацией развития личности» понимал, прежде всего, взаимоотношения, складывающиеся между воспитателем и воспитуемым.

Концепция Э. Эриксона сформировалась под сильным влиянием психоаналитического направления. Вопрос взаимодействия воспитателя и воспитуемого затрагивал еще З. Фрейд, где задача воспитателя сводится к тому, чтобы найти наиболее адекватные методы воспитания, которые позволяли бы сохранить баланс между системой запретов, предъявляемых ребенку, и необходимостью предоставления воспитуемому наибольшей свободы действия с целью избегания его невротизации. При этом основным надсистемным образованием воспитания в рамках теории З. Фрейда, на наш взгляд, можно считать «Супер-Эго» как внутреннюю моральную инстанцию личности, формирующуюся в результате взаимодействия воспитателя и воспитуемого.

А. Фрейд в значительной степени развила взгляды своего отца и показала взаимосвязь ме-

жду силой действия «Сверх-Я» и характером отношения между воспитателем и воспитуемым. Она указывала на то, что «если усиливаются хорошие отношения с родителями во внешнем мире, то одновременно усиливаются и притязания Сверх-Я и энергия, с которой оно их предъявляет...если эти отношения ухудшаются, то одновременно слабеет и Сверх-Я» [7, с. 37].

А. Адлер говорит о воспитании как о процессе подготовки человека к жизни в социуме. Он указывает на то, что воспитание есть попытка вырастить и направить личность. При этом А. Адлер так же, как и другие авторы, выделяет два обязательных компонента в структуре воспитания: воспитуемого и воспитателя. Однако автор указывает также и на воспитательные роли чувства неполноценности и стремления к превосходству. Именно соотношение этих компонентов определяет «стиль жизни» человека, который можно рассматривать как некое надсистемное образование. В этом случае функциональной целью системы воспитания будет являться социальная адаптация ребенка.

В рассмотренных нами концепциях многие авторы, анализируя систему воспитания, уделяли внимание вопросу методов воспитания. Значительный вклад в этой области, как отмечает К. Брэмс, внесли представители роджерсианской психологии, индивидуальной психологии и скиннеровского бихевиоризма [3, с. 443]. Так, индивидуальная психология послужила основанием для метода «естественных и логических последствий», который был сформулирован Дрейкурсом (Dreikurs & Grey, 1990; Dreikurs & Soltz, 1964) и позднее дополнен Динкмейером и МакКеем (Dinkmeyer & McKay, 1976). В роджерсианском направлении наибольшую известность получили метод «активного слушания» и метод «Я-сообщения». Представителями скиннеровского подхода широко применяется метод «оперантного обуславливания», предполагающий подкрепление положительных форм поведения.

Важно отметить, что перечисленные методы не являются исчерпывающими. Воспитательное воздействие предполагает использование комплекса различных методов воспитания, включающего в себя и указанные, и различные методы суггестии (подражание, внушение, убеждение и т.д.). Как отмечают многие авторы, выбор методов воспитания сугубо индивидуален. С одной стороны, во многом он зависит от культурно-исторических характеристик общества, под влиянием которого формируются цели воспитания. С другой стороны, выбор методов воспитания должен зависеть от индивидуально-

психологических особенностей воспитуемого. Представитель индивидуальной психологии J. Dewey отмечал, что «...одинаковые для всех методы не могут привести к одинаковым результатам...» [8, с. 35].

Сам же автор рассматривал воспитание как метод социализации, смыслом которого является формирование гражданина, члена общества. На наш взгляд, подобная формулировка определения понятия «воспитание» является не совсем корректной, так как метод представляет собой способ решения той или иной задачи, что способствует достижению общей цели. В данном случае, если рассматривать воспитание как метод социализации, необходимо говорить о ее целях и структуре. При этом в современной социальной психологии социализация понимается как двухсторонний процесс вхождения индивида в социум (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая и другие), который характеризуется неструктурированным влиянием на человека различных социальных институтов. Соответственно становится открытым вопрос «Кем ставится цель социализации, а также выделяются задачи и подбираются методы для их решения?».

При этом собственно воспитание отличается именно наличием цели, а также наличием определенных структурных элементов, которые выделяются и при рассмотрении воспитания как процесса, и при его анализе как системы. В то же время необходимо отметить, что в реальности, к сожалению, воспитание осуществляется не всегда целенаправленно и структурировано. В этом случае оно действительно приближается по своему содержанию именно к социализации. Однако, на наш взгляд, опираясь на принципы системного анализа, соотношение воспитания и социализации следует рассматривать под углом межсистемного взаимодействия. В этом случае воспитание как система будет выступать элементом более крупной суперсистемы, в качестве которой можно рассмотреть социализацию. Подобная дифференциация воспитания и социализации может не только способствовать более глубокому изучению этих явлений, но и позволяет ставить вопрос о методах собственно воспитания, которые, как отмечал сам J. Dewey, необходимо подбирать «адекватно разнообразию и особенностям каждой личности» [8, с. 36].

Таким образом, методы воспитания могут рассматриваться как самостоятельный компонент системы воспитания, от характеристик которого зависит не только достижение функциональной цели системы, но и психическое благо-

получие ребенка. При этом не требующим доказательств фактом является то, что воспитание, как и социализация, влияет на ребенка, но не всякое влияние является воспитанием.

Взаимосвязь воспитателя, воспитуемого и социальной ситуации развития как компонентов системы воспитания рассмотрена в рамках культурно-исторической концепции Л.С. Выготского. Он анализировал воспитание как процесс социальной перестройки биологических форм поведения и выработки новых условных рефлексов, необходимых для приспособления к социальной среде.

При этом воспитание рассматривалось как система субъект-субъектных отношений. Автор подчеркивал важнейшую роль самого воспитанника («ученика» в терминологии Л.С. Выготского) как компонента системы, выделяя личный опыт ребенка в качестве основы воспитания. Л.С. Выготский отмечал, что «психологическая точка зрения требует признать, что в воспитательном процессе личный опыт ученика представляет из себя все. Воспитание должно быть организовано так, чтобы не ученика воспитывали, а ученик воспитывался сам» [4, с. 344].

В свою очередь подобную организацию воспитания Л.С. Выготский видел в создании некой воспитательной социальной среды, которая по своей сути представляет собой складывающиеся отношения между воспитателем и воспитуемым. Л.С. Выготский отмечал, что сама воспитательная социальная среда характеризуется своей изменчивостью. «...единой среды не существует в реальной действительности. Она распадается на ряд более или менее самостоятельных и изолированных друг от друга кусков, которые могут быть предметом разумного воздействия человека как ничто другое. Элементы среды находятся между собой не в скованном и неподвижном состоянии, а в изменчивом, легко меняющем свои формы и очертания» [4, с. 453]. Комбинируя эти элементы, человек может создавать всякий раз и новые формы социальной среды.

Важно отметить, что в этом плане идеи Л.С. Выготского нашли свое отражение и во взглядах А.Н. Леонтьева, который говорил о том, что основой развития ребенка является ведущая деятельность. Эта идея получила широкое развитие в трудах многих отечественных психологов (А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, А.А. Смирнова, С.Л. Рубинштейна, П.И. Зинченко и многих других).

Таким образом, с точки зрения системного анализа система воспитания в рамках культурно-исторической концепции Л.С. Выготского

предстает в качестве взаимодействия трех основных компонентов: активного воспитателя, активного воспитуемого и активной социальной среды, «заключенной» между ними.

А.Н. Леонтьев рассматривал проблему воспитания относительно роли воспитания в процессе психического развития ребенка. Ключевым понятием в теории автора выступает категория деятельности. Именно в процессе выполнения ведущей деятельности в личности ребенка происходит иерархизация мотивов. Это способствует тому, что уже в дошкольном возрасте «поведение ребенка превращается из *полевого*, каким оно является в преддошкольном возрасте, в поведение *волевого*» [5].

В то же время А.Н. Леонтьев указывает, что подобные изменения в системе мотивации ребенка раньше всего возникают под влиянием воспитания, когда соотношение мотивов создается требованием взрослого, и лишь затем в условиях, когда этого требует сами по себе объективные предметные обстоятельства его деятельности. Другими словами, в рамках теории А.Н. Леонтьева можно говорить о том, что «деятельность» выступает как основа психического развития ребенка, а «воспитание», в свою очередь, выступает как некие условия, в которых данная деятельность возникает и протекает.

В этом ключе рассмотрения воспитания как неких социально-психологических условий мы видим совпадение взглядов Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. При этом стоит отметить, что оба автора выделяли исключительную активную позицию не только воспитателя, но и воспитуемого, которые, на наш взгляд, могут быть рассмотрены как компоненты системы воспитания.

Нам представляется важным сказать, что категория деятельности, которая является центральной в теории А.Н. Леонтьева, в рамках системного анализа может быть рассмотрена с нескольких позиций. Так, если анализировать ее с позиции активности воспитуемого, тогда деятельность представляется нам как один из методов воспитания, реализация которого позволяет решить ту или иную воспитательную задачу. Например, игра как одна из форм ведущей деятельности ребенка на определенном возрастном этапе способствует формированию различных новообразований, обеспечивающих дальнейшее развитие ребенка. С другой стороны, рассматривая деятельность с позиции воспитателя, мы можем представить ее как организацию и контроль над искусственно созданными социально-психологическими условиями, которые по своей сути, в рамках нашей точки зрения, и представ-

ляют собой систему воспитания. Тогда исходя из таких свойств системы, как целостность и эмерджентность (в терминологии И.Б. Родионова), мы можем говорить о понятии «воспитательная деятельность», которое включает в себя как деятельность воспитателя, так и деятельность воспитуемого. Другими словами, в этом ключе воспитательная деятельность выступает как надсистемное образование, возникающие в результате взаимодействия воспитателя, воспитуемого, условий и методов воспитания как элементов системы воспитания.

Идея изучения воспитательного эффекта деятельности ребенка получила свое продолжение в трудах Д.Б. Эльконина. При этом он был одним из первых, кто предложил рассматривать ведущую деятельность не только как основной детерминант развития человека, но и как критерий периодизации психического развития ребенка. Как отмечает Д.И. Фельдштейн, развивая идеи А. Валлона, который говорил, что «переход от одной стадии развития ребенка к другой является результатом того, что деятельность, преобладающая на первой стадии, становится второстепенной и, может быть, даже вовсе исчезает на следующей», Д.Б. Эльконин видел свою задачу в том, чтобы показать, в чем именно содержательно заключается движение деятельности.

Д.Б. Эльконин отмечал, что по мере усложнения средств производства и общественных отношений связь ребенка с обществом трансформируется, превращаясь из непосредственной в опосредованную процессом воспитания и обучения. Основным акцент автор делал на системе «ребенок в обществе». При этом в процессе общественного развития функции образования и воспитания все больше передаются семье. Тем самым система отношений «дети в обществе» вуалируется системой отношений «ребенок – семья», а в ней «ребенок – отдельный взрослый». В свою очередь, на наш взгляд, данный «отдельный взрослый» может быть рассмотрен как воспитатель, как «носитель определенных видов общественной по своей природе деятельности, включенный при этом в разнообразные отношения с другими людьми и подчиняющийся выработанным нормам». В то же время в процессе взаимодействия ребенка с воспитателем происходит усвоение детьми задач, мотивов и норм отношений, существующих в деятельности взрослого. Данное усвоение происходит путем воспроизводства и моделирования этих отношений в собственной деятельности детей, в их сообществах, группах и коллективах.

Таким образом отметим, что, несмотря на то, что проблема воспитания не являлась предметом изучения Д.Б. Эльконина, однако, основываясь на анализе его теории, мы можем говорить о том, что он затрагивал ее в рамках анализа системы «ребенок в обществе» («ребенок – семья», «ребенок – отдельный взрослый»). В данном ключе ребенок и взрослый могут быть рассмотрены как компоненты системы воспитания. Примечательно, что Д.Б. Эльконин также касался и вопроса методов воспитания. Так, на наш взгляд, в рамках своей теории в качестве таковых может выступать деятельность ребенка по воспроизводству и моделированию задач, мотивов и норм отношений, свойственных воспитателю.

Таким образом, проведенный анализ психолого-педагогической литературы позволил нам выделить четыре компонента системы воспитания:

- воспитателя;
- воспитуемого;
- методы воспитания;
- условия (социальная ситуация).

При этом мы не считаем данный перечень исчерпывающим и полностью описывающим структуру системы воспитания. Однако, на наш взгляд, взаимодействие именно этих компонентов будет в наибольшей степени определять характеристики и свойства воспитания как системы.

В данном аспекте представляется важным отметить, что понятия «воспитатель» и «воспитуемый» отражают определенные социальные роли, которые принимают на себя ребенок и взрослый в процессе их взаимодействия. В связи с этим становится очевидным, что не каждый взрослый, оказывающий влияние на ребенка, может считаться его воспитателем, соответственно не каждый ребенок по отношению к какому-либо взрослому будет являться «воспитуемым». Важно сказать и о том, что не всегда роль воспитателя выполняет именно биологический родитель. Так, эта обязанность может ложиться на опекунов или иных лиц, осуществляющих уход за ребенком (сотрудники социальных приютов, домов-интернатов и т.д.), на социальные институты, такие как школа и детский сад, или отдельные элементы культуры, в т.ч. средства массовой информации, художественные произведения, Интернет или общественные движения.

В свою очередь под методами воспитания мы понимаем совокупность общих способов осуществления воспитательных взаимодействий, спо-

собов решения воспитательных задач. При этом важно, чтобы выбор методов воспитания соотносился с целями и задачами воспитания, а также учитывались индивидуально- и возрастнопсихологические особенности воспитуемого.

Еще одним компонентом системы является условие воспитания, под которым мы понимаем социальную ситуацию развития ребенка. Согласно общепринятым представлениям в рамках отечественной психологии, она представляет собой социально-психологическое отношение между ребенком и средой, определяет объективное место ребенка в системе социальных отношений и соответствующие ожидания и требования, предъявляемые к нему обществом, а также особенности понимания ребенком занимаемой им социальной позиции и своих взаимоотношений с окружающими людьми; отношения ребенка к своей позиции в терминах «принятие — непринятие».

Таким образом, на основании теоретического анализа мы можем дополнить наше определение понятия воспитания и говорить о том, что воспитание — это система искусственно созданных социально-психологических условий, включающая в себя воспитателя, воспитуемого, методы и условия воспитания, которая способствует формированию и развитию новых форм поведения, обеспечивающих адаптацию лично-

сти к изменяющимся условиям окружающей среды (социализацию), с одной стороны, и формирование внутриличностных установок, морально-этических императивов, устойчивого мировоззрения и иных характеристик, подразумеваемых под понятием «воспитанный человек», — с другой.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания // Избранные психологические труды. — М.: Педагогика, 1980. — 202 с.
2. Бехтерев В.М. Вопросы общественного воспитания [интернет-ресурс]. — Режим доступа: <http://slavclub.ru>.
3. Брэмс К. Полное руководство по детской психотерапии / пер. с англ. Ю. Брянцевой. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 640 с.
4. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. — М.: АСТ; Астрель, 2008. — 671 с.
5. Кулешова Л.Н. История отечественной психологии воспитания. 60-е годы XX вв.: дис. ... д-ра психол. наук. — Ставрополь, 1999. — 379 с.
5. Леонтьев А.Н. Психическое развитие ребенка в дошкольном возрасте [интернет-ресурс] — Режим доступа: <http://www.pedlib.ru>.
6. Ли Е.Е. К вопросу о проблеме определения понятия «воспитание» // Вестник Бурят. гос. ун-та. — 2012. — Вып. 5. — С. 124–131.
7. Фрейд А. Детский психоанализ. — СПб.: Питер, 2004. — 477 с.
8. Dewey, J. Individual Psychology and Education // The Philosopher 1936. — № XII. — P. 34–36.

Ли Евгений Енханович, аспирант факультета психологии Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: zh_l@mail.ru

Lee Evgeny Enkhanovich, postgraduate student, psychological faculty, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: zh_l@mail.ru

УДК 159.9(470)(517.3)

© **Б. Жаргалсайхан**

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ ИЗ РОССИИ И МОНГОЛИИ

В статье анализируются результаты исследования культурно обусловленных отличий российских и монгольских учащихся.

Ключевые слова: интеллектуальная одаренность, культура, кросс-культурная психология.

B. Zhargalsaikhan

SOME FEATURES OF INTELLECTUALLY GIFTED PUPILS FROM RUSSIA AND MONGOLIA

In the article the results of cross-cultural research on identification the features of intellectual giftedness in Russian and Mongolian pupils are analyzed.

Keywords: intellectual giftedness, culture, cross-cultural psychology.

Новое тысячелетие ставит перед наукой во-
обще и психологией в частности все более и бо-

лее сложные вопросы. В поисках ответов на них
ученым становится «тесно» в рамках только сво-

ей специализации. На сегодняшний день многие авторы признают роль междисциплинарных связей в гуманитарных науках [1], [2]. Исследуя сложнейшую загадку природы – человека с разных позиций, представители таких наук, как антропология, история, этнология, психология, педагогика, культурология, физиология, генетика и др., все чаще стали общаться друг с другом, причем не ограничиваясь простым обменом информацией и опыта. Сегодня появляются новые направления на стыке разных наук, среди них можно выделить кросс-культурную психологию [3; 4; 7; 8]. М. Коул связывает большую популярность таких исследований с «... международной обстановкой, созданной усилиями по перераспределению сфер влияния в мире после Второй мировой войны» [7, с. 90]. Т.Г. Стефаненко возрастая интерес психологии к культуре трактует как тенденцию этнического возрождения у отдельных народов и человечества в целом [8, с. 4].

В кросс-культурных исследованиях факторы культуры и истории являются аналогами независимой переменной. При планировании кросс-культурных исследований важно определить такие особенности личности, которые могут быть подвержены влиянию культуры. Существенным моментом в планировании является также выбор таких групп людей, которые явно представляют разные культуры. Содержание кросс-культурных исследований настолько своеобразно, что большинство специалистов, в том числе В.Н. Дружинин [6], выделяют их в особый метод познания.

На сегодняшний день ученые проявляют особый интерес к кросс-культурным исследованиям главным образом из-за образовательной миграции во всем мире. Это обстоятельство актуально также по отношению к одаренным учащимся. Одаренные люди, как “лучшие” представители тех или иных национальностей, на наш взгляд, проявляют культурные особенности ярче других.

Одаренность – это одно из загадочных явлений в психолого-педагогической науке, изучением которого занимаются многие исследователи. Ведь полноценное развитие и успешная социализация одаренных личностей во многом определяют развитие общества посредством таких событий, как новые открытия в науке, инновационная деятельность и творческие прорывы, совершенствование и гуманизация самого общества и т. д. Как пишет В.Г. Кремень, «особенности формирования современной интеллек-

туальной элиты связаны с вызовами и рисками глобализационных процессов в целом» [5].

Понимая, вслед за Л.И. Ларионовой [9], одаренность как «динамическое интегральное личностное образование, включающее интеллектуальный компонент, креативность и духовность как высший уровень развития личности, которая формируется в процессе взаимодействия с социокультурной средой и проявляется в высоких творческих достижениях», считаем, что духовно развитые одаренные люди – это зеркало того общества, в котором они живут. В контексте культурно-исторической модели одаренности, разработанной Л.И. Ларионовой, интеллект рассматривается как форма организации индивидуального ментального опыта. Креативность понимается как глубинное свойство одаренной личности, позволяющее, с одной стороны, на основе индивидуального опыта развивать свою одаренность, а с другой стороны, делать свой опыт достоянием социума и способствовать, таким образом, развитию культуры. Духовность как компонент одаренности связывается с высшим уровнем развития личности, который проявляется во взаимодействии в социокультурном пространстве и формируется в процессе воспитания и образования личности.

База нашего исследования – специализированные школы для одаренных детей в Иркутске и Улан-Баторе. В исследовании принимали участие школьники 9-10 классов, средний возраст которых 15 лет. В исследовании использованы следующие методы: тест интеллекта Р. Кеттелла, тест креативности Дж. Торренса, тест ценностных ориентаций М. Рокича, тест межличностных отношений Т. Лири, методика «Психологическая автобиография», анкета, методы математической обработки данных.

Когнитивная сфера российских и монгольских учащихся была изучена с помощью теста креативности Е. Торренса и теста интеллекта Р. Кеттелла. По результатам обработки данных по тесту интеллекта нами были выделены две группы в российской и монгольской выборках.

Первая группа российских учащихся (47%) имеет коэффициент интеллекта от 120 и выше, причем верхняя граница составляет 140, а вторая группа (53%) имеет IQ меньше 120, нижняя граница составляет 102. Монгольские учащиеся имеют схожие показатели: 55% входят в первую группу (IQ, равный 120 и больше), 45% имеют IQ меньше 120, нижняя граница составляет 102.

Таким образом можно сделать вывод, что испытуемые имеют высокий уровень интеллектуального развития и могут быть идентифициро-

ваны как интеллектуально одаренные учащиеся. Но при этом, соглашаясь с исследователями [7], которые считают тестирование не единственным методом идентификации одаренных детей, мы исходили из того, что учащиеся обучаются в специализированных учебных заведениях для одаренных детей и имеют хорошие показатели по академической успеваемости.

Теперь перейдем к изучению креативности российских и монгольских учащихся. Креативность нами была изучена с помощью сокращенного варианта изобразительной (фигурной) батареи теста креативности П. Торренса, который представляет собой задание «Закончи рисунок». Анализ данных осуществляется по четырем показателям: беглость, гибкость, оригинальность и разработанность. При этом беглость – это показатель продуктивности деятельности и не является специфическим для творческого мышления. Данный показатель полезен, прежде всего, для оценки креативности в целом. Гибкость – этот показатель оценивает разнообразие идей и стратегий, способность переходить от одного аспекта к другому. Если испытуемый имеет низкий показатель гибкости, то это свидетельствует о ригидности его мышления, низком уровне информированности, ограниченности интеллектуального потенциала и (или) низкой мотивации.

Оригинальность характеризует способность выдвигать идеи, отличающиеся от очевидных, общеизвестных, общепринятых, банальных или твердо установленных. Тот, кто получает высокие значения этого показателя, обычно характеризуется высокой интеллектуальной активностью и неконформностью. Разработанность показывает способность к изобретательской и конструктивной деятельности.

Все показатели проявляются у российских и монгольских учащихся в близких значениях. Но существуют и некоторые отличия. У российских учащихся показатель оригинальности несколько выше, чем у монгольских учащихся. А по другим показателям (беглость, гибкость и разработанность) монгольские учащиеся имеют баллы выше по сравнению с российскими учащимися. Сравнительный анализ двух групп российских и монгольских учащихся показал, что самые высокие баллы имеет показатель оригинальности, что свидетельствует о способности испытуемых выдвигать идеи, отличающиеся от очевидных, общеизвестных, общепринятых, банальных или твердо установленных.

Также показатель разработанности имеет высокие баллы, то есть учащиеся обеих групп (российских и монгольских) способны к изобре-

тательству и конструктивной деятельности. Статистически значимых отличий по показателям у российских и монгольских учащихся выявлено не было. В целом учащиеся из России и Монголии имеют развитую когнитивную сферу.

Духовность как компонент интеллектуальной одаренности представляется через разные качества и свойства личности, например ценностные ориентации, особенности самоотношения, характер межличностных отношений и другие характеристики. Рассмотрим особенности ценностных ориентаций российских и монгольских учащихся.

Интеллектуально одаренные учащиеся из России предпочитают такие ценности, как здоровье, наличие хороших и верных друзей, любовь, свобода. На последних позициях стоят такие ценности, как красота природы и искусства, счастье других, жизненная мудрость и развлечения. А учащиеся из Монголии ставят на первые позиции здоровье, наличие верных и хороших друзей, активную деятельную жизнь, творчество и интересную работу. А на последних позициях – красота природы и искусства, развлечения, свобода, уверенность в себе и счастье других. В основном предпочитаемые и непопулярные ценности совпадают в двух культурных выборках, при этом есть и различия. Так, например, свобода как ценность у монгольских учащихся числится предпочитаемой, а у российских – непопулярной.

По инструментальным ценностям у российских учащихся на первом месте стоят такие ценности, как жизнерадостность, честность, независимость и аккуратность, тогда как на последнем – высокие запросы, эффективность в делах, исполнительность, широта взглядов и самоконтроль. А монгольские учащиеся более ценят такие качества, как образованность, аккуратность, воспитанность, высокие запросы и жизнерадостность. На последних позициях у монгольских учащихся – независимость, широта взглядов, чуткость, честность и эффективность в делах.

По типу межличностных отношений у монгольских учащихся доминирует сотрудничающе-конвенциональный тип, также относительно высокие показатели имеют властно-лидирующий, прямолинейно-агрессивный и ответственно-великодушный типы. А недоверчиво-скептический и покорно-застенчивый типы выражены ниже нормы, остальные типы – в нормальном распределении. У российских учащихся доминируют недоверчиво-скептический, властно-лидирующий и ответственно-

великодушный типы межличностных отношений. Слабо выражены такие типы, как зависимо-послушный и сотрудничающе-конвенциональный. Остальные типы выражены в норме. Полученные данные позволяют сделать вывод, что монгольские учащиеся стремятся к тесному сотрудничеству с референтной группой, к дружелюбным отношениям с окружающими, а российские учащиеся более склонны к критицизму, недоверчивости и лидерству.

При оценке своих способностей монгольские учащиеся показывают низкую самооценку по сравнению с российскими учащимися. 26% российских учащихся считают свои способности обыкновенными, а из монгольских учащихся с таким ответом согласны 68%. Талантливыми себя считают 55% российских и 19% монгольских учащихся. 15% российских и 6% монгольских учащихся считают себя одаренными. Цель жизни у учащихся двух групп особых отличий не имеет. На вопрос «Что бы ты сделал, если бы все было против тебя?» мнения монгольских и российских учащихся разошлись. 64% российских испытуемых отвечали, что "... будут бороться против всех, убеждать других в своей правоте". 30% россиян пересмотрели бы свои взгляды и изменили бы себя, а 6% попытались бы найти компромисс. Монгольские учащиеся в большинстве готовы выслушать мнения других, пересмотреть свои взгляды и, если нужно, изменить себя, 16% монголов будут бороться против других, 42% – изменили бы себя и 42% – попытались бы найти компромиссы. Так, один учащийся ответил: «Если все против меня, значит во мне что-то не так. Я попытаюсь найти и исправить свои ошибки».

Эти данные позволяют говорить, что монгольские учащиеся более восприимчивы к мнениям других людей, самокритичны по сравнению с представителями российских учащихся. По вопросу о реализации в будущем особых отличий не выявлено, большинство испытуемых (76% россиян и 78% монголов) положительно ответили на вопрос о возможности реализации своих способностей в обществе. В оценке будущего испытуемые двух групп также близки. Так, 48% российских и 56% монгольских учащихся имеют позитивное представление о будущем. 38% россиян и 13% монголов считают, что будущее не определено. Негативное представление о будущем демонстрируют 4% российских и 8% монгольских учащихся. На неоконченное предложение «Если бы я все мог...» российские учащиеся отвечали: «Сделал бы всех счастливыми», «Попытался бы изменить идеологию

людей, улучшить окружающую среду», а монголы давали следующие ответы: «Научу других тому, что умею», «Сделаю свою родину вновь могущественной империей». Ответы многих опрошенных направлены на других людей, начиная от самого близкого круга и кончая своей родиной и всем миром. Именно эта направленность на других является ярким доказательством развития морально-нравственных качеств человека. Так, 33% монголов демонстрируют направленность на других, 30% монголов – на себя и других и 7% – на себя. Из российских испытуемых 18% направлены на других, 26% – на себя и 7% – на других и себя. В целом можно сделать вывод, что интеллектуально одаренные учащиеся из Монголии и России имеют сходные черты и установки. Но также нужно отметить, что монгольские и российские учащиеся имеют особые черты и качества, которые, на наш взгляд, связаны с их культурной природой.

Таким образом, анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, одаренные учащиеся, имеющие разную культуру, обладают как общими, так и специфическими характеристиками. Во-вторых, к специфическим характеристикам интеллектуально одаренных учащихся из Монголии и России можно отнести отличия в мировоззрении, в ценностно-смысловой сфере и в характере межличностных отношений. Выявленные отличия касаются духовной сферы испытуемых, которая формируется и развивается в культурной среде.

Литература

1. Гусельцева М.С. Категория культуры в психологии и гуманитарных науках // Вопросы психологии. – 2006. – №4. – С. 3-14.
2. Гусельцева М.С. Психологическое знание и культурно-историческая эпистемология // Вопросы психологии. – 2011. – №3. – С.3-16.
3. Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. – Москва: ФОРУМ, 2010.
4. Ставропольский Ю.В. Кросскультурные различия в структуре личностной идентичности // Вопросы психологии. – 2009. – №2.
5. Кремень В.Г. Энергия интеллекта как проявление одаренности // Одаренный ребенок. – 2011. – №2. – С.8-15.
6. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2000. – 320 с.
7. Коул М. Культурно-историческая психология: Наука будущего. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 1997. – 432 с.
8. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. – Сер. 14. – 2009. – №2.
9. Ларионова Л.И. Интеллектуальная одаренность и культурно-психологические факторы ее развития: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Иркутск, 2002. – 387 с.

Жаргалсайхан Буянхшииг, преподаватель кафедры философии, политологии и культурологии Института социальных технологий Монгольского государственного университета науки и технологий, г. Улан-Батор (Монголия). E-mail: buynaa915@mail.ru

Zhargalsaikhan Buyankhishig, lecturer, department of philosophy, political science, and culture studies, Institute of Social Technologies, Mongolian State University of Science and Technology. Ulaanbator (Mongolia). E-mail: buynaa915@mail.ru

УДК 371.015.3

© Р.Д. Санжаева, Х.Т. Бадмаева

РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена актуальной проблеме современного образования – развитию способности к креативному мышлению у младших школьников, вопросам создания особых психолого-педагогических условий для развития креативности.

Ключевые слова: креативность, способность, диагностика, творческий потенциал, личность, воображение, гибкость, деятельность.

R.D. Sanzhaeva, Kh.T. Badmaeva

DEVELOPMENT OF CREATIVE THINKING IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN

The article is devoted to the topical problem of modern education – development skills of creative thinking in primary school children, the issues of arrangement the special psychological, educational environment for creativity development.

Keywords: creativity, ability, diagnosis, creativity potential, personality, imagination, flexibility, activity.

В психологии система интеллектуальных и личностных особенностей человека, способствующих самостоятельному выдвижению и нешаблонному решению проблем, генерированию оригинальных идей, обозначается понятием «креативность».

Принято считать, что креативность можно развивать путем специального обучения. Несмотря на то, что творческие способности являются объектом специального развития в процессе обучения (Л.В. Занков, Д.Б. Богоявленская, В.В. Давыдов, А.З. Рахимов и др.), в целом в отечественной психологической науке развитие креативности в учебном процессе изучено чрезвычайно мало, недостаточно исследованы факторы, оказывающие влияние на развитие креативности. Экспериментальные исследования свидетельствуют о том, что упражнения, направленные на развитие интеллектуальных функций без опоры на личность, мало способствуют формированию креативности. В связи с этим необходимы комплексные подходы к формированию креативности.

Под креативностью понимается способность, отражающая глубинное свойство индивидов создавать оригинальные ценности, принимать нестандартные решения. К данному понятию автор обращается в связи с тем, что основным требованием к образованию сегодня является развитие творческой личности, способной выходить за пределы известного, принимать нестандартные решения, создавать продукты, характеризующиеся новизной. Психологи при характеристике креативности указывают на проблему

способностей и чаще всего креативность рассматривают как общую творческую способность, процесс преобразования знаний. При этом они утверждают, что креативность связана с развитием воображения, фантазии, порождением гипотез (Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, Я.А. Пономарев, А.Г. Шмелев).

Для решения задач, поставленных для определения психолого-педагогических условий развития креативности у детей младшего школьного возраста в процессе учебной деятельности, был проведен эксперимент, в котором участвовали дети младшего школьного возраста начальной школы с. Сосново-Озерск Еравнинского района Республики Бурятия.

Общее количество участников психологического эксперимента составило 30 человек, которые были представлены двумя группами: 2А и 2Б классы по 15 человек в каждом. 2Б класс составил экспериментальную группу, 2А – контрольную.

Эксперимент состоял из трех этапов:

1-й этап – констатирующий – первичная диагностика уровня развития креативности в экспериментальном и контрольном классах.

2-й этап – формирующий – апробирование специальных приемов, направленных на развитие креативности у детей младшего школьного возраста.

3-й этап – контрольный – итоговая диагностика уровня развития креативности в экспериментальном и контрольном классах, анализ полученных результатов.

Для оценки развития креативности использованы методики, разработанные П. Торренсом и Д. Гилфордом, определяющие: оригинальность, которая проявляется в способности предложить новый замысел для игры; быстроту, как способность быстро адаптироваться в сложившейся ситуации; гибкость, как способность предложить новое использование известного объекта; вариативность, т. е. способность предложить различные идеи в той или иной ситуации.

Для аналитической обработки результатов исследования и получения количественных по-

казателей было выделено три уровня развития креативности у школьников: низкий уровень – ребенок не может предложить новый замысел, использует известный вариант; средний уровень – ребенок затрудняется в предложении нового использования предметов; высокий уровень – ребенок может предложить различные новые замыслы, способен предложить новое использование для известных предметов и объектов.

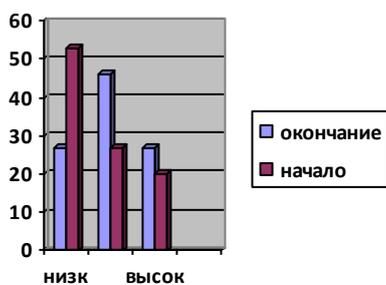
После подведения итогов были выявлены следующие уровни развития креативности у детей во 2А и 2Б классах (табл. 1).

Таблица 1

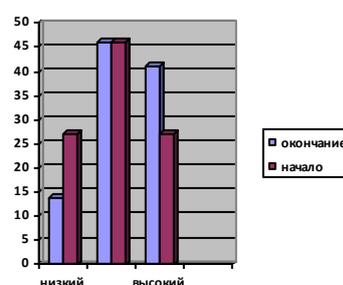
Уровни	Оригинальность (%)	Гибкость (%)	Быстрота (%)	Вариативность (%)
Учащиеся 2 А класса				
Низкий	55	27	33	53
Средний	27	46	33	33
Высокий	20	27	33	14
Учащиеся 2 Б класса				
Низкий	40	53	33	33
Средний	27	27	33	60
Высокий	33	20	33	7

На этапе констатирующего эксперимента особых отличий в процентных показателях контрольной и экспериментальной групп не наблюдается.

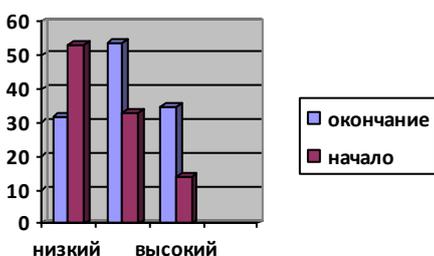
В конце формирующего эксперимента, на контрольном этапе применялись те же методики. В контрольном 2А классе изменений не произошло, в экспериментальном 2Б процентные показатели увеличились

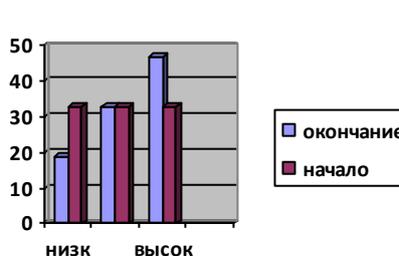
Оригинальность

Гибкость

Быстрота

Вариативность

Диаграмма. Показатели развития креативности во 2 Б классе

Можно сделать вывод об эффективности применения представленной системы приёмов в целях повышения креативности учащихся в процессе учебной деятельности. Основные приёмы развития креативности на уроках русского языка: написание сочинений, изложений; рецензирование сочинений; игры; составление словарей, ребусов, шарад, кроссвордов; творческие задания на дом.

Следующие виды работ позволяют сделать уроки развития речи живыми и интересными: свободное сочинительство; «Фантазия–картинка» – опиши словами картинку, которую ты видишь в своём воображении; экскурсия в картинную галерею репродукций картин профессиональных художников; музыкальное сочинение – опиши образы, которые возникают в сознании под впечатлением прослушанного музыкального произведения; сочинение–продолжение написанного накануне изложения или диктанта; сочинения-ассоциации; сочинения–стилизации; сочинение «Проба пера» и др.

Развитию креативности способствует и такой вид работы, как творческий диктант.

На уроках русского языка могут быть предложены различные нестандартные задания. Это могут быть проблемные ситуации, деловые и ролевые игры, конкурсы (по принципу «кто быстрее? больше? лучше?») и другие задания с элементами занимательности (фантастические ситуации, лингвистические сказки, загадки, расследования).

Структура творческого урока математики включает в себя четыре этапа. Первый этап – разминка. На этом этапе преобладают репродуктивные задачи, хотя доля репродукции успешно снижается за счет ограничения времени на ответ, применения «обманных» заданий, чередования вопросов из разных областей знания, что помогает развитию у детей способности быстро переключать внимание с одной деятельности на другую. Цели применения познавательных задач во время разминки: способствовать подготовке памяти, актуализация полученных ранее знаний для выполнения творческих заданий, создание благоприятного эмоционального фона и т. д.

Второй этап – развитие психических механизмов как основы РТС (памяти, внимания, воображения, наблюдательности). Развитое мышление, по выражению П. Блонского, проявляет себя в рациональных способах запоминания и припоминания. На этом этапе следует заниматься работой по их формированию и усовершенствованию на основе специально разработанных репродуктивных и логически-поисковых задач,

ввода рациональных приемов, в том числе алгоритмов, ориентированных на организацию целенаправленной деятельности учащихся.

Третий этап – решение частично-поисковых задач разного уровня.

Иногда говорят, что умение творить — удел немногих и творческая личность является даром богов. Может быть, в этом есть доля истины, так как известно, что Пушкины и Моцарты рождаются достаточно редко. Но мы говорим не о воспитании гениев, а о формировании личности, умеющей мыслить самостоятельно, нестандартно. Когда одного из французских математиков спросили, почему он такой гениальный, ответ был следующим: «Потому что я знаю три тысячи алгоритмов!» По мнению П.Я. Гальперина, инсайт (озарение), присущий открытиям, – это свернутый алгоритм, и интеллектуальное творчество проявляется в умении человека в нужный момент «достать» из своей памяти тот или иной алгоритм рассуждения. Задачи данного этапа выражают именно такой подход к проблеме развития творческих способностей.

Четвертый этап – решение творческих задач. Их можно разделить на два типа. Первый – это собственно творческие задания, которые связаны с той или иной учебной дисциплиной. Они требуют большей или полной самостоятельности и рассчитаны на поисковую деятельность, нетрадиционный подход и творческое применение знаний. Второй — это задачи повышенной трудности интегративного характера. Они отличаются тем, что одно и то же задание ориентировано на применение знаний из различных школьных дисциплин, то есть на интеграцию знаний и способов деятельности в целом.

По мнению Л.С. Выготского: «Есть один основной факт, который очень убедительно показывает, что до литературного творчества ребенок должен дорасти. Только на очень высокой ступени овладения речью, только на очень высокой ступени развития личностного внутреннего мира ребенка становится доступным литературное творчество. Этот факт заключается в отставании развития письменной речи детей от устной речи». Именно уроки литературного чтения с первых дней пребывания ребенка в школе способствуют формированию устной и письменной речи, а также развитию творческих способностей школьников, так как ученик в учебном процессе старается занять позицию исследователя, творца. Цель учителя – вывести личность каждого ученика в режим развития, пробудить стремление к познанию.

Развитие творческих способностей посредством литературной деятельности будет успешным, если соблюдать следующие условия:

1) использовать совокупность методических приемов, направленных на развитие творческого потенциала;

2) использовать образцовые авторские и народные произведения;

3) зарубежный литературный материал должен опираться на знания детей в области отечественной литературы, так мы научим их уважать свою культуру и обогатим их кругозор;

4) осуществлять преемственность между начальной и старшей ступенью обучения.

Один из самых благодатных способов активизации творчества учащихся – это работа с посылкой.

Для развития творческих способностей детей использовался методический прием, предложенный Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой, – интерпретация сказки. Сочинительство сказок – это один из эффективных приемов для развития

творческих способностей детей, он способствует самовыражению младшего школьника.

Таким образом, одним из социально-педагогических условий развития креативности является использование соответствующих программ, методов и приемов обучения. В качестве основных условий, способствующих развитию творческих способностей, мы выделяем позицию педагога по отношению к детям и содержание программ обучения.

Литература

1. Акимов М.К. Способности и одаренность: учеб. пособие. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – С. 376.

2. Богдавленская Д.Б. Психология творческих способностей: учеб. пособие. – М.: Академия, 2002. – С. 213.

3. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: учеб. пособие. – М.: 2001. – С. 216.

4. Грузенберг, С.О. Психология творчества: учеб. пособие. – Минск, 2007. – С. 213.

5. Кыштымова И.М. Креативность: содержание, развитие, диагностика. – Иркутск, 2002. – С. 220.

Санжаева Римма Дугаровна, доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета. E-mail: rimmasan@pochta.ru

Бадмаева Хандама Тогоновна, соискатель кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета. E-mail: badmaeva_chanbair@mail.ru

Sanzhaeva Rimma Dugarovna, doctor of psychological sciences, professor, department of age and pedagogical psychology, Buryat State University. E-mail: rimmasan@pochta.ru

Badmaeva Khandama Tagonovna, competitor for candidate degree, department of age and pedagogical psychology, Buryat State University.

V. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

УДК 37.015.3

© Т.С. Базарова

КРИТЕРИИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

В статье представлена методика исследования проблемы формирования профессиональной компетентности будущего специалиста социальной работы на этапе вузовской подготовки в соответствии с авторской моделью социального работника. Рассматривается комплекс эмпирических методов и методик, адекватных сущности изучаемого явления: педагогические, психологические и социологические методы исследования (анкетирование, тестирование, метод экспертных оценок, беседа, прямое и включенное наблюдение, анализ продуктов деятельности, методы статистической обработки).

Ключевые слова: социальная работа, методика исследования, профессиональная компетентность, модель социального работника, критерии профессионализма, вузовская подготовка.

T.S. Bazarova

CRITERIA FOR PROFESSIONALISM OF EXPERT IN SOCIAL WORK

The article submits a technique to research a problem of formation of professional competence of future expert in social work at the stage of higher education preparation in accordance with the author's model of social worker. A complex methods of empirical methods and techniques is considered, these methods are appropriate to the essence of researched phenomenon: pedagogical, psychological and sociological research methods (surveys, testing, method of experts evaluation, conversation, direct and participant observation, analysis of activity's products, methods of statistical analysis).

Keywords: social work, research methodology, professional competence, model of social worker, criteria of professionalism, higher education preparation.

Современные общественные преобразования обуславливают потребность в специалистах, умеющих анализировать постоянно меняющиеся социально-экономические тенденции, принимать и реализовывать нестандартные решения в условиях противоречивых требований. Поэтому важнейшей задачей высшей школы становится выпуск профессионально компетентного специалиста.

Общая характеристика профессиональной деятельности обуславливает уровень требований к компетентности социального работника, который изложен в соответствующем образовательном стандарте и квалификационных характеристиках. Это специалист, который может работать на разных уровнях реализации социальной политики государства – уровне управления, материально-технического и правового обеспечения, образования, здравоохранения и непосредственной практики социальной работы.

Разработанная нами модель социального работника [1] характеризуется совокупностью профессиональных компетенций, обусловленных профессиональной деятельностью и включающих его личностное отношение к ней. Становление человека как профессионала тесно связано с его развитием. Личность человека оказывает позитивное влияние на выбор профессии, на ход профессиональной адаптации, профессиональной самореализации, стимулирует профессиональное мастерство и творчество.

Структура профессиональной компетентности включает следующие компоненты: специальный, социальный, личностный. Представляем итоговые таблицы, характеризующие данные компоненты как совокупность критериев и показателей [2]. Рассмотрим основные характеристики специальной компетентности (табл. 1).

Таблица 1

Критерии и показатели специальной компетентности

Компоненты	Критерии	Показатели
Теоретическая компетентность	Понимание теоретических основ профессии; способность осуществлять анализ социальной действительности и находить выход из ситуации; информационная культура	Знание теоретических основ социальной работы; исследовательские умения и навыки; аналитические умения

Инструментальная компетентность	Способность осуществлять профессиональные действия, владение технологиями социальной работы	Умения и навыки профессиональной деятельности (базовые профессиональные умения и навыки)
Интегративная компетентность	Способность сочетать теорию и практику, применять технологии социальной работы в социальной практике	Умения применять теоретические знания на практике
Управленческая компетентность	Способность к управлению коллективом, осуществлять анализ и контроль его деятельности	Менеджерские умения навыки

В соответствии с разработанной нами методикой программа исследования специальной компетентности включала следующие методы: анализ результатов учебной, научной и общест-

венной деятельности студентов; анкетирование; экспертный опрос; самоанализ.

Основные характеристики социальной компетентности представлены в табл. 2.

Таблица 2

Критерии и показатели социальной компетентности

Компоненты	Критерии	Показатели
Контекстуальная	Понимание социальной, экономической и культурной среды клиента	Знания региональных особенностей РБ
Этнокультурная	Способность осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с культурной средой клиента; уважение и преданность родному краю	Этнокультурные знания, умение адаптировать методы социальной работы к культурной среде клиента (умение индивидуальной работы с клиентом)
Коммуникативная	Способность к межличностным коммуникациям, к взаимодействию с клиентами, коллегами, партнерами; культура межнационального общения	Умение и навыки профессионального общения
Социально-творческая	Социально-преобразовательная направленность личности, инициативность, социальная креативность, активная жизненная позиция	Проявление практических действий творческого отношения в социальной деятельности

Исходя из данных характеристик программа исследования уровня сформированности социальной компетентности включала следующие методы: анализ результатов учебной, научной и общественной деятельности студентов; анкетирование; экспертный опрос; тестирование; самоанализ.

Ведущую роль в формировании профессиональной компетентности мы отводим личности специалиста. Профессионализм предполагает

непрерывно наличие психологических компонентов – отношения личности к избранной профессии, эмоциональной включенности в нее, соответствующего состояния профессионально значимых качеств и профессиональных притязаний.

Основные характеристики личностной компетентности социального работника представлены в таблице 3.

Таблица 3

Критерии и показатели личностной компетентности

Компоненты	Критерии	Показатели
Нравственно-гуманистическая направленность личности	Способность к сопереживанию, альтруизму, милосердию; следование профессиональной этике; гражданская зрелость	Усвоение и принятие профессионально-этических норм и ценностей
Субъектная позиция	Профессиональное самоопределение и самосознание; индивидуальный стиль деятельности; стремление к профессионально-личностному развитию и самосовершенствованию; профессиональная креативность	Профессионально значимые ценностные ориентации (потребности и мотивы деятельности)
Психологические характеристики	Развитие психических процессов, эмоциональных и волевых характеристик; способность мобилизовать психофизические ресурсы для реализации деятельности	Эмоциональная устойчивость
Психоаналитические качества	Социальный интеллект; ответственное отношение к деятельности, внутренний локус контроля; способность к саморегуляции и саморефлексии; перцептивность	Самоконтроль, самооценка

Исходя из данных характеристик программа исследования уровня сформированности личностной компетентности включала следующие методы: анализ результатов учебной, научной и общественной деятельности студентов; анкетирование; тестирование.

В структуре личности социального работника приоритетной является его нравственно-гуманистическая направленность.

Мы отмечаем, что социальная работа относится к такому виду профессиональной деятельности, в котором важную роль играют личностные качества специалиста, в значительной степени определяющие успешность и эффективность его работы. Социальные работники – специалисты особой, деликатной профессии. Такие свойства личности, как эмпатийность, рефлексивность, практически всеми учеными рассматриваются как свойства личности, необходимые для успешной коммуникации. Методика «Самооценка эмпатических способностей» позволяет оценить уровень эмоционального сопереживания другим людям, умение понимать и предугадывать состояния окружающих.

Период обучения в вузе является периодом активного познания мира, наибольшего умственного развития, развития различных способностей, навыков и умений. Образовательная среда формирует будущего специалиста с высшей квалификацией. Важным компонентом данного процесса выступает профессиональная социализация студентов, т.е. их приобщение к определенным профессиональным ценностям, включение их в свой внутренний мир, формирование профессионального сознания и культуры, подготовка к самостоятельной профессиональной деятельности в качестве субъекта.

Одним из факторов, определяющих успешность профессионализации, выступает социально-профессиональная ориентация студентов, складывающаяся из ценностных представлений о будущей профессиональной деятельности и образовательном учреждении, осуществляющем данную подготовку.

Для нас особенно важно определить результативность профессиональной социализации, используя внешние и внутренние критерии: к первым могут относиться выполнение образовательной программы, желание работать в данной (специальности) сфере, востребованность (перспективность), карьерный рост; ко вторым критериям – внутренняя готовность к работе, степень удовлетворения профессией и другое.

Критерии оценки результативности профессиональной социализации проявляются в качестве ценностных ориентаций студенчества, которые представляют собой результат согласованности интересов общества и индивида в профессиональной сфере. По тому, на что ориентированы молодые люди в своей будущей деятельности, можно судить о характере развития социально-экономической сферы общества, так как именно социально-экономические условия жизнедеятельности людей определяют их профессиональное поведение.

Существенным показателем эффективности профессионального образования являются жизненные планы студентов. Для оценки личностной компетентности студентов также важным является определение их отношения к современной социальной реальности.

В целом специальность – один из видов профессиональной деятельности внутри профессии, направленных на достижение частных или промежуточных результатов либо на достижение общих результатов специфическими средствами. Значит, те, кто уверен в престижности получаемой специальности, думают, что с ее помощью добьются своих целей в профессиональной деятельности.

Современный профессионал должен видеть свою профессию во всей совокупности ее широких социальных связей, знать предъявляемые к ней требования, понимать содержание и специфику своей профессиональной деятельности, ориентироваться в круге профессиональных задач и быть готовым разрешать их в меняющихся социальных условиях.

В современном российском обществе существенной проблемой является социальная эффективность образования. Одним из критериев оценки эффективности высшего образования является критерий «понимание ценностей образования», которому соответствует другой показатель культуры студентов – «ориентация на непрерывное образование».

Важной характеристикой образовательных ориентаций студентов является их стремление к самообразованию. По мнению ученых, для овладения профессией недостаточно посещения учебных занятий. Большую роль в профессиональной подготовке играет самообразование, направленное на достижение определенных лично или общественно значимых образовательных целей: на удовлетворение познавательных интересов, общекультурных и профес-

сиональных запросов и повышение квалификации.

Итак, профессиональные и образовательные ценностные ориентации студентов выступают показателями личностной компетентности будущих специалистов. В свою очередь они выражены в общей жизненной ориентации студентов. Для выявления жизненных ориентаций студентов большое значение имеет выявление понимания студентами факторов жизненного успеха и правил сегодняшней жизни.

Выясняя мнение о факторах жизненного успеха, мы отвечаем на фундаментальный вопрос «Насколько в нашей жизни утвердились достиженческие нормы, нравы или, наоборот, стандарты, предполагающие то, что люди достигают успеха благодаря родственным связям?» и прочее.

Для выявления жизненных ориентаций современного студенчества немаловажное значение имеет выяснение роли семьи. Специфика жизни молодых людей дает им сведения не столько о содержательном и производительном труде, сколько о его следствиях, обеспечивающих социальное положение индивида в обществе: материальная обеспеченность, уровень образования, престижность.

Одним из направлений исследования социального портрета студентов являлось установление основных форм проведения досуга, имеющих большое значение для комплексного описания современного студенчества, так как студенчество – это особая социальная группа, которая в определенной мере закладывает тенденции развития общества и воспроизводит то, что необходимо любому человеку и требует своего сохранения.

Психодиагностика может быть представлена различными методиками, в том числе методикой М. Рокича «Ценностные ориентации». Надо отметить, что социальная работа относится к тем редким видам профессиональной деятельности, где зачастую не профессиональные знания и навыки, а личностные качества специалиста во многом определяют успешность и эффективность работы. Поэтому в процессе обучения социального работника происходит не только познание им основ и тонкостей профессии, но и воспитание его как личности, формирование духовно-нравственных качеств, которые будущий специалист проявит в работе с людьми.

Следует отметить, что существенную роль в профессиональной деятельности специалиста по социальной работе играют ценности, которыми он руководствуется в своей жизни. Ценностные

ориентации личности содержат в себе идеалы, представления о смысле жизни и деятельности человека, являются ядром мотивационно-ценностной сферы личности.

Характерные тенденции соответствия личностного развития студента профессиональным требованиям также позволяет выявить анализ результатов применения нами методики незавершенных предложений для определения уровня эгоцентризма. Данный показатель наиболее оптимально применим к социальной работе как профессии, т.к. в реализации практической деятельности необходима объективная оценка как личности клиента, так и себя. Необходимо следовать таким профессиональным ценностям, как социальная справедливость, гуманизм, толерантность, т.е. важно найти «золотую середину» практически во всем.

В разработанной нами методике исследования есть сравнительный анализ уровней профессиональной компетентности контрольной и экспериментальной групп. В основу анализа были положены данные экспертного опроса, проведенного среди членов Государственной аттестационной комиссии по специальности «Социальная работа».

Экспертная оценка осуществляется отдельно по каждому компоненту (специальный, социальный, личностный) по пятибалльной шкале (методика Л.Ф. Спирина и В.А. Слостенина):

- «5» – свойство, качество ярко выражено, стойко и постоянно себя проявляет;
- «4» – свойство, качество выражено, но не всегда ярко себя проявляет;
- «3» – свойство, качество присутствует, но слабо выражено;
- «2» – свойство, качество очень низко выражено и почти не присутствует;
- «1» – свойство, качество отсутствует.

Данные обрабатываются в программе Microsoft Excel для Windows «Описательная статистика»: критерий t-Студента.

Полученные данные показывают, что динамика в уровнях сформированности профессиональной компетентности носит не случайный характер, а вызвана целенаправленной деятельностью. Итоги исследования свидетельствуют об изменении в уровнях сформированности профессиональной компетентности в результате реализации опытно-экспериментальной программы.

Литература

1. Базарова Т.С. Формирование личности социального работника как субъекта профессиональной деятельно-

сти / Федер. агентство по образованию; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2008. – 146 с.

2. Базарова Т.С. Система профессиональной подготовки социального работника в условиях регионального

вуза: дис. ... д-ра пед. наук. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010.

Базарова Татьяна Содномовна, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой теории социальной работы Бурятского государственного университета. E-mail: tbazarova@mail.ru

Bazarova Tatyana Sodnomovna, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the theory of social work department, Buryat State University. E-mail: tbazarova@mail.ru

УДК 316.346.32-053.6

© Н.Г. Лагойда

ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К БРАКУ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

В статье рассматривается проблема подготовки современной молодежи к браку и созданию собственной семьи. Особо выделены вопросы отсутствия семейных форм подготовки к браку в российских семьях, а также особенности доброго поведения современной молодежи. Приводятся данные социологического исследования, проведенного автором. Предлагается проект-программа формирования у современной молодежи представлений о здоровой полноценной семье «На встречу будущей семье».

Ключевые слова: кризис института семьи, доброе поведение молодежи, подготовка к семейно-родительской деятельности

N.G. Lagoida

THE PROBLEM OF MODERN YOUTH PREPARATION TO MARRIAGE AND THE WAYS OF ITS SOLUTION

The article describes a problem of modern youth preparation to marriage and setting up a family. The problems of lack of family forms of preparation to marriage in the Russian families have been especially highlighted as well as the peculiarities of modern youth premarital behavior. The data of sociological research, conducted by the author, have been submitted. A draft program of formation in modern youth representations of healthy, wholesome family «Towards a future family» is proposed.

Keywords: crisis of family institution, premarital youth behavior, preparation for family and parent activities.

В современном российском обществе все заметнее обозначается кризис института семьи, суть которого состоит в усугублении противоречия между семейными и внесемейными ценностями. Это выражается в падении рождаемости, низкой устойчивости брачно-семейных отношений, увеличении количества разводов (из трех зарегистрированных браков два распадаются), в серьезных проблемах в области воспитания детей, увеличении доли одиноких людей и внебрачных детей (26% от общего количества детей), росте числа неблагополучных семей.

Одним из факторов дестабилизации института семьи является сокращение числа заключенных браков. Если число разводов нарастает плавно, то снижение брачности имеет крутопадающий характер: за 5 лет число браков сократилось на 280 тысяч [6].

По данным управления ЗАГС Республики Бурятия, в целом для России характерна проблема разводов [5]. Как показывает статистика, за первое полугодие 2012 года продолжительность приблизительно 15% семейных союзов в Республике Бурятия составляет около года, наи-

большее же количество разводов происходит в первые 5-9 лет совместной жизни (28%). То есть на первые четыре года совместной жизни приходится 37% разводов, а за девять лет – 66% разводов. Главными причинами становятся алкоголизм и наркомания, несоответствие взглядов и характеров, материальное неблагополучие, а также неготовность молодых людей к семейной жизни. Также немаловажным является факт того, что в России неуклонно растет популярность гражданских браков. Тенденция к сокращению зарегистрированных браков в республике, как прогнозируют специалисты, продолжится и в последующие годы, что связано с объективными причинами, поскольку брачного возраста достигло сравнительно малочисленное поколение молодых людей, родившихся в 1990-е годы прошлого столетия. Так, если в 1987 году органами ЗАГС республики зарегистрировано 25056 рождений, то в 1993 году в два раза меньше – 11 917. Также можно отметить, что количество разводов в Республике Бурятия в 2012 году по сравнению с 2011 годом уменьшилось на 3,1%, но это не повлияло на общую кар-

тину: соотношение количества разводов по отношению к бракам в республике остается на прежнем уровне – на 1,9 брака приходится 1 развод.

Современные семейные отношения находятся в строгом соответствии с общим уровнем образования и культуры населения. Невысокий образовательный и культурный потенциал родителей не способен обеспечить адекватное выполнение их обязанностей по социализации детей. Существование таких явлений, как социальное сиротство, беспризорность, насилие в семье и другие, свидетельствует о девиациях в семейном воспитании, низком уровне ответственности современных родителей за жизнь и судьбу своих детей.

Профилактика инфантилизма у молодежи возможна посредством приобщения детей с раннего возраста к самостоятельности, ответственности за собственные действия, привлечение их к разрешению семейных проблем, сложных жизненных ситуаций. Таким образом, среди причин социального неблагополучия современного общества, нарушения гармонии семейных отношений, дисфункции семьи следует отметить отсутствие семейного воспитания в частности, подготовки молодежи к будущей семейной жизни.

В настоящее время среди молодых людей наблюдается стремление повысить уровень образования, осуществить профессиональный рост, независимо организовывать досуг и распоряжаться свободным временем, достичь материальной самостоятельности, что в лучшем случае приводит к откладыванию момента вступления в брак. Улучшение материального положения, стремление перейти из одного социального слоя общества в другой стали доминирующей прагматической тенденцией брака у молодежи.

При этом молодые люди не всегда учитывают то, что возможности удовлетворения этих потребностей и вероятность успешного осуществления жизненных целей значительно возрастают при условии наличия гармоничной среды, личностной удовлетворенности, прежде всего, в семейной жизни. Гармония семейной жизни во многом повышает способность к реализации личностного потенциала. В свою очередь, семейное благополучие во многом зависит от степени подготовленности молодежи к браку и семье [11].

Вопрос добрачного поведения и подготовки молодежи к браку является актуальным, так как на сегодняшний день отсутствует целостная, многоаспектная, многофункциональная система

подготовки молодежи к семейной жизни. Недостаточно изучена область, где рассматриваются различные аспекты добрачного поведения молодежи. Добрачное поведение и выбор партнера являются важной сферой человеческой жизни, в которой закладываются истоки будущей семьи, ее образа жизни, отношения супругов и стабильность института семьи в целом. Неподготовленность молодежи к браку также ведет ко многим отрицательным социальным последствиям [5].

В современной ситуации изменились ценностные ориентации и сама система добрачного поведения. Подготовка молодежи к браку носит стихийный характер, так как утрачивается роль семьи.

Для современной молодежи характерны независимость и сексуальная распушенность, во многих случаях молодые люди получают информацию о сексуальной жизни от сверстников, осмысление ценностных ориентаций добрачного поведения у большинства происходит самостоятельно.

Значительную роль в добрачном поведении молодежи играют средства массовой информации, где открыто пропагандируется секс, что не ведет к повышению уровня культуры среди молодежи и правильному пониманию всех аспектов добрачного поведения. Многие молодые люди вступают в брак неосознанно, чаще всего не подготовлены к семейной жизни и родительству [8, с. 250].

В последние годы актуализировалась проблема подготовки подрастающего поколения к семейно-родительской деятельности, что связано с разрушением «домашней школы», где традиционно начиналось воспитание будущих родителей [2]. Ранее предпринимались попытки решить эту проблему с помощью введения «родительского всеобуча» и школьного курса «Этика и психология семейной жизни». Но предыдущий опыт оказался неудачным, поскольку занятия со школьниками проводились не квалифицированными специалистами в области медицины, психологии, социологии, а школьными учителями-предметниками. Большое значение имеют дальнейшее изучение добрачного поведения молодежи, подготовка ее к браку и разработка программ по подготовке молодежи к будущей семейной жизни.

Некоторые аспекты добрачного поведения молодежи были исследованы отечественными авторами. Социологи А.Г. Харчев и А.С. Мацковский утверждают, что характер будущего супружества обуславливает то, что представляет

собой каждый из субъектов складывающегося брачного отношения [12]. Л.И. Савинов довольно подробно рассматривает специфику и динамику добрачного поведения, раскрывая различные теории выбора брачного партнера [10]. Т.А. Гурко описывает влияние добрачного поведения на стабильность молодой семьи [5]. Но все же в отечественной литературе недостаточно изученными остаются еще многие особенности добрачного поведения современной молодежи и ее подготовки к браку, что требует дальнейшего рассмотрения.

Подготовленность молодежи, вступающей в брак, к семейной жизни является важнейшим условием благополучия семьи. Молодые люди, решившие создать семью, должны иметь ясное представление о том, зачем вступают в брак, что ожидают от семейной жизни, какие семейные отношения стремятся построить, какие обязанности на них налагает супружество, родительство. Современная ситуация такова, что молодежь, вступающая в брак, имеет смутные представления о семейной жизни, подходит к созданию семьи неосознанно. Усвоение семейно-брачных ценностей происходит самостоятельно, что характеризует добрачное поведение современной молодежи некоторыми особенностями. Таковыми особенностями является довольно раннее вступление в половую жизнь до брака, сокращение периода знакомства. Все это негативно сказывается на дальнейшем психологическом климате семьи и ее стабильности в целом. Поэтому очень важно то, как происходит усвоение молодежью семейных ценностей в добрачный период и как осуществляется ее добрачная подготовка.

В течение добрачного периода молодые люди приобретают определенные знания о семье, семейных отношениях, видят семью со стороны и изнутри. При помощи родительской (ориентационной) семьи происходит их социальное созревание: складывается мировоззрение, формируются индивидуальные черты, качества характера, происходит профессиональное самоопределение. Многие молодые люди играют активную роль в родительской семье, участвуют в выполнении многих ее функций. Но все же для создания собственной семьи необходима выработка готовности личности к браку, к семейной жизни.

Готовность личности к браку, по мнению психологов, предполагает наличие следующих личностных качеств [3, с. 11]:

1. Формирование определенного нравственного комплекса – готовности личности принять на себя новую систему обязанностей по отно-

шению к своему брачному партнеру, будущим детям.

2. Подготовленность к межличностному общению и сотрудничеству.

3. Способность к самоотверженности по отношению к партнеру (включая способность к соответствующей деятельности, основанной прежде всего на качествах и свойствах альтруизма любящего человека).

4. Наличие качеств, связанных с проникновением во внутренний мир человека, – эмпатийный комплекс.

5. Высокая эстетическая культура чувств и поведение личности.

6. Умение разрешать конфликты конструктивным способом, способность к саморегуляции собственной психики и поведения.

Что касается самой подготовки личности к браку и семейной жизни, то здесь весьма значительным является формирование у нее, начиная с детского возраста, самостоятельности, ответственности за собственные действия, способности к разрешению семейных проблем, сложных жизненных ситуаций. Как известно, основополагающими факторами устойчивости, стабильности семьи является ответственное отношение молодежи к созданию семьи. Готовность личности и ее способность к самостоятельной жизни, к ответственности за супруга и будущих детей должны составлять основу брачного союза.

Необходимо, чтобы в добрачный период у молодежи сформировалось умение проявлять заботу о благополучии будущей семьи, стремление потенциальных супругов к эмоционально-психологическому единству. Известно, что гармония супружеских отношений обусловлена главным образом стремлением двух людей к нравственному, духовному единению с учетом свойств гендерных различий, психологических особенностей характера партнера. Ведь хороший брак – это брак, характеризующийся такими признаками, как толерантность, уважение друг к другу, честность, желание быть вместе, сходство интересов и ценностных ориентаций. Стабильному браку свойственно совпадение интересов и духовных ценностей супругов, а также умение вести переговоры по всем аспектам совместной жизни.

Психологическая и социальная готовность современных молодых людей к брачно-семейным отношениям оставляет желать лучшего. Все это связано с изменениями, происходящими во всей системе добрачного поведения молодежи. В связи с этим с целью изучения особенностей добрачного поведения молодежи на-

ми было проведено социологическое исследование вступающих в брак с использованием метода анкетного опроса.

Исследование показало, что для 80,4% респондентов создание семьи является необходимым. Но, несмотря на это, исследуемая молодежь нацелена в первую очередь на получение образования и создание материальной базы до вступления в брак – 55,5%, получение необходимого социального статуса – 16,6%, реализацию собственного потенциала – 13,8%.

Немаловажными являются и мотивы вступления в брак. Здесь наблюдается интересная тенденция: у 30,9% при опросе мотивом являются любовь; ожидание ребенка – 30,4%; 28,3% желают создать семейный очаг и иметь детей и 10,4% вступают в брак по расчету. Любовь по-прежнему является одним из основных мотивов вступления в брак, но вместе с тем растет число вынужденных браков, что является огромным фактором риска стабильности семьи.

Семейная жизнь родителей не является образцом подражания для 42,6% опрошенных, что, на наш взгляд, обусловлено различием взглядов молодежи по поводу семейной жизни по сравнению с установками старшего поколения. Также это может свидетельствовать о недостаточно благоприятном психологическом климате в родительской семье. 36,7% ответили, что считают образцом для подражания лишь некоторые сферы семейной жизни родителей. Положительные ответы дали 21,6%. Анализ полученных данных позволяет сделать выводы о происходящих негативных процессах в российской семье, наблюдается ослабление института семейного воспитания.

При выявлении уровня информированности молодежи о контрацепции, сексуальных отношениях, этике и психологии семейной жизни, влиянии образа жизни и здоровья родителей на детей были получены следующие данные. По вопросам контрацепции достаточными свои знания считают 45,3% опрошенных, влияния образа жизни и здоровья родителей на детей – 44,7%, по вопросам сексуальных отношений – 26,6%, по этике психологии семейной жизни – 11,6%. Получается, молодежь больше осведомлена по вопросам контрацепции и сексуальных отношений, но не имеет достаточных знаний по этике и психологии семейной жизни. Это говорит о том, что при вступлении в брак важными для молодых людей являются сексуальные отношения и отсутствует специальная подготовка молодых людей по вопросам семьи. Молодежь четко осознает влияние образа жизни и здоровья

родителей на детей, но мало кто ведет здоровый образ жизни.

40% респондентов не владеет информацией о проблемах брака и семьи; 25,3% слушали лекции по планированию семьи; 18,3% владеют частичной теоретической информацией из опыта родителей, знакомых; 16,4% знакомы со специальной научной литературой

Готовыми к браку и выполнению брачно-семейных функций считают себя 35,4% опрошенных; недостаточно готовыми – 26,6%; затруднились ответить – 38%. Имеющиеся данные позволяют сделать вывод об отсутствии специальной и целенаправленной подготовки молодежи к браку, выполнению брачно-семейных функций. Таким образом, на основе полученных в ходе исследования результатов можно выделить следующие особенности добрачного поведения современной молодежи:

1. Падение морали, семейных ценностей и ослабление института семейного воспитания.

2. Приемлемость добрачных сексуальных связей, раннее вступление в половую жизнь.

3. Увеличение числа вынужденных браков, связанных с добрачной беременностью.

4. Низкая информированность молодежи о проблемах брака и семьи.

Недостатки образовательного потенциала родителей, нередко отсутствие знаний и умений приводят к неустойчивости семейных отношений. Таким образом, возникает необходимость в разработке специальной образовательной программы для молодежи в качестве превентивной меры укрепления института семьи. В данном случае имеет особое значение планомерная, целенаправленная работа с перспективными целями и результатами.

Следует отметить, что усилия профилактического характера, на наш взгляд, принесут более значительные результаты, а существенные денежные средства не помогут решить возникающие позже проблемы неполных семей, безнадзорных детей, социального сиротства.

До сих пор в школах отсутствуют соответствующие дисциплины, нет специально разработанных программ, учебных и методических материалов для обучения будущего семьянина, хотя каждому современному молодому человеку просто необходим минимум знаний по вопросам психологии пола, добрачных отношений, гигиены, ухода за ребенком, правовых аспектов брака и так далее.

В связи с этим мы предлагаем проект-программу формирования у современной молодежи представлений о здоровой, полноценной

семье «Навстречу будущей семье», которая состоит из семи ступеней: «Любовь», «Брак», «Семья», «Здоровье», «Дети», «Экономика», «Досуг». Данная программа получила поддержку Министерства образования и науки Республики Бурятия и была реализована в Бурятском государственном университете на социально-психологическом факультете, отделении «Социальная работа» для студентов специализации «Социальная работа с семьями и детьми».

В дальнейшем планируется в рамках движения «Молодые – молодым» усилиями студентов-волонтеров внедрять данную программу среди молодежи города и республики в летних молодежных лагерях, школах, клубах, ССУЗах и вузах.

Нами предлагаются следующие подходы в реализации программы:

1. Информационно-образовательный – разработка и проведение лекционных и практических занятий для молодежи по следующим темам: любовь, брак, семья, здоровье, дети, экономика, досуг.

2. Методический – изучение и применение инновационных, эффективных форм подготовки молодежи к семейной жизни. (9, с.227) Знакомство с зарубежным и отечественным опытом работы данного профиля.

3. Информационно-пропагандистский – выпуск и распространение информационно-методических материалов в результате реализации программы; издание и распространение среди молодежи буклетов, пропагандирующих семейные ценности, информирующих о социальных службах помощи семье и детям в РБ;

- обмен информационными и методическими материалами со специалистами города, республики по вопросам подготовки молодежи к семейной жизни (Центр планирования семьи, Агентство по делам семьи и детей и др.).

4. Аналитико-прогностический – проведение социологических исследований и тестирования с целью выявления уровня подготовки молодежи к семейной жизни (в начале, в процессе деятельности посредством мониторинга);

- проведение итоговой конференции «Молодежь. Семья. Общество»;

- на основе полученных данных внесение предложений для совершенствования программы и ее дальнейшего применения.

- проведение анализа основных средств и форм работы по подготовке молодежи к семейной жизни и определение наиболее эффективных форм и методов обучения.

I этап реализации программы «Навстречу будущей семье» предполагает проведение лекционных и практических занятий по следующим ступеням:

1. «Любовь» – особенности межличностных отношений юношества. Психология доброго поведения. Этические нормы и правила.

2. «Брак» – что такое готовность к браку? Брачный возраст, мотивация вступления в брак. Гражданский брак. Правовые аспекты брака.

3. «Семья» – основные ценности семьи. Основные функции – продолжение человеческого рода, рождение и воспитание детей. Важность наличия в каждой семье нескольких детей. Роль семьи в жизни общества и укреплении государства. Особенности молодой семьи.

4. «Здоровье» – здоровье семьи и будущего потомства. Генетические аспекты брака. Законы наследственности. Значение целомудрия. Планирование семьи.

5. «Дети» – подготовка к принятию в семью нового человека. Психологические проблемы, связанные с рождением ребенка. Влияние внутриутробного периода на его развитие. Пробуждение чувства материнства и отцовства. Недостатки семейного воспитания.

6. «Экономика» – потребности и бюджет семьи. Испытание семьи богатством и бедностью. Распределение семейного бюджета. Эстетика быта.

7. «Досуг» – семейные традиции, праздники. Развитие интересов. Ценность подарков, сделанных детьми. Семейный туризм, экскурсии, домашние чтения, концерты. Искусство в жизни семьи.

Предполагается проведение лекций с элементами дискуссий, диалога, используя проблемные ситуации, видеолекции, а также практические занятия: тренинги, социально-ролевые игры «Моя семья», «Квартирный вопрос», «Семейные баталии», привлечение специалистов Республиканского центра планирования семьи, Агентства по делам семьи и детей, преподавателей социально-психологического факультета БГУ.

II этап реализации программы: работа студентов-волонтеров в рамках движения «Молодые – молодым».

Студенты, прошедшие обучение по программе, включаются в движение «Молодые – молодым». Во время прохождения стажировки по специализации «Социальная работа с семьями и детьми» они внедряют данную программу в школах, училищах, вузах, молодежных объединениях, где и получают отзыв о реализации

программы руководителей практики, проводят социологическое исследование об уровне готовности современной молодежи к семейной жизни.

III этап реализации программы:

- проведение научно-практической конференции «Молодежь. Семья. Общество», где будут представлены отчеты волонтеров о реализации программы, итоги социологических исследований по данной проблеме, научные доклады студентов, разрабатывающих проблемы семьи и молодежи.

- выпуск научно-методической литературы по итогам программы.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует целостная система подготовки молодежи к семейной жизни, это ведет к отрицательным социальным последствиям в обществе и негативно сказывается на самом институте семьи. Таким образом, необходимость добрачной подготовки современной молодежи как фактора дальнейшей стабильности семьи, особенно на первом этапе ее жизнедеятельности, становится очевидной. Программа, предлагаемая нами, во-первых, сможет информировать молодежь о наиболее важных аспектах семьи и брака. Во-вторых, будет способствовать формированию и укреплению мотивации создания собственной семьи в будущем, поможет осознать молодым людям необходимость создания семьи. В-третьих, сформирует у молодых людей готов-

ность к вступлению в брак и воспитанию будущих детей.

Литература

1. Абзаева А.П. Доклад на аппаратном совещании социального блока о количестве браков и разводов за январь-август 2012 г. по Республике Бурятия (Управление ЗАГС Республики Бурятия).
2. Буртонова И.Б. Воспитательный потенциал семьи в системе социально-педагогической работы дошкольного учреждения // Вестник БГУ. Вып.5. – 2012. – С.176–182.
3. Вершинин В.С. Брачный возраст: конфликт природы и общества // Народное образование. – 2003. – №2. – С. 193.
4. Гребенщиков И.В. Основы семейной жизни. – М., 2006. – 176 с.
5. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 289 с.
6. Зубкова Т.С., Тимошина Н.В. Организация социальной защиты семьи, женщин и детей. – М.: Академия, 2005. – 214 с.
7. Красовский Б.П. Выбор брачного партнера // Социс. – 2004. – №12. – С. 89-92.
8. Лагойда Н.Г. Современная студенческая семья: особенности и проблемы функционирования // Вестник БГУ. – 2009. – Вып. 5. – С. 247–254.
9. Лагойда Н.Г. Изучение истории семьи и ее значение для современной молодежи // Вестник БГУ. – 2008. – Вып.5. – С. 225–232.
10. Савинов Л.И. Семейведение. – Саранск. Изд-во Мордовского университета, 2005. – 256 с.
11. Панкова Л.М. У порога семейной жизни. – М.: Просвещение, 2001. – 144 с.
12. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы (Социально-демографическое исследование). – М., 2008. – 189 с.

Лагойда Наталья Григорьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета. E-mail: aspdep08@mail.ru

Lagoida Natalya Grigorevna, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of social work, Buryat State University. E-mail: aspdep08@mail.ru

УДК 316.74:796

© С.Б. Бымбыгыденова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДЫ СПОРТА КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

(на примере факультета «Физическая культура и туризм»
Республиканского многоуровневого колледжа)

В статье рассматриваются национальные виды спорта как средство социально-духовного развития молодого поколения.

Ключевые слова: национальные виды спорта, социально-духовное развитие, молодежь, национальная борьба, стрельба из лука, конные скачки.

S.B. Bymbygydenova

NATIONAL SPORTS AS MEANS OF SOCIAL AND SPIRITUAL DEVELOPMENT OF YOUNG GENERATION

(on the example of the faculty “Physical culture and Tourism” of the Republican multi-level college)

The article deals with the peculiarities of national sports as means of social and spiritual development of young generation

Keywords: national sports, social and spiritual development, youth, national wrestling, archery, horse racing

Национальные спортивные игры в современном мире играют важную роль во многих социальных процессах и явлениях. Как социальное явление, вошедшее в жизнь стран всего мира, они оформились относительно недавно, тем не менее современное общество невозможно представить без спорта. Развиваясь вместе с обществом, национальные спортивные игры стали выполнять многие значимые социальные функции.

Например, изначально люди занимались национальными видами спорта из-за трудового, эстетического и духовного блага. Но со временем значение спорта модифицировалось в культурно-зрелищное, социально-духовное направление.

На сегодняшний момент значительный интерес и практическую значимость в рамках изучения данной темы представляют работы Г.Н. Манжуева, Б.Д. Сандакова, И.Б. Тугутова, М.Н. Хамгушкеева, Х-Ц.Д. Гомбожаповой, С.В. Калмыкова, Г.Б. Бардамова, В.В. Павлова, А.И. Антропова, а также работы В.А. Фомина [3, с. 5-6]. Г.Н. Манжуев подробно анализирует роль общекультурных и спортивных праздников в развитии и консолидации бурятского народа [4, с. 34-37]. В.А. Фомин, в свою очередь, изучает историю развития национальных видов спорта в Республике Бурятия, а также занимается исследованием возрождения народных традиций [7, с. 26-28]. М.Н. Хамгушкеев рассматривает роль национальных игр в учебно-воспитательном процессе [9, с. 18-23].

Анализируя научные труды и публикации о национальных спортивных играх как о средстве социально-духовного развития студентов, необходимо отметить, что вопросы по этой проблематике не достаточно разработаны.

В настоящее время наблюдается глубочайший духовный кризис человечества. Во многих странах, независимо от общественного строя, нарастают такие явления, как алкоголизм, наркомания, преступность, духовно-нравственная деградация. Материальный достаток не решает проблемы и не устраняет кризис, корни которого достаточно глубоки. Прагматический уклон современной цивилизации привел человека к отчуждению от собственного внутреннего мира и духовных потребностей. Спасение в признании, что не одним хлебом живет человек, но и

высшими духовными ценностями, которые и составляют основу нашего бытия [8, с. 112–115].

Причины духовной стагнации заключаются в смене идеологических ориентаций, в появлении духовного вакуума (проникновение западной коммерческой культуры, культ насилия, эгоизма, обмана). Бездуховность, низкая нравственность, а также грубость, преступность, наркомания, алкоголизм и многие другие пороки нашего времени – все это разрушает человека и общество [8, с. 117-123].

Последствия этого кризиса наиболее заметны на подрастающем поколении. Молодежь, отчужденная от семейной и школьной жизни, от организованных и социально-значимых форм общественного и духовного воспитания, стала одним из основных источников пополнения криминальной среды.

Внимание к молодежи в рассматриваемом контексте далеко не случайно: ведь именно от нее зависит будущее страны, социализация новых поколений.

В то же время от степени вовлечения молодых людей в массовую спортивную деятельность во многом зависит их физическое, психологическое и нравственное здоровье, работоспособность, целеустремленность, эффективность адаптации к внешней среде.

На сегодняшний день, наряду с классическим спортом, возрастает роль национальных спортивных игр как элемента развития личности и общества в целом.

Национальные виды спорта, физические упражнения и народные игры формировались и совершенствовались на протяжении многих тысячелетий. Физическое воспитание было непосредственно связано с трудовым, нравственным, эстетическим воспитанием и закаливанием. Благодаря воздействию системы физического воспитания молодое поколение обретало, развивало и укрепляло физические и психические качества, а также двигательные навыки, которые применялись для трудовых и военных целей.

Для более глубокого изучения значимости национальных видов спорта как социально-духовного развития молодого поколения необходимо проанализировать их у разных народов (бурят, якутов, казахов) в форме сравнительной характеристики.

№	Национальные виды спорта бурят	Национальные виды спорта якутов	Национальные виды спорта казахов
1	Конные скачки. Как и многие народы, с давних времен буряты устраивают конные скачки. Они изучают качество лошадей и умело выбирают резвых скакунов, которых тренируют и готовят к спортивным скачкам	Конные скачки на различные дистанции. У народов Якутии данный вид спорта сформировался относительно недавно, но тем не менее, скачки лошадей вызывают у представителей данного народа необычайное восхищение и восторг	Аламан-байга – скачки в степи или по пересеченной местности на дистанции до 50 км на неоседланных лошадях. Джигит-жарыс – всадники соревнуются в скорости и правильности седловки лошадей с преследующими скачками на них. Победитель определяется не только по первенству в скачках, но и по правильности седловки. Жорга-жарыс – распространенные у казахов скачки иноходью под седлом. За третий сбой на галоп всадника исключают из соревнований. Кунан-байга – распространенные в Казахстане скачки на короткие дистанции обязательно на трехлетних лошадях.
2	Национальная борьба «Бухэ барилдаан». Национальные герои славились необычайной ловкостью, гибкостью, и большой физической силой	«Хапсагай» – якутская борьба. На современном этапе якутская борьба по правилам наиболее схожа с классической борьбой	«Казахша-курес» – казахская спортивная борьба. В Казахстане данный вид спорта считается наиболее перспективным.
3	Стрельба из лука (стрельба по сурам)	«Улар» – стрелковые виды спорта	«Жамбы-ату» – стрельба из лука в цель.

Таким образом, у всех народов наблюдаются единичные, схожие виды спорта: национальная борьба, стрельба из лука и конные скачки. Это явление не случайно, ведь именно «три игры мужей» олицетворяют дух множества, силы и ловкости, которые так необходимы были для трудовой, военной и хозяйственной деятельности.

Конечно же на этом не заканчивается весь перечень национальных видов спорта у народов. У бурят, например, встречается игра «шатар» (шахматы). Цель национальной шахматной игры – развитие интеллектуальных способностей человека. У якутов – якутские национальные прыжки (кылыы) – выполняются одиннадцать безостановочных прыжков с разбега на одной ноге с приземлением на обе ноги), также соревнование по ходьбе на охотничьих лыжах [5, с. 15–17]. У казахов – «аудыспарак» – борьба на лошадях, «кыз-куу» – погоня за девушкой, «кус-салу» – охота с ловкими птицами (охота с беркутами) [10, с. 341–343].

Вся эта богатая палитра способствовала социализации молодых людей, ведь с ранних лет юношей обучали данным видам физических упражнений для дальнейшей адаптации к внешней среде.

По мнению многих специалистов, такие национальные виды спорта, как борьба, стрельба из лука и конные скачки являются наиболее перспективными, играют важную роль в разви-

тии классического спорта и имеют глубокий практический смысл. В силу исторических изменений национальные спортивные игры явились средством нравственного и духовного воспитания на социальном и индивидуальном уровнях.

В настоящее время национальные спортивные игры как явление общественной жизни получают все большее распространение. Ярким подтверждением этому является «Сурхарбан» (стрельба по сурам) и международный фестиваль «Алтаргана» – высший этап развития культурно-спортивных праздников бурятского народа.

Необходимо отметить, что «Сурхарбан» в старину был не просто местом и временем спортивных баталий, а праздником с глубоким психологическим, социальным, философским и педагогическим содержанием. Это была акция единения людей между собой. На современном этапе «Сурхарбан» стал общенародным событием бурят [1, с. 63–72].

В настоящее время «Сурхарбан» значительно модифицировался и, сохраняя прежнее значение, дал толчок появлению нового праздника – «Алтаргана» – международный фестиваль. К играм, спортивным состязаниям, художественным выступлениям (пению, танцам) прибавляются спектакли, выставки произведений изобразительного искусства, научно-практические конференции и др. Все это придает разносто-

ронность, масштабность, значимость и весомость.

В последние дни значительный вклад в развитие традиций национальных видов спорта оказывают Буддийские традиционные сангхи, особенно Иволгинский и Агинский дацан. Они проводят многочисленные соревнования, в которых принимает участие огромное количество спортсменов. Например, каждый год в религиозных хуралах в честь Хамбо-ламы Иволгинского дацана фигурируют около 600 борцов из Монголии, Республики Бурятия, Иркутской области, Агинского округа, Якутии [2, с. 85–88].

С целью выявления роли и значимости национальных видов спорта как средства социально-духовного развития молодого поколения было проведено социологическое исследование методом анкетирования, в котором участвовали 65 студентов Республиканского многоуровневого колледжа.

В данном исследовании приняли участие студенты в возрасте от 17 до 22 лет (17 – 36,4 %, 18 – 41 %, 19 – 9,1 %, 20 – 11,4 %, 22 – 5 %), среди них мастерами спорта являются 40 % учащихся, кандидатами в мастера спорта 60 %.

В рамках данного образовательного учреждения два раза в год проводится аттестация студентов, на которой выявляется нынешний уровень спортивной и учебной подготовки. На аттестации ставится определенная цель по достижению высоких результатов и спортивного и учебного характера для каждого студента. Учащиеся Республиканского многоуровневого колледжа принимают участие в различных соревнованиях: первенство России, первенство мира, чемпионаты Азии и др. В летний период – в соревнованиях с национальным колоритом, где проводятся первенства по национальной борьбе, стрельбе из лука, по конным скачкам, представляя свое поселение.

К мероприятиям можно отнести следующие: религиозные молебны, т.е. хуралы, в которых участвуют 17,9 % опрошенных, связанные с подношением хозяевам местности (обоо тахилга) – 25,3 %, бурятский спортивный народный праздник «Сурхарбан» – 37,3 %, летние праздники с спортивным наклоном «Зунай наадан» – 14,9 %, бурятский фестиваль «Алтаргана» только 4,5 %. Многие спортсмены отмечают, что занимаясь национальными видами спорта, они практикуют свои навыки перед международными и олимпийскими соревнованиями.

Основными видами спорта, которыми занимаются студенты являются вольная борьба (57 %), волейбол (11,4 %), бокс (9,1 %), стрельба из

лука (7 %) и т.д. На данном этапе участвующие в исследовании студенты занимаются выбранным видом спортом от 2 до 10 лет.

По итогам анкетирования нами было выявлено, что большинство студентов занимаются национальными видами спорта (непрофессионально), помимо выбранного классического.

81,8 % опрошиваемых активно занимаются национальной борьбой «Бухэ барилдаан», стрельбой из лука только 13,7 % и конным видом спорта – 4,5 %. Связано это с тем, что с малых лет семьи обучают своих сыновей национальным видам спорта, а затем отдают в спортивные секции. Здесь прослеживается аспект традиции и воспитания.

В рамках социологического исследования, главной задачей было выявить основной мотив участия студентов-спортсменов в соревнованиях по национальным видам спорта.

Лидирующим мотивом для спортсменов (16,7 %) является развитие различных качеств: силы воли, целеустремленности, упорства, уверенности, решительности, смелости, мужества, ответственности и т.д. Следующий этап занимает потребность расширения круга общения, налаживания межличностных взаимоотношений между спортсменами, знакомство с знаменитыми спортсменами и тренерами – 12,3 %. И на третьем месте обосновались мотивы сохранения традиций, развития духовного потенциала. Средним показателем является пропаганда здорового образа жизни (9,3 %). Низшую ступень занимают материальные ценности – 7,4 %.

Таким образом, прослеживается закономерность возрождения национальных видов спорта, влияющих не только на зрелый возраст, но и на молодое поколение. В рамках исследования нами проанализировано, что все виды национального спорта направлены на развитие у молодежи физических и духовных качеств, на воспитание у молодого поколения воли к достижению цели, на единение с природой, культурой, с традициями.

Прежде всего, национальные виды спорта воспитывают морально-волевые качества и выступают как символ сохранения культурного и социального наследия как источника подтверждения тех связей общественной структуры и культурных воззрений, которые упрочивают это наследие. На примере студентов-спортсменов нами выявлено, что молодежь на сегодняшний момент разделяет ценности развития национальных видов спорта.

Литература

1. Бардамов Г.Б., Павлов В.В., Антропов А.И. Аспекты возрождения национальных игр и состязаний в рамках физкультурного образования: матер. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1998.

2. Бымбыгыденова С.Б. Классический спорт и национальные спортивные игры как средство социально – духовного развития студентов // Потенциал молодежи – развитию территории» в рамках Байкальского экономического форума: материалы науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2012.

3. Гомбажапова Х-Ц.Д., Калмыков С. В. Стрельба из лука: история и современность. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. – 124 с.

4. Манжуев Г.Н. Роль общекультурных и спортивных праздников в развитии и консолидации бурятского народа // Вестник БГУ. – № 15. – 2011.

5. Национальные виды Якутой АССР: учеб. пособие для студентов факультета физического воспитания Яутско-

го госуниверситета. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. – С. 15-17.

6. Санданов Б.Д. Эрын гурбан наадан (Три игры мужей). – Улан-Удэ: Соел, 1993. – 160 с.

7. Фомин В.А. Возрождение народных традиций: материалы регион, науч.-практ. конф.: исторические, педагогические и медико-биологические аспекты физической культуры и спорта. – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1999. – С. 26-28.

8. Хачецуков З.М. Образ духовности как фактор социализации молодежи в России // Социализация молодежи на Юге России в XXI веке: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д, 2007. – С. 117-123.

9. Хамгукеев Н.М. Национальные игры в учебно-воспитательном процессе. – Усть-Ордынский, 1998.

10. Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту / гл. ред. Г.И. Кукушкин. – М., 1961. – Т. 1. – 368 с.

Бымбыгыденова Соелма Байровна, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, педагог-психолог Республиканского многоуровневого колледжа. Тел. 89243935199, e-mail: Soela25@mail.ru

Bymbygydenova Soelma Bairovna, postgraduate student, department of political science and sociology, Buryat State University, educator-psychologist, Republican Multi-level College, e-mail: Soela25@mail.ru

УДК 316.324

© В.В. Ихисонова

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА В РАМКАХ СТРУКТУРАЛИСТСКОГО ПОДХОДА В СОЦИОЛОГИИ

Дается анализ некоторых социологических концепций по исследованию социальной структуры общества. Рассматривается теоретико-методологическая характеристика изучения общества в структуралистском подходе.

Ключевые слова: социальная структура, социальная группа, социальная стратификация, социальная динамика.

V.V. Ikhisonova

TO THE ISSUE OF STUDY A SOCIAL STRUCTURE OF SOCIETY WITHIN STRUCTURALIST APPROACH IN SOCIOLOGY

In this article the analysis of some sociological concepts in research a social structure of society is given. The theoretical and methodological characteristics of studying the society within structuralist approach has been considered.

Keywords: social structure, social group, social stratification, social dynamics.

Проблемы, связанные с исследованием социальной структуры общества, динамикой ее развития, являются одними из важнейших в социологии. В настоящее время очевидно, что исследование данных проблем в российской науке приобретает качественно новые характеристики. Следовательно, необходимо еще раз обратиться к методологическим основам анализа динамики социальной структуры общества с учетом мирового опыта социологического знания, накопленного в этой сфере. В статье рассматривается, во-первых, становление некоторых важнейших концепций социальных систем и изменения социальной структуры, во-вторых, наиболее известные в истории социологии прикладные исследования, посвященные данной тематике.

Так называемая «институциональная» трактовка социальной структуры ведет свое начало от Эмиля Дюркгейма, придававшего решающее значение в объяснении социальных явлений, установлению причинных зависимостей между изучаемыми явлениями и социальной средой, образующими ее «социальными фактами», под которыми он понимал различные элементы коллективного сознания: обычаи, верования, мораль и другие. Социальные факты существуют объективно, обладают по отношению к индивиду принудительным воздействием, поэтому они сходны с природными факторами и закономерностями. Видимым воплощением социальных фактов являются социальные институты, при помощи которых общество регулирует поведение людей в отдельных жизненно важных об-

ластях и обстоятельствах. Для Дюркгейма причинный подход был тождественен структурному анализу. Из общего содержания его социологической концепции можно сделать вывод о том, что под социальной структурой он понимал различные элементы ценностно-нормативных структур общества, регулирующие и направляющие поведение индивида. Характерной чертой структуралистической методологии Э. Дюркгейма является антиредукционизм – понимание социального как качественно иного состояния по сравнению с индивидуально психологическим уровнем поведения людей и связанное с этим принципиальное требование объяснить «социальное посредством социального», то есть без обращения к фактам психологии или биофизиологии [1, с. 227].

Другой известный английский социолог и антрополог А.Р. Рэдклифф-Браун почти аналогично Дюркгейму при анализе понятия социальной структуры также апеллирует к методологии естественных наук, полагая, что в социальной науке, как и в любой другой сфере знания, это понятие должно выполнять основополагающую роль, так как именно посредством социальной структуры сохраняется устойчивость и преемственность общественной жизни. Ученый рассматривал общество как систему социальных отношений и взаимосвязей между людьми, сознательно игнорируя ее материально-предметные и природно-физиологические аспекты. Он занимает антиредукционистскую установку, утверждая на несводимости социального к индивидуально-психологическим проявлениям. Понятие социальной структуры используется английским ученым в широком и в узком смысле слова. В первом смысле оно отождествляет социальную структуру со складывающейся в обществе совокупностью («сетью») социальных связей и отношений. Апеллируя к методологии естественных наук, он считает, что любая наука имеет дело не с отдельными, уникальными явлениями, а с типичными, обобщенными, регулярно повторяющимися событиями. Следовательно, то, что нужно для научных целей, относится к форме структуры, под которой понимаются типичные, устойчивые, регулярно воспроизводимые образцы социальных действий и поведения людей. Последние являются результатом абстракции и обобщения многообразных, индивидуально окрашенных действий конкретных личностей.

По мнению Рэдклифф-Брауна, социальная структура является организацией личностей в определенных отношениях и регулируется институтами, представляющими установленные

образцы поведения, относящиеся к некоторой области социальной жизни. Процесс функционирования структуры как раз и представляет собой социальную активность, совместные действия и взаимодействия субъектов, которые включаются в социальные отношения посредством социальной структуры. Из концепции Рэдклифф-Брауна можно сделать следующие выводы. Во-первых, основным элементом социальной структуры выступают не личность и не группа (т.е. не субъекты социального действия), а устойчивые, регулярно воспроизводимые образцы социального поведения – сложные позиции, являющиеся строительными блоками для более усложненных структурных образований, и, в первую очередь, социальных институтов, посредством которых осуществляется нормативная регуляция и координация поведения людей в различных сферах. Во-вторых, сущность структурных элементов как простых, так и сложных, не может быть выведена только из природы самих социальных отношений, а требует признания их зависимости и обусловленности господствующими в обществе культурными стандартами и ценностями. Однако этот ученый был противником аналитического разделения общественной жизни на социальную и культурную, отдавая приоритет первой [5, с. 58].

Т. Парсонс считает главным объектом изучения социологии социальные системы и образующие их социальные структуры. Он больше внимания обращает на динамические аспекты анализа социальных систем, поэтому особое значение придает понятию функций и функциональных требований. Понятие роли, а не статуса (социальной позиции) выдвигается Парсонсом в качестве исходного элемента социальной структуры в силу того, что его интересует динамический, функциональный аспект социальной системы, который представляет собой роль. В своей работе «Социальная система» американский социолог использует для характеристики элементарного уровня социальной структуры статус-роль, в этом он схож с позицией А.Р. Рэдклифф-Брауна.

Между тем Т. Парсонс гораздо большее внимание уделяет институциональному уровню анализа социальной структуры, что обусловлено присущим ему интересом к исследованию макросоциологического уровня общества. При этом институт понимается им как стандартизированная система ожиданий, т.е. норм и правил поведения, относящихся к образцам поведения. Согласно Парсонсу, институционализированные образцы поведения (статус, роль) образуют

главное содержание социальной структуры, т.к. именно они устанавливают границы вариации социального действия, которое перестает носить случайный характер, ибо направляется и регулируется нормативными требованиями институциональных образцов. Отсюда первостепенная значимость изучения институциональной структуры, т.е. различных, взаимосвязанных между собой комплексов социальных ролей-статусов для понимания общественной жизни, поскольку именно эта структура интегрирует социальные действия индивидов, формирует социальный порядок и закономерность. Социальный порядок, изучение которого, согласно Т. Парсонсу, образует главную проблему социологического анализа, может быть правильно понят через изучение процесса структурирования (институционализации) образования устойчивых образцов поведения. Нормально функционирующая социальная система возникает только там и тогда, когда образованы относительно устойчивые образцы поведения, координирующие и направляющие действия людей. Иными словами, происходит процесс институционализации социальных действий людей, обязательной стороной которых является их интеграция в господствующую систему ценностей, т.е. в культурную систему. Следовательно, для Парсонса изучение социальной структуры важно не только в плане его статики как готовой сформировавшейся организации ролей и позиций, сколько в плане динамическом как процесс формирования устойчивого структурного образования, т.е. институционализации. Важность изучения этих происходящих в обществе процессов широко признается в современной теоретической социологии в качестве фундаментальной проблемы. У ученого, как и у других сторонников системно-структурной ориентации, усилия социологического анализа обращены в сторону анализа социальных институтов как главных механизмов интеграции социальной системы. Он неоднократно подчеркивал, что социология является наукой о социальных институтах или об институциональных структурах, т.к. институционализация составляет базовую основу социальных систем, и никакая другая социальная наука не выполняет задачи их изучения [5, с. 111].

Для нас здесь принципиально важно подчеркнуть тот факт, что ведущие представители структурного подхода напрямую связывают изучение социальной структуры общества с деятельностью его важнейших социальных институтов. Прежде всего, таких, как экономика, политика (государство), наука, образование, семья

и др., которые контролируют, регулируют и направляют деятельность людей в важнейших сферах жизнедеятельности, т.к. от их нормальной работы зависит не только стабильность и устойчивость общества, но и его успешное развитие. Обратим внимание на тот факт, что социальные институты в данном контексте образуют второй, или верхний, этаж многоярусной социальной структуры общества, тогда как его исходными элементарными единицами выступают социальные позиции (статусы), которые люди занимают в различных типах социальных организаций и институтах.

Следует признать, что метод структурного анализа, сформированный в трудах А.Р. Рэдклифф-Брауна и Т. Парсонса, имеет существенный недостаток, на который часто обращали внимание его критики. Он заключается в том, что представители структурного подхода игнорируют существование в обществе неинституционализированных образцов поведения, которые составляют значительную часть общественной жизни индивидов. Сюда относятся те виды общественного поведения людей, которые прямо не контролируются социальными институтами, а регулируются народными обычаями, традициями, общественной моралью, а также факторами и направленностями психологии поведения индивидов, групп личностей, толпы. Эти неформальные способы регулирования социальных действий являются важным дополнением к признанным в обществе институционализированным образцам поведения. Зачастую первые вырастают и развиваются из вторых, что вполне естественно, т.к. нормативно одобряемые типы социальных действий не могут противоречить общественной морали и традициям. Но бывают и другие виды неинституционализированных образцов человеческой деятельности, которые возникают и развиваются в противовес господствующим в обществе канонам морали, нормам и ценностям. Эти виды поведения принято относить к девиантному, отклоняющемуся от принятых в обществе норм и образцов, поведению. Ненормативные типы поведения, таким образом, существуют как бы вне институционализированной структуры, вопреки ее требованиям и ожиданиям. Социологический подход к изучению этой проблемы впервые наметил Э. Дюркгейм в своей знаменитой концепции «социальной аномии» [4, с. 436].

Американский социолог Р.К. Мертон показал плодотворность структуралистского подхода для выяснения причин возникновения различных типов отклоняющегося поведения. По его

мнению, основополагающая причина заключается в том, что существующая институциональная структура, ограничивая диапазон допустимых социальных действий людей, приходит в противоречие с господствующими в обществе культурными целями и ценностями и порождает различные виды отклоняющегося поведения («инновации», «ритуализм», «ретритизм», «мятеж» и т.д.). Его концепция обращена, в первую очередь, к современной американской социальной действительности, но ее можно распространить и на многие другие западные общества, которые пронизывают глубокие противоречия между господствующей моралью и идеологией, пропагандирующими ориентацию на достижение жизненного успеха, богатства и материального благополучия, и реальными, официально узаконенными институциональными средствами их достижения, которые весьма ограничены. Далеко не каждый человек, тем более рядовой по своему статусу индивид, оказывается в состоянии реализовать этот идеал западного общества. Не всякий обладает личным состоянием, чтобы заняться бизнесом и т.д. Например, достаточно часто наблюдается социологами прецедент, когда бизнесмены, чтобы получить прибыль, идут на нарушение существующих законов. Так называемые мафиозные структуры – наиболее яркий пример возникновения неинституционализированных путей достижения материального благосостояния. Позитивной стороной мертоновского структурного анализа является то, что он нацеливает исследователя на раскрытие социальных условий и причин, порождающих различные типы девиантного поведения. Это особенно важно для проведения грамотной социальной политики в этой области [3, с. 15].

Конечно, эта методологическая концепция не бесспорна и неслучайно вокруг нее уже не одно десятилетие ведутся научные дискуссии. Ее противники обращают внимание на игнорирование структуралистами субъективно-психологических аспектов отклоняющегося поведения. Не вдаваясь в детали этих дискуссий, отметим, что системно-структурный анализ, бу-

дучи разновидностью макросоциологического подхода, имеет веские основания для того, чтобы игнорировать субъективно-психологические детерминанты социального поведения людей, которые должны быть объектом изучения родственной социологии, по нашему представлению, дисциплины – психологии.

Итак, обобщая вышесказанное, можно констатировать, что структуралистский подход нацелен на изучение институциональной структуры и социальных институтов и позволяет раскрыть главные механизмы, обеспечивающие устойчивость и нормальность функционирования общества. Наряду с этим он может быть использован и для анализа различных типов социальных аномий, возникающих как реакция на господствующие в обществе институциональные образцы поведения. Структуралистский анализ социальной системы общества обладает большими познавательными возможностями, поскольку он в значительной мере реализует дух научной методологии. Это наглядно проявляется в самом характере системно-структурного подхода. Вместе с тем следует иметь в виду и слабые его стороны. Они связаны с особенностями теоретического макросоциологического подхода, который трудно увязать с процедурами эмпирического исследования. Этим объясняется определенный скептицизм социологов-эмпириков к возможностям макросоциологического структурного подхода.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М., 1991. – 461 с.
2. Мертон Р. Социальная структура и аномия // СОЦИС. – 1992. – № 4. – С. 18–29.
3. Общая социология / под ред. А.Г. Эфендиева. – М.: Инфра-М, 2005. – 654 с.
4. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и др. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 266 с.
5. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. – М.: Восточная литература, 2001. – 304 с.
6. Уорнер Л. Социальный класс и социальная структура // Рубеж. – 1997, № 10. – С. 71–88.

Ихисонова Варвара Валерьевна, преподаватель кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Ikhisonova Varvara Valerevna, assistant, department of social work, Buryat State University, Ulan-Ude, Smolin str. 24a.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К НАУЧНОМУ АНАЛИЗУ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ АСОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ

Рассмотрены теоретико-методологические подходы к научному анализу процесса социализации асоциальных категорий населения (на примере молодежи с девиантным поведением). Дано обоснование применения комплексного подхода в изучении причин, детерминирующих асоциальные формы поведения.

Ключевые слова: социализация, методология, асоциальное поведение, социология личности, социология преступности, молодежь.

E.V. Chernova

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO SCIENTIFIC ANALYSIS OF THE PROCESS OF ASOCIAL GROUPS OF POPULATION SOCIALIZATION

In the article the theoretical and methodological approaches to scientific analysis of the process of asocial groups of population socialization (for example, youth with the deviant behavior) have been considered. The use of a complex approach to study the reasons, which determine asocial forms of behavior, has been substantiated.

Keywords: socialization, methodology, asocial behavior, sociology of personality, sociology of crime, youth.

Социализация как предмет научного исследования представляет собой самостоятельную отрасль социологии, изучающую социальные процессы, возникающие в обществе, место и роль в них отдельных индивидов или групп людей. Одним из центральных и спорных вопросов в исследовании социализации является проблема соотношений биологических и социальных элементов социализации личности как в самой социологической науке, так и в других областях знаний.

Большинство современных ученых придерживается позиции, при которой проблема исследования процесса социализации сводится к определению равных соотношений социального и биологического фактора в поведении личности. В связи с этим представляются актуальными исследования в области социальной социологии, психологии, криминологии, чьи методы позволяют выявить природу и источники девиантного и деструктивного поведения.

Важно отметить, что в ходе проведения социологических и других исследований очень сложно как теоретически, так и эмпирически оценить состояние социализации на уровне отдельных индивидов и социальных групп. Это вызвано наличием ряда факторов: во-первых, как таковые критерии социализированности человека, количественные параметры, измеряющие этот процесс, отсутствуют. Процесс социализации глубоко индивидуален и протекает в течение всей жизни человека во взаимосвязи сложных факторов, детерминированных объективными и субъективными предпосылками, в зависимости от внутренних источников челове-

ка, внешней социальной среды и др. Во-вторых, трудно оценить эффективность социальных механизмов в обществе из-за широты его функционирования, наличия в нем многообразных институтов и каналов социализации и состояния, в котором они находятся. В-третьих, процесс социализации непрямолинеен и находится в состоянии постоянной динамики. В-четвертых, процесс интеграции индивида не является простой суммой процессов социализации отдельного индивида. Он имеет типичные для представителей той или иной социальной группы черты и другие социальные характеристики, которые слабо заметны или неуловимы на уровне личности.

Одним из первых отечественных исследователей теории социализации, социологии личности, как уже отмечалось в предыдущем разделе, признан известный психолог и социолог И.С. Кон. В ряде работ им дается толкование как самого понятия «социализация», так и теоретическое обоснование содержания, цели и институтов социализации, а также методология исследований отдельных ее механизмов. Его работы стали существенной предпосылкой для развития современного теоретического и прикладного исследования процесса социализации в форме разработок социологических теорий личности.

Одними из направлений, рассматривающих социализацию как предмет конкретных социологических исследований – социология личности и социология преступности, выступающая в качестве методологической базы для исследования процесса социализации индивида в обществе, в том числе ее отдельных представителей с

асоциальным, делинквентным (преступным) поведением.

Социология личности занимается изучением взаимодействия личности и общества, а также факторов, влияющих на процесс ее социализации, а также теоретической интерпретацией основных понятий. Понятие «личность» может рассматриваться с различных сторон. С одной стороны, это конкретный индивид (лицо) как субъекта деятельности, в единстве его индивидуальных свойств (единичное) и его социальных ролей (общее). С другой стороны, личность понимается как социальное свойство индивида, как совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого или косвенного взаимодействия данного лица с другими людьми и делающих его, в свою очередь, субъектом труда, познания и общения. С точки зрения социологической науки для исследователя наиболее важен второй подход, который позволяет изучать человека как представителя определенного общества, класса, социальной группы и воплощающего в себе типичные для них социальные черты

В социологическом направлении личность в процессе социализации рассматривается как субъект социальных отношений. Основная цель социологического исследования социализации личности сводится к анализу условий и факторов, влияющих на данный процесс. Это представляется возможным посредством использования двух основных видов социологических исследований: эмпирическое и теоретическое. Проблема эмпирического исследования процессов социализации в современной социологической школе вызвана отсутствием специальных методик, определенных исследовательских процедур, способных измерить уровень и эффективность интериоризации социальных норм индивидом и конкретно – эффективность социализации. Но существуют различные методологические подходы, позволяющие исследовать процессы социализации на уровне каналов и агентов социализации.

Наряду с применением статистических методов существует ряд других методик, представляющих собой как теоретическое, так и прикладное направление социологической науки. К их числу, прежде всего, относят социометрический опрос, разработанный Дж. Морено [1, с. 56], который позволяет осуществлять анализ межличностных отношений в малых группах, выявляет уровень конфликтности в них. Создание социометрической эмпирической социоло-

гии явилось одним из наиболее значимых достижений социологии.

В ходе проведения социологического исследования процесса социализации асоциальных категорий населения представляется возможным использование следующих методов сбора информации: *наблюдение, опрос, анкетирование, интервьюирование, анализ документов* и пр. Применение нескольких методов одновременно повышает эффективность и надежность проводимого социологического исследования.

Социология личности рассматривает взаимодействие общества и личности как диалектический процесс. Этот процесс исследуется в различных сферах и на разных уровнях социальной действительности; предполагается выявление каждого из определяющих его факторов, в том числе природных.

Социализация как предмет социологических исследований охватывает широкий спектр проблем взаимодействия личности и общества в конкретных сферах социальной действительности. Часто к нему относятся частносоциологические закономерности, выражающие:

- взаимосвязь и иерархию различных элементов социологической структуры личности;
- функционирование личности во всех сферах общественной жизни;
- реальные формы жизнедеятельности людей, совокупность выполняемых ими социальных ролей;
- направленность личности, т.е. совокупность потребностей, интересов, взглядов, идеалов, выступающих мотивами индивидуального поведения;
- формирование и развитие личности под воздействием различных социальных факторов.

Выделение структуры любого объекта, в том числе и личности, выступает необходимым условием его научного исследования. В соответствии с различными подходами к изучению человека различают органическую, психологическую и социологическую структуру личности в ходе установления социальных связей с окружающим миром.

Психологическая и социологическая структуры находятся в прямой взаимосвязи, причем важнейшей из них является социологическая, т.к. изначально человек обладает социальной сущностью. Современный социологический подход к изучению процесса социализации в среде молодежи рассматривает процесс формирования образования и становления данной социальной группы с учетом исторических условий и реальной социальной среды, в которых

происходит социализация. Основными понятиями, которыми оперирует ученый в ходе исследования процесса социализации личности, и то, на что он в первую очередь обращает внимание, когда научно обосновывает особенность адаптации в той или иной социальной группе, являются общество, социальное положение (позиция), социальная роль, мотив, установка, ориентация, социальный статус личности.

Социология преступности занимается изучением социальных аспектов девиантного поведения людей и представляет собой научную дисциплину, описывающую и объясняющую явление преступности при помощи социологических теорий и методов.

«Исследование социализации в данном аспекте в конце XIX – начале XX в. осуществлялись преимущественно в рамках различных научных дисциплин (наркологии, психиатрии, социологии, криминологии и т.д.). Формирование же социологии девиантного поведения (как одного из направлений теоретического изучения процесса социализации личности) началось в России сравнительно недавно (с конца 60-х гг.)» [2, с. 587].

За этот период изучены и даны социологические объяснения существованию таких форм девиаций в обществе, как наркомания, проституция, самоубийства, алкоголизм, преступность. Отражение в специальной литературе феномена делинквентного поведения в нашем обществе выдвигает его в число острейших социальных проблем. А это, в свою очередь, играет очень важную роль для России в целом, т.к. состояние, уровень распространения, динамика изменения основных показателей социальных девиаций отражают современную социальную действительность.

Социология преступности рассматривает преступность как одну из разновидностей девиантности, позволяет изучать общие причины, генезис, закономерности всех его форм, возникающих в ходе социализации, взаимосвязи между преступностью и иными проявлениями девиантного поведения, а также находить общие механизмы социального контроля.

Социологический подход в изучении и объяснении преступности был последовательно проведен в работе русского исследователя Х.М. Чарыхова [3]. Тематика социологических исследований процесса социализации девиантной молодежи, их взаимосвязь с другими науками во многом определяется реальной криминальной ситуацией в мире и конкретно в России. Конец XX – начало XXI в. характеризуется высоким

уровнем и масштабностью распространения асоциальных форм поведения, особенно среди молодежи. Поэтому направления развития преступности, причины, а также последствия действия десоциализирующих факторов на молодое поколение определяют направление современной исследовательской мысли.

В современной социологической науке существуют проблемы эмпирического исследования процессов социализации, которые вызваны недостаточностью специальных методик, определенных исследовательских процедур, способных измерить уровень восприятия социальных норм отдельными индивидами. Следовательно, целесообразно использовать различные методологические и методические приемы, подходы, позволяющие исследовать процессы социализации на уровне каналов и агентов социализации, на уровне когортно-поколенческих и других исследований. Во многом это возможно благодаря применению системного, организационного и структурно-функционального подхода к исследованию проблем социализации делинквентной личности в трансформирующемся обществе.

В основу исследования социализации личности должны входить различные показатели: социально-демографические (пол, возраст, национальность и т.д.); социально-экономические (образование, уровень доходов и др.); социально-психологические; социально-педагогические, социально-медицинские и др. [4, с. 58]. Все они имеют важный социальный эквивалент, т.к. индивид в процессе социализации выполняет самые различные функции.

В зависимости от цели исследования необходимо проводить качественный и количественный анализ отдельных видов девиаций, их влияние друг на друга, который возможен благодаря использованию факторов их состояний и динамики. Социологический анализ процесса социализации асоциальных категорий населения также направлен на изучение «условий нравственного формирования личности, что помогает установить источники дефектов внутренней сферы лиц, совершающих правонарушения» [5, с. 119].

В социологической науке изучение социализации личности имеет более высокий уровень обобщения, чем в психологии. Для социологов личность является представителем определенного класса или социальной группы. С точки зрения психологической науки это есть объект и субъект общения как член определенной малой группы.

Рассматривая личность в качестве социального субъекта, деятеля, мы подчеркиваем то, как

социальные условия влияют на формирование интересов индивида в процессе адаптации к окружающему миру. Учет данного фактора дает нам возможность подробно изучать социальные условия, которые, по нашему мнению, формируют асоциальное поведение личности в обществе, в частности среди подростков и молодежи.

Методологией исследования в данном случае выступает принцип организации исследовательской работы, в основе которого лежат позиции исследователя, а также выбор конкретных направлений предмета исследования [6, с. 434]. Выбранные методологические приемы влияют на результаты исследования на разных его этапах, на разработку конкретных технических приемов.

Анализ исследований процесса социализации молодежи с асоциальными формами поведения позволяет сделать заключение о существовании некоторых подходов. Первый и очень распространенный подход к определению состояния социализации современной молодежи как кризисной заключается в том, что кризисная среда, в которой происходит становление молодого поколения, способствует кризисной социализации. Данная точка зрения выражена в ряде официальных документов, в том числе и в средствах массовой информации. Кризис социализации, по мнению исследователей, связан в целом с кризисом российского общества.

Социологи, психологи и педагоги указывают на то, что существует ряд факторов, которые необходимо учитывать при анализе социальных проблем молодежи, возникающих в процессе приспособления к изменяющимся условиям окружающей среды. Следовательно, правомерен и тот факт, что исследователь в ходе научного познания сталкивается с различными методологическими трудностями, одна из которых сводится к выделению из числа наиболее общих социальных факторов, влияющих на развитие девиантной личности, доминирующего, способствующего формированию делинквентности в поведении молодых людей еще в раннем подростковом возрасте.

Для этой цели современная наука располагает различными подходами и направлениями эмпирических исследований, позволяющих не только выявить особенности социализации молодежи в современном обществе, но и определить взаимосвязь и взаимообусловленность социальных факторов, способствующих формированию преступного поведения личности. Иными словами, речь идет об изучении сущности того или иного явления или процесса, т.е. установле-

ние главного, основного, определяющего. В нашем случае – это социализация девиантной молодежи и социальная природа преступности в молодежной среде. С этим обстоятельством тесно связано и объяснение ее причин.

Целесообразно выделить три уровня изучения преступного поведения в молодежной среде. На нижнем уровне – индивидуальный поступок, мы изучаем механизм отдельного правонарушения, личность правонарушителя, мотивы его преступной деятельности. На более высоком уровне – философском и социологическом – исследуем состояние, структуру и тенденции молодежной преступности в целом, ее причины, а также отдельные виды преступлений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сочетание социологических методов в ходе исследования процесса социализации индивидов способствует выявлению реальных причин и условий, которые порождают девиации в поведении молодежи и влияют на уровень молодежной преступности в обществе. Получаемые с их помощью выводы большей частью могут быть проверены на практике при условии, что наравне с ними будут применяться другие методологические подходы, которые основываются на выявлении: потребностей и ценностных ориентаций, способов профессионального самоопределения, особенностей социальной адаптации и мотивации трудовой деятельности, мотивации их преступной деятельности.

Помимо этого представляется возможным применение методов исследования, которые включают в себя: социологический опрос специально отобранных групп, в поведении которых присутствуют признаки девиаций, сравнение социально-демографических характеристик индивидов с девиантным поведением и показателей других категорий населения; выяснение механизма девиантного поведения индивидов (социальные, психологические, физиологические факторы и условия). Немаловажной выступает и необходимость получения объективной информации о потребностях, настроениях, мотивах совершения тех или иных правонарушений, ценностных ориентациях, намерениях молодежи с девиантным поведением.

Данные методы удобны тем, что они позволяют получать достоверную информацию об исследуемых индивидах, устанавливают функциональные и причинные связи между различными факторами, детерминирующими девиантное поведение в молодежной среде. Выявление путем социологического исследования особенностей социализации молодежи с девиантным

поведением представляется исключительно важным, поскольку это напрямую связано с формированием мероприятий по социальной профилактике девиаций в их среде [7].

Литература

1. Морено Дж. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. – М., 1958. – С. 56.
2. Гишинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля // Социология в России / ред. В. Ядов. – М., 1998. 2-е изд. – С. 587.
3. Чарыхов В.М. Учение о факторах преступности (Социологическая школа в науке уголовного права). – М., 1910.

Чернова Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета. E-mail: spf15@mail.ru, decspf@mail.ru

Chernova Ekaterina Victorovna, candidate of sociological sciences, associate professor, department of the theory of social work, Buryat State University. E-mail: spf15@mail.ru, decspf@mail.ru

4. Корякина Е.В. Социализация молодежи с девиантным поведением / науч. ред. П.А. Чукреев. - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010, С. 38.

5. Беляев Н.А. Криминология / под ред. В.В. Орехова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1992. – С. 119.

6. Социология молодежи / под ред. проф. В.Т. Лисовского. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. – С. 434.

7. Чернова Е.В. Социальная работа в учреждениях пенитенциарной системы: теоретико-методологические подходы к организации и содержанию деятельности специалистов по социальной работе // Вестник Бурят. гос. ун-та. Вып.5. Психология, социальная работа. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 281 с., С. 225–231.

УДК 347.157

© **Е.Б. Базарова**

К ВОПРОСУ О ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Освещаются различные точки зрения на сущность ювенальной юстиции. Более подробно рассматривает опыт внедрения ювенальных технологий с позиции комплексного подхода на примере Республики Бурятия.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, несовершеннолетний.

Е.В. Bazarova

TO THE ISSUE OF JUVENILE JUSTICE

In the article the author considers various points of view on the essence of juvenile justice. He considers more thoroughly on the example of the Republic of Buryatia the experience of introduction the juvenile technologies sharing a complex approach.

Keywords: juvenile justice, a minor.

Конец XX в. ознаменован появлением Конвенции о правах ребенка. Потребность ее появления объясняется озабоченностью мирового сообщества своим будущим. В преамбуле Конвенции указано, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую охрану, как до, так и после рождения». Человечество признало, что ребенок приобретает права, только ему принадлежащие.

В Конституции РФ 1993 г. в п. 1 ст. 38 указано, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Государственная политика РСФСР с самого начала образования была направлена на спасение жизни детей – главную цель охраны детства. Перед Россией встала другая задача – вовлечение женщин в производство. Поэтому необходимо было расширять сеть детских учреждений.

Политические репрессии не способствовали охране детства. В обществе стала насаждаться

идея о гибели семьи и передаче детей государству. За детьми осужденных, размещенными в детских домах и яслях, осуществлялось наблюдение НКВД с целью выявления политических настроений воспитанников. Многие лишились детства в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). В послевоенные годы, когда миллионы мужчин не вернулись с войны, вновь появилась нужда в женщинах-работницах.

Такова в историческом плане охрана детства в России XX в., которая диктовалась целями такой охраны. Сначала это было спасение жизни ребенка, потом его устройство для высвобождения рабочих рук женщины-матери. В конце прошлого столетия, когда возникла проблема признания несовершеннолетнего самостоятельным субъектом, появились термины «охрана детства», «права ребенка». При этом они рассматриваются в литературе и на практике как тождественные.

Если XX в. не стал в России «веком ребенка», то начало XXI в. принесло динамику социального сиротства, т.е. сиротства при наличии родителей [2, с. 5]. В Республике Бурятия таких детей более 6 тыс.

Такая ситуация осложняет правовую охрану детства, для которой существуют самые разнообразные направления, реализовать которые можно с помощью административного, гражданского, налогового, финансового, трудового, семейного законодательства.

Разнообразие способов охраны детства зависит в большинстве случаев от государственной воли, наличия правовых предпосылок для такой охраны. Поэтому можно согласиться с мнением профессора А.М. Нечаевой о том, что правовую охрану детства можно отнести к самостоятельному правовому институту [2, с. 6].

В связи с этим необходимо выделить такое направление охраны детства как ювенальная юстиция. Профессор Э.Б. Мельникова определяет, что лингвистически сочетание слов «юстиция» и «ювенальная» означает, что речь идет одновременно и об общем, и о специфическом понятии юстиции. Как часть общей юстиции, она наследует ее принципы и институты. Специфическое понятие ювенальной юстиции отличается ее от общей юстиции, создает степень ее автономности.

Понятие «ювенальная юстиция» во всем мире связывается с главным ее звеном – судом по делам несовершеннолетних, что определяет понятие юстиции как правосудия. Э.Б. Мельникова относит к ювенальной юстиции преимущественно и даже почти исключительно специализированные судебные органы не только в виде отдельной системы, но и в виде судебных присутствий, составов, коллегий в рамках судов общей юрисдикции. По ее мнению, «ювенальная юстиция породила целый комплекс несудебных, даже неюридических органов, которые призваны ее обслуживать, имеют вспомогательные функции и нередко в ходе исторического развития ювенальной юстиции начинали активно вытеснять суд как орган правосудия». Кроме того, в противоречие с принципами правосудия идет и неформальная процедура судебного разбирательства в «детском» суде.

Другие же авторы (Е.Д. Ермаков, И.К. Ильчиков) предлагают включить в систему ювенальной юстиции более широкий круг органов:

- комиссии по делам несовершеннолетних;
- уполномоченного по правам ребенка;

- органы и учреждения, связанные с молодежной политикой, обеспечением прав несовершеннолетних;

- органы опеки и попечительства над несовершеннолетними, следствия и дознания по делам несовершеннолетних правонарушителей.

Е.Л. Воронова определяет ювенальную юстицию как систему защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, объединяющую вокруг специализированного суда по делам несовершеннолетних социальные службы (органы и учреждения государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних), общественные организации.

Полагается, что данная точка зрения верна, поскольку в систему ювенальной юстиции должны входить и органы воспитания и образования, учебные заведения, школы, а также органы и организации, занимающиеся разработкой и принятием законодательных и иных правовых актов в отношении несовершеннолетних. Система ювенальной юстиции должна распространяться на все несовершеннолетнее население и определять ориентиры, принципы и нормы его жизни, развития, становления, а не выделять в отдельную категорию несовершеннолетних нарушителей.

В.В. Панкратов данный вопрос разрешает следующим образом: ювенальная юстиция – не просто нормативный институт, принимающий решения на основе жестких норм, это не суд по делам несовершеннолетних, а одно из звеньев системы профилактики, причем важнейшее.

Таким образом, специализированную систему правосудия в отношении несовершеннолетних неправильно отождествлять только с ювенальными судами. Ювенальная юстиция – это система, включающая соответствующее законодательство, а также комплекс государственных и иных органов и организаций, имеющих своим назначением защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, осуществляющих правосудие в отношении несовершеннолетних и реагирующих на правонарушения несовершеннолетних. Ювенальной юстиции присущ и социальный аспект, в который заложены идеи, направленные на воспитание и социальную защиту несовершеннолетнего, сокращение вредного влияния на детей и подростков судебного рассмотрения дел и строгости уголовных наказаний [1, с. 29–30].

Мы за основу возьмем трактовку ювенальной юстиции Е.Д. Ермакова и И.К. Ильчикова. Рас-

смотрим подробнее опыт внедрения ювенальных технологий в Республике Бурятия.

Вопрос о необходимости восстановления ювенальной юстиции в постсоветской России был поставлен в Концепции судебной реформы 1991 г. В настоящее время как самостоятельная подсистема общего правосудия она отсутствует.

Процесс российского законотворчества в области прав и свобод несовершеннолетних обязывает судей до введения в России ювенальных судов совершенствовать рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Судьи РБ проводят определенную работу по развитию правосудия по делам этой категории.

Приоритет в этом направлении отдается своевременному и качественному рассмотрению уголовных дел.

Сложившаяся к данному моменту судебная практика и научные разработки в качестве ювенальных технологий предлагают рассматривать социальную диагностику личности и правонарушения (проступка) несовершеннолетнего, альтернативные методы разрешения споров с участием несовершеннолетних, восстановительное производство по делам несовершеннолетних, социальные проекты по внедрению специализации судей по делам несовершеннолетних в судах общей юрисдикции РФ.

Специализация судей по делам несовершеннолетних действует в судах Бурятии в течение ряда лет. В отдельных районных судах в г. Улан-Удэ уделяется большое внимание социальной диагностике личности несовершеннолетнего, составляются и используются в работе карты социального сопровождения на несовершеннолетнего подсудимого.

Вместе с тем нельзя сказать, что внедрение ювенальных технологий характеризовалось комплексным подходом вплоть до 2010 г. Теперь же на председателей районных (городских) судов возложены обязанности организовать работу по взаимодействию всех структур, специализирующихся на работе с несовершеннолетними, обеспечить составление органами следствия карт социально-психологического сопровождения на основании данных о личности несовершеннолетнего, характеризующих подростка с

разных сторон, а также содержащих сведения о материально-бытовых условиях жизни семьи, информацию из ОВД, КДН, из центров психологической реабилитации (на предмет обращения за помощью) и медицинских учреждений (о состоянии здоровья).

Правосудие среди несовершеннолетних, вопреки распространенному ошибочному мнению, основано вовсе не на снисхождении к правонарушителям, а на понимании причин преступного поведения и поиске эффективных способов воздействия на виновных с учетом их возрастных особенностей. Его цель – попытаться избежать дальнейшей криминализации личности и способствовать социальной реабилитации ребенка, а не отчуждению от общества [3, с. 43–46].

Таким образом, в рассматриваемой нами республиканской системе ювенальной юстиции примером реализуемых ювенальных технологий может быть деятельность комиссий по делам несовершеннолетних, органов следствия и дознания по делам несовершеннолетних правонарушителей, уполномоченного по правам ребенка. На наш взгляд система социальной защиты детства должна включать в себя систему ювенальной юстиции, на деле же они лишь взаимодействуют, но не являются единым целым.

Литература

1. Хайдапова А.О. Ювенальная юстиция: основные подходы и место в правовой системе // Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (16-18 сент. 2011 г.) / науч. ред. Э.Л. Раднаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 256 с.
2. Хориноев А.О. Некоторые вопросы охраны детства в России // Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (16-18 сент. 2011 г.) / науч. ред. Э.Л. Раднаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 256 с.
3. Шупыра Ю.В. О внедрении ювенальных технологий в суды общей юрисдикции в Республике Бурятия // Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (16-18 сент. 2011 г.) / науч. ред. Э.Л. Раднаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 256 с.

Базарова Екатерина Борисовна, преподаватель кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета. E-mail: bazkatya@mail.ru

Bazarova Ekaterina Borisovna, assistant, department of the theory of social work, Buryat State University. E-mail: bazkatya@mail.ru

УДК 316.346.2-055.2

© О.В. Котоманова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА КАК ПУТЬ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ЖЕНЩИНЫ

Рассматриваются особенности профессиональной самореализации женщин, конкурентные качества женщин в процессе становления карьеры, характеризуется мужской и женский стиль управления, гендерная идентичность.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, карьера, профессиональная самореализация, мужской и женский стиль управления, гендерная идентичность.

O.V. Kotomanova

PROFESSIONAL CAREER AS A PATH OF PERSONAL DEVELOPMENT OF WOMEN

The article discusses the features of professional self-realization of women, the competitive properties of women in the process of career development, by masculine and feminine management styles, gender identity are characterized.

Keywords: professional activity, career, professional self-realization, masculine and feminine management styles, gender identity.

Все возрастающее изменение социальных отношений в экономике страны привело к появлению серьезных проблем в сфере занятости женщин, особенно в отношении их карьерного роста. Так, продолжающееся вытеснение женщин из сферы интеллектуального труда, занятость женщин в различных отраслях экономики без официального трудоустройства, дискриминация женщин на рабочем месте определили низкий уровень количества женщин в сфере управления и это притом, что работающие женщины составляют значительную часть трудоспособного населения нашей страны.

Общеизвестно, что профессиональная деятельность является одной из главных сфер самореализации личности. В профессиональной деятельности человек раскрывает и проявляет свои умения и навыки, коммуникативные и профессиональные качества. Именно эта деятельность позволяет человеку быть особой индивидуальностью, добиться признания своей оригинальности и неповторимости, значимости для других людей и для общества в целом.

Профессиональную карьеру следует рассматривать как процесс самореализации индивида в его основной и общественно значимой сфере – в форме продвижения человека от одних профессиональных статусов к другим. В этом проявляется особая роль личности и обязательное согласование потребностей и возможностей индивида с компетенциями и квалификационными требованиями профессии [4, с. 243].

С одной стороны, это означает, что человек смог реализовать себя, а с другой, то, что его деятельность высоко оценена. В связи с этим карьера имеет огромное значение в профессиональном становлении личности. Карьера пред-

ставляет собой деятельность сознательного осуществления профессионального продвижения, в результате которого появляется статус, гарантирующий приемлемый уровень общественного и профессионального признания.

Специфика профессиональной карьеры женщин состоит в наличии полоролевых стереотипов, влияющих на степень проявления ими карьерной активности, а также личностных особенностей женщин, следствием которых выступают усилия, прилагаемые ими в процессе профессионального и карьерного роста. Причем эти усилия выступают главными составляющими готовности женщин к осуществлению карьеры [5; с. 219].

Однако необходимо учитывать и тот факт, что не все женщины стремятся к лидерству в профессиональной сфере. Для одних женщин профессиональная карьера и профессиональный рост стоят на первом месте среди жизненных стратегий и ценностей, то для другой части женщин работа носит поддерживающий характер. Данная категория женщин не стремится занять более высокий пост, руководящие позиции, они самореализовывают себя в семье, их вполне устраивает занимаемая должность и заработная плата. Таким образом, мы не можем рассматривать всех женщин как социальную группу, которой присущи определенные характеристики.

В зависимости от жизненных установок, приоритетов, ценностей, профессиональных и семейных стратегий, различные авторы разделяют женщин на несколько категорий. Наиболее полно типы женщин рассмотрены в классификации социологического исследования ассоциации менеджеров России, проведенном в феврале 2012 г.:

1. «Карьерные женщины» и «профессионально-ориентированные женщины» – стремятся не только сделать карьеру, но и профессионально работать;

2. «Работающие матери» – не желают карьерного роста и выбирают режим неполного рабочего дня;

3. «Домашние хозяйки» – предпочитают совсем не работать [3].

Современные работодатели предпочитают, чтобы у них работали карьерные и профессионально-ориентированные женщины, и конечно, им невыгодно иметь таких работников как матери. Образ домашней хозяйки в обществе поддерживается в основном мужчинами и прочно фиксируется средствами массовой информации. И, наоборот, в профессиональной деятельности женщина преодолевает огромное количество трудностей. Это могут быть трудности как социально-экономического, так и политического характера: кадровая политика руководства, ограничивающая профессиональный рост женщины; непризнание профессиональных качеств коллегами; безработица; жесткая конкуренция со стороны мужчин и др.

Рассматривая профессиональную деятельность, следует сказать и о самореализации личности, которая воспринимается как осуществление индивидуальных и личностных возможностей человека в его творческой деятельности. Человек реализует собственный потенциал, совокупность знаний, умений, навыков, творческие возможности и способности, так как осознает свою значимость, имеет цели деятельности и методы ее осуществления [1; с.220].

Проблема профессиональной самореализации определяется ростом требований к профессиональной деятельности и ростом внимания человека к расширению своих возможностей. Профессиональная карьера для мужчин и женщин выстраивается по-разному, следовательно, нужно определить конкурентные качества женщин, стиль их руководства коллективом, актуальные проблемы женщин-руководителей.

В настоящее время женщина вправе выбирать наиболее импонирующую ей ориентацию на семью, профессиональную или общественную деятельность. Однако женское лидерство в реальном российском производстве продолжает оставаться на довольно низком уровне, что объясняется некоторыми проблемами.

Во-первых, в российской экономике сложилась гендерная асимметрия, при гарантированных Конституцией РФ равных правах мужчин и женщин в сфере управления, женщины, к сожа-

лению, не имеют равных возможностей с мужчинами заниматься руководящей деятельностью. С одной стороны, асимметрия связана с объективными трудностями управления предприятиями, с другой – обусловливается патриархальными стереотипами общества.

Во-вторых – это укоренившийся патриархально-консервативный взгляд на профессию руководителя как на сугубо мужскую. Стоит обратить внимание на то, что все названия руководящих должностей мужского рода («директор», «начальник», «босс», «шеф», «руководитель» и т. п.) и становится понятно, почему женщине приходится преодолевать великое множество барьеров по пути карьерного роста, чтобы занять должность руководителя организации [6].

Директор института экономики и менеджмента, профессор С.Д. Резник в своей работе выделяет несколько актуальных проблем в становлении и развитии профессиональной карьеры современной женщины. «...Каждое появление женщины на уровне высшего руководства представляется, чуть ли не как сенсация. При этом руководитель-женщина вызывает повышенное внимание и воспринимается более критично, чем любой мужчина в этой роли...» [7; с. 44].

Современный мир бизнеса предполагает мужскую манеру поведения и образ жизни. Мужчинам трудно воспринимать женщин, обладающих властью. Профессионально независимые женщины постоянно вступают в борьбу с мужским стремлением к превосходству и существующими в обществе стереотипами по поводу женских способностей. Получается, что женщины вынуждены проявлять свои деловые качества в сотни (иногда и тысячи) раз больше, чтобы их воспринимали серьезно.

Также С.Д. Резник отмечает, что «...существует мнение, что руководители-женщины имеют более слабый «профессиональный капитал»: меньше знают и меньше умеют, ... женщина хуже набирается опыта и, как правило, «застывает», а не развивается в должности...» [7; с. 69]. Выстраивается следующая процедура, при которой если должность освобождается, то более предпочтительные кандидаты преимущественно мужчины, поскольку женщине всегда мешают домашние обязанности.

Успехи женщины в карьере почти всегда изменяют психологический микроклимат семьи, т.к. возрастает ее авторитет как матери и жены. В связи с этим изменяется и сам мужчина, с которым связана судьба преуспевающей жены;

происходит изменение принципов на перераспределение обязанностей в домохозяйстве.

Следовательно, можно сказать, что у женщин существуют большие трудности в продвижении по «служебной лестнице». А успешность карьеры во многом зависит от нее самой, от ее личностных качеств, от умения бороться со стереотипным мышлением общества.

Действительность такова, что женщины достигают успехов в работе не в результате копирования мужского стиля управления, а благодаря использованию своих способностей, которые обеспечивают конкурентное преимущество руководителей-женщин перед мужчинами. Далее рассмотрим ряд преимуществ женщин по сравнению с мужчинами.

Первым и самым весомым преимуществом является высокий образовательный потенциал женщин. По уровню образования женщины лидируют в области как высшего, так и среднего профессионального образования. Женская интуиция в сочетании со склонностью к перепроверке информации через разные источники позволяет выбрать из множества решений благоприятное, разобраться в партнерстве, оценить перспективность начала работы.

По сравнению с мужчинами женщин отличает большая организованность, целеустремленность и последовательность, которые предоставляют возможность женщинам-руководителям прекрасно подмечать и учитывать любые мелочи в работе. Коммуникабельность выражается и в том, что женщины-менеджеры лучше мужчин используют возможности обратной связи, им свойственно доверительное поведение, они быстрее приспосабливаются к изменению условий.

Одно из важнейших качеств – это трудолюбие женщин, способность доводить начатое дело до конца и брать на себя ответственность, что объясняется материнским инстинктом. Руководители-женщины лучше ориентированы на пользователей продукции своего предприятия, на новые услуги, в которых нуждается рынок.

Гибкость и дипломатичность женщин в сочетании с настойчивостью позволяет им эффективнее строить взаимоотношения с деловыми партнерами, находить у них взаимопонимание и поддержку. Женственность, обаяние, логика, развитая интуиция (седьмое чувство) довольно часто используются женщинами-руководителями для решения самых сложных и перспективных направлений. Женщин управленцев отличает от мужчин и большая демократичность, готовность к сотрудничеству и коллективному

принятию решений при умелом распределении обязанностей между подчиненными.

Женщины-руководители более законопослушны, что приводит к установлению конструктивных отношений с органами власти. Подробный и продуманный подход к решению проблем, внимание к мелочам, отличная дружба с цифрами – все эти качества помогают руководителям-женщинам прекрасно воспринимать и анализировать детали [4; с. 243].

Таким образом, современным работающим женщинам необходимо прилагать максимум личных усилий, чтобы создать реальную конкуренцию мужчинам на рынке управленческого труда.

Для рассмотрения более полного портрета современных работающих женщин необходимо остановиться и на их недостатках. Исследователь Е.М. Жидкова называет такие недостатки женщин-руководителей, как нехватка самостоятельности и решительности по сравнению с мужчинами и пишет: «... сами женщины связывают это не с личными особенностями и чертами характера, а с тем, что женщины при проявлении самостоятельности и решительности рискуют больше, чем мужчины...» [2; с. 62].

Большую роль в продвижении специалиста по служебной лестнице играет стиль его общения с коллегами, а в дальнейшем и стиль руководства над ними. Исследователи изучают сходства и различия мужского и женского стиля руководства, и нередко они расходятся во мнениях. Большая часть зарубежных исследований не показывает различий между мужчинами и женщинами в общем руководстве, но раскрывает специфику его проявлений: мужчины более эффективны в масштабном производстве, а женщины проявляют свой авторитет в более мелком, детальном производстве.

Традиционный взгляд состоит в том, что женщины выбирают ориентированное на отношения руководство, поскольку по природе более эмоциональны, а мужское руководство характеризуется настойчивостью и целеустремленностью. Существуют лишь некоторые особенности мужского и женского стиля руководства, которые определены разницей психологической структуры личности у мужчин и женщин. Женщина эффективно реализует как стратегии выживания, так и стратегии развития, определяя более осторожные отношения со своими коллегами и партнерами и, самое главное, избегает рискованных стратегий.

Например, свыше 60% мужчин-менеджеров, работающих под началом женщин, удовлетво-

рены женским руководством и не хотят смены управления. Более половины из опрошенных респондентов к недостаткам управления женщин относят жесткость, а совсем не мягкость, как это принято считать. Сравнивая мужской и женский стилия руководства можно сделать вывод, что женщины-руководители не только не проигрывают мужчинам, но иногда действуют более успешно.

К сожалению, пока еще существует два прямо противоположных мнения по поводу стиля управления, присущего женщинам. Первое мнение – женщины, добившиеся успеха, действовали «мужскими» методами, они агрессивные, жесткие в поведении и авторитарные дамы. Второе мнение – женщины имеют свой собственный стиль управления, они коммуникативные умеют поставить себя на место другого, проявляют материнскую заботу к своим подчиненным, дамы с хорошо развитой интуицией, мягкостью и великодушным терпением.

Исследование, проведенное автором в городе Улан-Удэ (2011-2012 гг.) выявило, что для женщин не характерен жесткий авторитарный стиль управления, их стиль руководства является скорее демократичным. Так 61% респондентов часто советуются с подчиненными при принятии важных решений, хотя это и не распространяется на весь коллектив. Более половины женщин-руководителей имеют доверенных лиц и свой круг подчиненных. Прекрасно знают миссию своей организации и умеют ее представлять 73% женщин-руководителей как государственных и общественных организаций, так и бизнес-структур. Благополучный климат доверия и поддержки в своем коллективе создают 76% руководителей-женщин.

Таким образом, нельзя категорически говорить о том, что женщины, добившиеся успеха в сфере управления, приобретают жесткую, традиционно мужскую манеру, но было бы неправомерным утверждать и то, что им свойственны часто приписываемые женщинам мягкость и излишняя эмоциональность в принятии решений. Успехов в управлении женщина достигает не в результате копирования мужского стиля управления, а посредством творческого подхода, использования присущих только ей стереотипов поведения, совсем недавно считавшихся недопустимыми в управлении.

На становление и развитие женской карьеры влияет не только гендерная идентичность, но и избираемая женщиной гендерная роль. Идентичность представляет существенное, постоянное Я, внутреннее, субъективное понятие о себе

как об индивидууме. Гендерная идентичность, переживаемая относительно собственной принадлежности к мужскому или женскому полу, влияет на состояние психического и соматического здоровья человека, может существенно воздействовать на его личностную самореализацию. Современные условия социализации, индивидуальный жизненный опыт, поведенческие особенности человека в общении, его потребности существенным образом влияют на характеристики гендерной идентичности женщины.

Женская идентичность (равно как и мужская) конструируется благодаря социализирующему опыту. Женский опыт начинается с младенческого возраста, в то время когда родители создают гендерно-нормированный образ ребенка (длинные волосы, яркие красивые платья), поощряют гендерно-нормированное поведение (аккуратность, мягкость). В дальнейшем женский опыт закрепляется институтами социализации, такими, как ровесники, средства массовой информации, которые отстаивают гендерные ролевые стереотипы. Следовательно, гендерная идентичность имеет немаловажное значение не только в становлении и развитии женской карьеры, но и во взаимоотношениях в семье, на работе и по отношению к себе.

Для осознания особенностей женской карьеры стоит отметить еще несколько фактов. Так мужчины и женщины по-разному воспринимают и оценивают успех. Женщины – как гармоничное сочетание благополучия в семье и на работе, а мужчины распространяют свой профессиональный успех на успешность жизни в целом. Кроме того, женская карьера начинается не сразу после окончания учебного заведения и приема на работу, а через несколько лет после начала работы в организации. Во многом это связано с созданием семьи, рождением и воспитанием детей. В создании карьеры женщины сознательно избегают построения неформальных, взаимно полезных отношений, а профессиональные и личные проблемы четко разграничивают, в случае конфликта однозначно выбирают компромиссный путь решения.

Таким образом, профессиональная деятельность и карьерный рост для многих современных женщин являются смыслом жизни, путем самореализации и личностного развития. В профессиональной деятельности человек имеет возможность раскрыть и проявить свои способности, личностные и профессиональные качества. Эта деятельность позволяет человеку добиться признания своей неповторимости, значимости для других людей, для общества в це-

лом и получить подтверждение в идее определенной компенсации.

Современным работающим женщинам необходимо прилагать максимум личных усилий, чтобы создать реальную конкуренцию мужчинам на рынке управленческого труда. Успех профессиональной самореализации зависит не только от компетенций, творческого и креативного мышления, но и от гендерных особенностей личности. В работе были представлены конкурентные качества женщин: высокий образовательный потенциал, коммуникабельность, ответственность, добросовестность, трудолюбие. Приведены некоторые особенности карьерной стратегии женщин, стиль руководства которых отличается индивидуальностью. Каждая женщина-руководитель пользуется опытом других руководителей, в том числе и мужчин, часто проявляет традиционно маскулинные качества, конечно, не забывая о фемининных качествах, но обязательно вносит личностный, индивидуальный компонент в профессиональную деятельность, всегда настроенную на успех.

Котоманова Ольга Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы, декан социально-психологического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Kotomanova Olga Vladimirovna, candidate of philosophical sciences, associate professor, dean of social-psychological department, Buryat State University (Ulan-Ude). Ulan-Ude, Smolin str. 24a

УДК 37.015.3

© Э.Д. Цыденжапова

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Рассматривается сущность социальной компетентности подростков, принципы ее формирования, а также описывается в качестве одного из методов специально разработанный тренинг.

Ключевые слова: социальная компетентность, принципы формирования социальной компетентности, этнокультурная среда, тренинг.

E.D. Tsydenzhapova

FORMATION OF TEENAGERS SOCIAL COMPETENCE IN CONDITIONS OF ETHNIC AND CULTURAL ENVIRONMENT

The article deals with the essence of teenagers social competence, principles of its formation, and a specially developed training is also described as one of the methods of social competence formation.

Keywords: social competence, principles of social competence formation, ethnic and cultural environment, training.

Практически с каждым годом меняются потребности общества, тем самым создавая необходимость в реформах в области системы образования, т.к. оно должно быть адаптировано к нуждам общественности.

Литература

1. Бутовская М.Л. Гендер в современном мире: реалии и перспективы женщин в сфере гендерного равенства // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т.10, №2 (41). – С. 220-221

2. Жидкова Е.М. Специфика женской рабочей силы, занятой в кризисных областях // Экономическая социология. – 2007. – Том. 8. – №2. – С. 61–73. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17755260>

3. Карьерные возможности женщин в сфере бизнеса / PwC Russia. Ассоциация менеджеров. URL: <http://www.pwc.ru/ru/index.jhtml>, март 2012 г.

4. Котоманова О.В. Женщины в российском обществе: проблемы гендерного равенства // Вестн. Бурят гос. ун-та. Вып. 5: Психология, социальная работа. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 243–246

5. Котоманова О.В. Особенности профессиональной карьеры женщины // Вестн. Бурят госун-та. Вып. 5: Психология, социальная работа. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – С. 218.

6. Мордвинов С.В., Фролова А.И., Личик Е.Н. Женщина на предприятии / Экономические науки. Маркетинг и менеджмент, 2008. – №6. URL: http://www.rusnauka.com/23_SND_2008/Economics/26852.doc.htm

7. Резник С.Д. Гендерный менеджмент: женщины в управлении. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 416 с.

8. Чирикова А.Е. Женщина-руководитель во власти и бизнесе: социально-психологический портрет // ПОЛИТ-ЭКС. – 2011. – Т.7. – №.1. – С. 142–162. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16973092>

воспитание, развитие жизнеобеспечивающих навыков и умений.

Термин «компетентность» в наше время затронул практически все сферы жизнедеятельности людей, особенно актуальным стало понятие «социальная компетентность», обозначающее «способность человека выстраивать стратегии взаимодействия с другими людьми в окружающей его изменяющейся социальной реальности» [1].

По мнению исследователей в данной области (Г.С. Голошумова, С.Г. Ежов), понимание компетентности включает в себя следующие компоненты:

1. Помимо общей совокупности знаний еще и знание возможных последствий конкретного способа воздействия, уровень умения и опыт практического использования знаний;

2. Знания человека, которые выступают потенциалом, научно-практическим багажом, но привести их в действие могут лишь дополнительные факторы. Значит, компетентность – это не только наличие знаний и опыта, но и умение распорядиться ими при реализации своих функций;

3. Качества личности, позволяющие эффективно и адекватно ситуации осуществить реализацию своих знаний и умений [2].

К показателям сформированности социальной компетентности в рамках средового подхода некоторые авторы относят:

– личностные изменения: мотивы учения, волевые черты характера, познавательные способности, нравственные черты характера (по Ю.З. Гильбуху), мотивы учения, целеполагание учения, эмоции в учении, умение учиться (по А.К. Марковой), активность – пассивность, самостоятельность – несамостоятельность, продуктивность – непродуктивность (по И.С. Якиманской);

– параметры психолого-педагогического статуса: особенности учебной деятельности – произвольность психических процессов, развитие мышления;

– сформированность важнейших учебных действий, развитие речи, мелкой моторики, умственная работоспособность и темп учебной деятельности, особенности поведения и общения – взаимодействие со сверстниками, педагогами, соблюдение социальных и этических норм, поведенческая саморегуляция, активность и самостоятельность, отношение к учебной деятельности – наличие и характер учебной мотивации, устойчивое эмоциональное состояние (по Е.И. Афанасьевой, М.Р. Битяновой, Н.Л. Ва-

сильевой), характеристики поведения, пассивность – активность, отстраненность – вовлеченность, агрессивность – миролюбивость, проявление стереотипных действий – проявление творческих действий, беспокойство, неуверенность, зависимость – спокойствие, уверенность, независимость, рассеянность, невнимательность, импульсивность – сосредоточенность (по Т.Д. Зинкевич, А.М. Михайлову) [3].

На основе вышеназванных показателей мы бы хотели выделить следующие личностные качества:

- сформированность духовно-нравственных принципов;

-целеустремленность;

- активная жизненная позиция;

- проявление сочувствия;

- любознательность;

- ответственность;

- способность к рефлексии.

Процесс социализации (процесс усвоения индивидом образцов поведения, социальных норм и ценностей, необходимых для его успешного функционирования в данном обществе) достигает определенной степени завершенности при достижении личностью интегрального социального статуса (статус, определяющий положение человека в обществе). Однако в процессе социализации возможны сбои, неудачи. Проявлением недостатков социализации является отклоняющееся – девиантное – поведение – это различные формы негативного поведения лиц, сфера нравственных пороков, отступление от принципов, норм морали и права [4]. Наиболее часто такие сбои в социализации случаются в подростковом возрасте, поскольку это наиболее уязвимый возрастной этап в жизни человека – он легко поддается чужому негативному влиянию, а также зачастую принимает необдуманные решения. Поэтому весьма целесообразным является формирование социальной компетентности именно в этом возрасте.

Одной из отличительных особенностей образовательных учреждений в республике Бурятия является их многонациональный состав, который включает в себе этнокультурное многообразие и необходимость реализации «диалога культур» как основы образовательной системы. Таким образом, процесс формирования социальной компетентности должен быть построен с учетом этнокультурной среды и включать в себя методы по преодолению трудностей взаимодействия между участниками образовательного процесса, т.е. между подростками, а также между учениками и учителем. Другими словами,

необходимо развивать коммуникативные навыки подростков.

Тренинг как активный метод обучения позволяет сформировать конкретные модели поведения у учащихся с социально-дезадаптированным поведением. При разработке методики формирования социальной компетентности нами были выделены основные составляющие тренинговой работы:

- принципы организации взаимодействия ведущего с группой;
- требования к ведущему тренинга;
- требования к организации тренингового пространства;
- структура тренинга.

Принципы, на которых должна строиться групповая тренинговая работа:

1. Принцип добровольного участия подростков в предлагаемой групповой работе по формированию социальной компетентности как в целом во всем тренинге, так и в отдельных его структурных составляющих (рефлексии, играх, основной части, различных упражнениях). Данный принцип, как следует из названия, предполагает, что участие в тренинге и отдельных его компонентах является результатом сознательного, добровольного выбора участника, а не навязано ему тренером.

2. Принцип взаимного уважения участников предполагает полноценное межличностное общение учащихся в ходе тренинга по формированию социальной компетентности, которое основано на доверии, уважительном отношении друг к другу, неагрессивном поведении.

В современной литературе, посвященной тренингу, недостаточно внимания уделяется требованиям, которым должен отвечать ведущий. Мы считаем, что тренер (ведущий) должен обладать следующими личностными качествами:

- терпение;
- искренность;
- чуткость;
- доброжелательность.

Также тренер должен обладать способностью к импровизации, артистизмом, чувством юмора, чтобы уметь разрядить возможные напряженные ситуации. Он должен создавать в группе атмосферу психологического комфорта, гарантировать конфиденциальность всего происходящего в тренинговом пространстве. Ведущий тренинга должен уметь видеть групповую динамику, адекватно оценивать состояние группы, степень когнитивной и эмоциональной удовлетворенности участников происходящим на тренинге, сте-

пень работоспособности, тревожности и утомленности группы в каждый момент тренинга.

Наставник должен постоянно работать над собой, совершенствовать свои профессиональные навыки.

Многие исследователи считают, что весьма важной составляющей, влияющей на ход работы, является организация тренингового пространства. Мы склонны согласиться с этим и считаем, что к тренинговому пространству должны предъявляться следующие требования:

- помещение должно быть достаточно светлым;
- помещение должно быть обеспечено достаточным количеством необходимой мебели (стулья должны быть заранее расставлены по кругу). В углах возможно размещение столиков для работы в микрогруппах.

Материально-техническое оснащение должно быть подготовлено также заранее (доска или ватманы, маркеры, мультимедийное оборудование, ручки, карандаши, бумага, скотч, скрепки, маленький резиновый мячик для знакомства в игровой форме, раздаточный материал).

Предлагаемый нами тренинг формирования социальной компетентности подростков предполагает 15 занятий по 1,5 часа.

Тематическое планирование занятий:

1. Знакомство (1 занятие).

2. Быть в команде – здорово! (2 занятия на командообразование и развитие активной жизненной позиции).

3. Мой класс (1 занятие, посвященное социометрии).

4. Моя школа (1 занятие, которое определяет отношение подростков к школе в целом и учебе в частности).

5. Я и мои друзья (2 занятия, посвященные выяснению направленности референтной группы участников тренинга).

6. Я и мои учителя (1 занятие, направленное на выявление взаимоотношений подростков с учителями).

7. Я и моя семья (2 занятия на определение психологического климата в семье).

8. Все мы разные, но как это здорово! (2 занятия на развитие толерантности).

9. Кто такой лидер? (2 занятия, устанавливающие лидерские качества).

10. Компетентный человек – какой он? (1 занятие).

Наставник по формированию социальной компетентности по структуре состоит из следующих основных компонентов:

1. Вводная часть. В самом начале тренинговой работы во вводной части тренер разъясняет цели занятий, осуществляется процедура знакомства. Для этого мы используем различные элементы игры, которые помогают в более увлекательной форме познакомиться и разговаривать с участниками, показать личный интерес ведущего тренинга к каждому участнику.

После знакомства необходимо предложить участникам самим разработать правила поведения на тренинге, которые будут выполняться на занятиях всеми участниками.

Правила могут быть следующими:

- быть активными;
- правило «микрофон» (поднимать руку, если участник хочет что-то сказать);
- не перебивать;
- быть искренними;

На последующих занятиях, если поведение участников будет противоречить условиям, тренеру достаточно обратить их внимание на плакат с правилами, который вывешивается на самом видном месте.

На каждом последующем занятии мы предлагаем участникам рассказать, что им запомнилось на предыдущем занятии, с каким настроением они пришли сегодня, о чем они хотели бы поговорить.

Иногда можно предложить описать свое настроение в игровой форме: сравнить настроение с каким-либо цветом (растением, животным).

Наиболее информативным методом является ассоциация с цветом, так как позволяет согласно цветовой гамме Люшера определить реальное эмоциональное состояние участника тренинга. Если ребенок выбирает темные тона, это может свидетельствовать об эмоционально-психологическом неблагополучии. На этого подростка следует обратить особое внимание.

2. Разминка. Представляет собой игру или игровое упражнение, предназначенное для увеличения познавательной активности на занятии, снятия скованности ребенка и для отдыха участников тренинга. Лучше всего использовать так называемые энерджайзеры (подвижные игры) и театр-экспромт, который очень нравится подросткам не только младшей возрастной группы, но и старшей, поскольку это одновременно подвижная и веселая игра.

3. Основная часть. Включает в себя информационный блок (мини-лекции), а также упражнения на моделирование социально приемлемого поведения, выхода из конфликтных ситуаций, с помощью деловых игр и мозговых штурмов,

работы в малых группах, и т. д. В основной части реализуется тема занятия.

Очень важным элементом тренинговой работы является использование обратной связи, т.е. тренер должен добиться того, чтобы все участники тренинга работали наравне с ним и также делились информацией.

4. Разминка. Разминки во второй половине тренинга аналогичны тем, что были предложены в первой части. Выбор разминки зависит от состояния группы, потребности в движении, или, наоборот, в снижении активности. Во втором случае можно использовать релаксирующие элементы игры.

5. Рефлексия и подведение итогов занятия. В конце каждого занятия мы обязательно предусматриваем время, чтобы участники могли поделиться своими эмоциями, впечатлениями, мнениями, поговорить о своем настроении и полученных знаниях. Тренер может задавать следующие вопросы:

- что вы сейчас чувствуете?
- какими мыслями вы хотели бы поделиться с группой?
- какие эмоции вы испытывали во время занятия?
- что показалось вам наиболее интересным, новым, неожиданным?
- с каким настроением вы сегодня пришли? Какое оно у вас сейчас?

Подводя итог, необходимо отметить, что основным моментом в формировании социальной компетентности является необходимость в усилении практической стороны образования. На пороге школы каждый выпускающийся ученик, обладая определенным багажом знаний и навыков, должен, прежде всего, уметь применить их в обычной жизни. Таким образом, школа должна научить ребенка не только решать математические задачи, но и развить в нем умение моделировать подобные решения для жизненных ситуаций. Литература должна формировать духовный мир, знания по естественным наукам должны применяться в быту. Таким образом, правильно организованный учебно-воспитательный процесс в комплексе с внеурочными занятиями (к ним мы относим и тренинговые занятия), учитывающими этнокультурный компонент образовательного пространства, будут формировать социальную компетентность учащегося. В результате образовательного процесса мы получаем социально развитую, мобильную, конкурентоспособную, компетентную во многих вопросах личность, которая способна адаптироваться к социально-экономическим изменениям

в обществе благодаря своему комплексу компетенций.

Литература

1. Прямикова Е.В. Социальная компетентность школьников: смыслы и практики // Социологические исследования. – 2009. – № 7, Июль. – С. 126.
2. Голошумова Г.С., Ежов С.Г. Факторы формирования социальной компетентности подростков // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 4. – С. 213.

Цыденжапова Эржэна Доржиевна, аспирант кафедры педагогики Бурятского государственного университета. E-mail: erzhenabal@mail.ru

Tsydenzhapova Erzhena Dorzhievna, postgraduate student, department of pedagogy, Buryat State University. E-mail: erzhenabal@mail.ru

УДК 316.356.2 (571.54)

© Т.М. Долгова

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ ДЛЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Проводится анализ приемной семьи как формы жизнеустройства граждан пожилого возраста, рассматриваются проблемы и перспективы развития приемной семьи в Республике Бурятия. Приводятся данные о социальном портрете граждан, которые создали приемную семью для пожилого человека и граждан, проживающих в данных семьях.

Ключевые слова: приемная семья для граждан пожилого возраста, социальная работа, социальное обслуживание.

T.M. Dolgova

PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF FOSTER FAMILY FOR THE ELDERLY CITIZENS IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article analyzes a foster family as a way of life improvement of elderly citizens, it considers the problems and prospects of development of a foster family in the Republic of Buryatia. The data are provided on the social portrait of citizens who have arranged a family for an elderly person and citizens living in these families.

Keywords: foster family for the elderly citizens, social work, social services.

Создание здоровой и дружной семьи можно назвать самой важной целью и ценностью в жизни любого человека. Особо острую необходимость в семейной заботе в первую очередь испытывают одинокие пожилые люди, которые в силу возраста и состояния здоровья частично утратили способность к самообслуживанию. Семья с хорошим семейным микроклиматом – это возможность продления жизни в домашней обстановке, систематическое оказание различных видов помощи.

Благополучные семейные отношения создают положительный эмоциональный фон, представляющий необходимые условия успешного выполнения рекреативной функции семьи. Для пожилых людей общение в семье выполняет особую компенсаторную функцию [3, с. 202].

Социально-демографическая категория «граждане пожилого возраста» справедливо характеризуется как уязвимая, требующая постоянного внимания и формирующая возрастающий спрос на социальные услуги различного харак-

3. Кракаускене О.П. Развивающая среда межшкольного учебного комбината как условие формирования социальной компетентности учащихся // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 3. – С. 200-201.

4. Балдано Н.С. Опыт организации психолого-педагогической работы с несовершеннолетними, находящимися в пенитенциарном учреждении // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. Культурология. – Улан-Удэ, 2007. – Вып. 4 – С. 280.

тера. Это обусловлено проблемами со здоровьем, недостаточным доходом и часто тяжелыми социально-бытовыми условиями жизни. Таким образом, обязанность органов и учреждений социальной защиты населения республики – обеспечить предоставление гражданам старшего возраста и инвалидам всего комплекса социальных услуг [6].

Сегодня в республике проживает почти 180 тыс. граждан старшего возраста, социальная поддержка которых является приоритетной задачей правительства Республики Бурятия.

В социальной работе с людьми старшего возраста используются разные формы и методы работы: социальное обслуживание на дому, стационарное социальное обслуживание, полустационарное социальное обслуживание (организация ночного пребывания), социальное обслуживание «хоспис на дому» и др. Но на фоне старения населения возникает необходимость поиска новых форм социальной работы по жизнеуст-

ройству пожилых людей, нуждающихся в социальной поддержке и помощи [1, с. 42].

Особое место занимает приемная семья для граждан пожилого возраста и инвалидов. Эта форма социальной поддержки дает возможность одиноким людям жить в комфортной обстановке, сохранять знакомое окружение, ощущать душевное тепло и участие неравнодушных людей. Социальное обслуживание в приемной семье направлено на максимальное продление пребывания человека в привычной для него социальной среде в целях поддержания его социального статуса [2, с. 32].

Опыт разработки и внедрения в России модели приемной семьи для пожилого человека существует во многих регионах (в Самарской, Курганской, Тюменской, Калининградской, Новосибирской областях, в Татарстане, Кубани, на Алтае, в Забайкальском крае, в Ханты-Мансийском автономном округе и др.). На Западе такая форма работы давно зарекомендовала себя с положительной стороны. Разница с российской формой работы заключается лишь в том, что там она носит другое название – фостерная или замещающая семья для граждан пожилого возраста и инвалидов.

Впервые в нашей стране альтернативу государственным социальным учреждениям для граждан пожилого возраста предложили власти Пермской области. В 2005 г. проживание в приемной семье законодательством Пермской области (ныне – Пермский край) было закреплено как особая форма социального обслуживания граждан независимо от возраста. С 2007 г. технология «Семья для пожилого» действует в рамках краевой целевой программы и уже стала одной из форм социального обслуживания. Особенностью развития приемной семьи в данном регионе является психологическое сопровождение, начиная с подготовительного этапа (подбор и предварительная работа с людьми, планирующими взять в семью пожилого человека). Прежде чем пенсионер переедет на новое место, с членами принимающей семьи и пожилым человеком работает психолог, который проводит комплекс тестов на совместимость. В настоящее время в приемных семьях Пермского края проживают около 250 пожилых людей. Причем в приемные семьи принимают не только одиноких граждан пожилого возраста, но и супружеские пары [7].

В Республике Бурятия впервые такой вид услуги начал практиковаться в Баунтовском районе. В апреле 2008 г. было принято постановление правительства Республики Бурятия № 158

«О реализации пилотного проекта «О социальном обслуживании пожилых граждан и инвалидов в приемной семье социального работника», который осуществляет на базе филиала РГУ «Центр социальной поддержки населения» по Баунтовскому району.

В соответствии с постановлением правительства Республики Бурятия от 22.09.2010 г. № 409 «О внесении изменений в постановление правительства Республики Бурятия от 09.02.2009 г. № 38 «О социальном обслуживании населения на дому и в полустационарных условиях государственными учреждениями социального обслуживания Республики Бурятия» социальное обслуживание в приемной семье осуществляется лицами, взявшими на себя обязательства по уходу за одинокими или одиноко проживающими дееспособными гражданами пожилого возраста, одинокими супружескими парами пожилого возраста (женщины старше 55 лет, мужчины старше 60 лет) и инвалидами, частично или полностью утратившими способность к самообслуживанию и нуждающимися по состоянию здоровья в постоянном уходе и наблюдении. Лицо, осуществляющее уход и гражданин не должны иметь родственных отношений.

Решение вопроса о возможности создания приемной семьи принимается непосредственно отделами социальной защиты населения по месту жительства путем прохождения предварительного собеседования и оценки условий проживания обеих сторон.

В приемную семью может быть принят гражданин, проживающий самостоятельно или находящийся в учреждениях стационарного социального обслуживания. По желанию сторон местом проживания приемной семьи может стать как жилое помещение приемной семьи, так и жилое помещение пожилого человека. Приемная семья может взять на социальное обслуживание одновременно не более трех граждан [4].

Приемная семья принимает на себя обязательства по содержанию и обеспечению пожилого человека необходимым уходом, питанием, лекарственными средствами, предметами повседневного спроса, оказанию доврачебной медицинской помощи, медицинскому сопровождению, организует общий быт, досуг на основе взаимоуважения, создавая благоприятный психологический климат.

Лица, взявшие на себя обязательства по уходу за гражданами, получают денежное вознаграждение на основании трехстороннего гражданско-правового договора. В договоре указываются условия осуществления постоянного

ухода, виды и объемы предоставляемых услуг, срок, порядок и размер оплаты за питание и другие услуги, вносимой гражданином в приемную семью, права и обязанности сторон, основания прекращения договора, а также другие условия.

Согласно договору гражданин пожилого возраста отчисляет приемной семье до 75% пенсии. Эти средства предназначены для покупки продуктов питания, одежды, медикаментов для гражданина. Такие отчисления существуют при пребывании пожилых людей в домах-интернатах для престарелых людей и инвалидов. Содержание пожилого человека в приемной семье почти в 2,5-3 раза ниже содержания одного гражданина в стационарном учреждении. Если раньше приемную семью могли создать только социальные работники, то теперь это могут сделать все желающие.

Основанием для отказа в постановке на учет является наличие у кандидата жилого помещения менее учетной нормы на каждого члена семьи с учетом гражданина, отсутствие высшего профессионального образования, среднего профессионального образования или прохождение профессиональной подготовки в образовательных учреждениях Российской Федерации, соответствующих требованиям и характеру выполняемой работы; наличие у кандидата и членов его семьи бактерио- или вирусносительства, хронического алкоголизма, карантинных инфекционных заболеваний, активных форм туберкулеза, тяжелых психических расстройств, венерических и других заболеваний, требующих лечения в специализированных учреждениях здравоохранения [4].

На сегодня в республике проживают 90 приемных семей. Наибольшее распространение данная форма жизнеустройства людей старшего возраста получила в сельской местности, особенно в отдаленных районах. Так, в Баунтовском районе создано 8 приемных семей, в Северобайкальском районе – 7. Это связано с тем, что Баунтовский район стал пилотной территорией услуги данного вида. Началом эксперимента послужил пример социальных работников сельской местности, которые приняли в свои семьи пожилых людей. На территории Северобайкальского района проживает немалое количество одиноких и одиноко проживающих граждан пожилого возраста, не имеющих близких родственников.

Также количество созданных приемных семей в районах зависит от статистических показателей граждан пожилого возраста и инвалидов, проживающих на территории района. Опыт

доказывает, что приемная семья для граждан пожилого возраста и инвалидов востребована у сельских жителей республики.

Повышение уровня и качества жизни пожилых людей – приоритетное направление деятельности правительства Республики Бурятия. Постановлением правительства Республики Бурятия от 28.02.2011 г. № 85 утверждена Республиканская программа «Повышение качества жизни пожилых людей Республики Бурятия» (2011–2013 гг.), в которой используется показатель эффективности данной программы – развитие социальной технологии «приемная семья» для граждан пожилого возраста и инвалидов». В 2013 г. планируется создать 120 приемных семей [5].

Ежегодно увеличивается количество вновь созданных приемных семей. Если в 2009 г. создано 24 приемные семьи, в 2010 г. – 32 новых приемных семьи, в 2011 г. – 24, 26 обслуживаемых, в 2012 г. заключено договоров о создании 43 семей, 45 – обслуживаемых. На 01.01.2013 г. в республике проживает 101 человек в 98 приемных семьях. Таким образом, ежегодно происходит увеличение количества созданных приемных семей.

Рассмотрим социальный портрет людей, которые создали приемную семью для пожилого человека в Республике Бурятия. Из граждан, создавших приемную семью 74,5 % составляют женщины, 25,5 % – мужчины. В приемных семьях обслуживаются 66 (65,3%) женщин и 35 (34,7%) мужчин.

Одним из условий создания приемной семьи оказывается наличие соответствующего образования кандидата (помощника): высшее образование имеют 13,3 %, средне-специальное и (или) профессиональные курсы – 88,5 %. Немаловажное значение имеет то, на чьей территории создана приемная семья – 61 приемная семья проживают в жилом помещении, которое принадлежит лицу, осуществляющему уход (62,5 %), в 37 семьях жилая собственность принадлежит гражданину (37,5 %). Таким образом, можно сделать вывод, что мотивом создания существующих приемных семей не являются корыстные побуждения. По возрастному признаку приемные семьи делятся следующим образом: граждане, создавшие приемные семьи в возрасте 46 – 60 лет – 50,6 %, в зрелом возрасте 25 – 35 лет – 26,4 %, в возрасте 36 – 45 лет – 17,2 %, 61 год и старше – 5,8 %. Большинство граждан, проживающих в приемных семьях, пожилого возраста от 61 до 75 лет (38 %) и старческого возраста от

76 до 89 лет (37 %), долгожителей – 90 и старше всего 7 %, в возрасте 60 лет – 18 %.

Проведен мониторинг, в ходе которого выявлено, что 66,5 % узнали о форме социального обслуживания «приемная семья для граждан пожилого возраста» от специалистов органов социальной защиты населения, 21 % – из средств массовой информации, 12,5 % – от знакомых, родственников. На вопрос «Какими качествами должны обладать люди, принимающие пожилого человека в свою семью?» даны следующие ответы. Наибольшее количество респондентов считает, что человеку, принимающему в свою семью пожилого гражданина присущи такие качества, как доброта, общительность, обеспеченность, воспитанность, хорошее здоровье, терпимость. На вопрос «Почему вы решили создать приемную семью для пожилого человека?» 83,3 % респондентов ответили, что создали приемную семью с желанием помочь пожилому человеку, 12,5 % – с целью избавиться от одиночества и создать семейную обстановку для пожилого человека, у 4,1 % опрошенных мотивом создания приемной семьи послужило признание пожилого человека в роли «бабушки», «дедушки», «родителя», передача традиций старшего поколения младшему. Для респондентов не являются определяющими критериями при создании семьи денежное вознаграждение и улучшение жилищных условий. На вопрос «С чем связаны ваши опасения после принятия в семью пожилого человека?» 54,16 % опрошенных ответили, что волнуются за здоровье пожилого человека, 20,8 % – за процесс адаптации, у остальных опрошенных нет опасений. На вопрос «Какая помощь необходима после принятия пожилого человека в семью?» ответы респондентов распределились следующим образом: для 37,5 % граждан первостепенной помощью является психологическая поддержка, 20,8 % нуждаются в курсах повышения квалификации и материальной помощи, 12,5 % необходимо в сопровождение. На вопрос «Каким образом, на ваш взгляд, следует контролировать качество услуг, предоставляемых пожилому человеку в приемной семье?» 50 % опрошенных предпочитают ежемесячное посещение специалистов по социальной работе, столько же респондентов считают, что нет необходимости контроля. Возраст респондентов, принявших участие в мониторинге: от 36-45 лет – 37,5 %, от 46 до 55 лет – 37,5 %, 8,33 % в возрасте – 18 до 25 лет, 8,33 % – 26-35 лет, 8,33 % – 56-60 лет.

Среди семей, изъявивших желание взять пожилого человека, люди среднего возраста, а вот

гражданам – больше 70 лет, поэтому нравственная сторона договора является основной составляющей в приемной семье: уважение к старости, к заслугам и возрасту, преемственность поколений. Люди, взявшие на себя обязанности по уходу за одиноким престарелым человеком, способствуют возрождению в обществе высоко-нравственных традиций милосердия, сострадания и взаимопомощи.

Одной из трудностей при создании приемной семьи для пожилого человека является подбор кандидатов, которые бы имели возможность принять его в семью. Поэтому одним из важных моментов развития данной формы жизнеустройства является подбор кандидатов, а также профессиональное сопровождение приемной семьи пожилого человека в период адаптации. Создание службы сопровождения семьи для пожилого человека позволило бы осуществлять мониторинг готовности граждан к созданию таких семей, проводить курсы профессиональной подготовки к принятию пожилого человека в свою семью и обеспечивать комплексное сопровождение. Деятельность такой службы будет оказывать содействие в преодолении кризисных ситуаций в межличностных взаимоотношениях, создавать социально-психологические условия для эмоционального благополучия семьи. Это позволит решить психологические проблемы несовместимости пожилого человека и людей, которые создают приемную семью для пожилого человека.

Существуют некоторые трудности при создании семьи на территории города, они заключаются в следующем – если в деревне жители знакомы друг с другом, то в городе приходится пожилому человеку устраивать в совершенно незнакомую семью. Практика показала, что наиболее эффективно проводить работу с теми, кто давно знаком между собой. Также препятствием при организации приемной семьи является несоответствие нормы жилого помещения кандидата установленным требованиям, отсутствие должного образования.

С развитием программы зафиксированы случаи отказа и расторжения договоров о принятии пожилого человека в семью. Расторгли договор в 2012 г. – 34 семьи, 35 обслуживаемых. В основном из-за непредвиденных обстоятельств в семье: смерть граждан, переезд обслуживаемых граждан на постоянное место жительства в другой регион к дальним родственникам, устройство гражданина в стационарные учреждения по причине болезни помощника, а также одной из

важнейших причин является отсутствие взаимопонимания.

Приемная семья может вполне заменить родную семью и тем более стационарное учреждение. На сегодняшний день созданы все условия для комфортного проживания пожилого человека в приемной семье – это обучающие курсы «Старшее поколение: особенности социальной работы в современных условиях» для кандидатов приемной семьи, где рассматриваются вопросы старения, статус старшего поколения в обществе, медико-социальные основы обслуживания людей старшего возраста.

Таким образом, с развитием приемной семьи, во-первых, будет снята острота проблемы жизнеустройства одиноких пожилых людей, во-вторых, им будет обеспечен постоянный уход, в-третьих, предупрежден резкий рост очередности на стационарное обслуживание. Семейная обстановка, уход за пожилым человеком положительно влияют на его психологическое, а иногда и физическое здоровье. Он имеет возможность обрести социальный статус бабушки или дедушки, родителя, наставника, передать традиции старшего поколения. Внедрение данной формы жизнеустройства граждан старшего возраста позволит значительно улучшить социальное самочувствие пожилых людей, послужит укреплению связи поколений.

Для более эффективной работы с кандидатами необходим четкий алгоритм действий по организации приемной семьи, профессиональная подготовка и комплексная система сопровождения. Повышение информированности населения

о приемной семье для граждан пожилого возраста через средства массовой информации также будет способствовать развитию данной формы жизнеустройства.

Литература

1. Бадя Т.П. Инновационные методы социальной работы с пожилыми гражданами // Отечественный журнал социальной работы. – 2009. – № 4. – С. 42–48.
2. Бикмурзина Н.А. Приемная семья – новая модель социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов // Социальное обслуживание. – 2008. – № 3. – С. 31–38.
3. Бутуева З.А. Социализация пожилых людей в современных условиях: исследовательский аспект // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 4 Психология, социальная работа. – 2007. – С. 201–203.
4. Постановление правительства Республики Бурятия от 22.09.2010 г. № 409 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Бурятия от 09.02.2009 г. № 38 «О социальном обслуживании населения на дому и в полустационарных условиях государственными учреждениями социального обслуживания Республики Бурятия» // URL: <http://www.minsoc-buryatia.ru/> (Дата обращения 06.11.12 г.).
5. Постановление правительства Республики Бурятия от 28.02.2011 г. № 85 «Об утверждении Республиканской программы «Повышение качества жизни пожилых людей Республики Бурятия» на 2011–2013 гг. // URL: <http://www.minsoc-buryatia.ru/> (Дата обращения 06.11.12 г.).
6. Постановление правительства Республики Бурятия от 06.09.2012 г. №512 «Об утверждении государственной программы Республики Бурятия «Социальная поддержка граждан (2013-2017 гг. и на период до 2020 г.)» // URL: <http://www.minsoc-buryatia.ru/> (Дата обращения 04.12.12 г.).
7. Приемная семья как форма жизнеустройства граждан пожилого возраста // URL: <http://gendocs.ru/v39433/?page=2> (дата обращения 04.12.2012 г.).

Долгова Татьяна Михайловна, магистрант Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.
Dolgova Tatyana Mikhailovna, graduate student, Buryat State University, Ulan-Ude, Smolin str. 24a

УДК 316.77

© А.Б. Базаров, Т.С. Базарова

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Рассматриваются основные аспекты понятия социальной рекламы, ее видов и сущности. Приводятся результаты опроса по данной теме. Характеризуются проблемы и перспективы развития социальной рекламы в Республике Бурятия.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, PR-технологии.

A.B. Bazarov, T.S. Bazarova

TO THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL ADVERTISEMENT IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

In the article the basic aspects of the concept of social advertisement, its forms and essence are considered. The results of interview on this theme are given. The problems and prospects for the development of social advertisement in the Republic of Buryatia are characterized.

Keywords: advertisement, social advertisement, PR-technologies.

В условиях модернизации современного российского общества деятельность по объяснению целей и задач данного процесса особенно важна, т.к. он сопровождается неоднозначными и сложными событиями в политической, экономической и социальной областях, которые оказывают непосредственное влияние на жизнь конкретных людей. В таких условиях принципиально важной становится способность общества к обеспечению самосохранения, саморазвития и целостности. Существенным потенциалом для решения данной задачи обладает социальная реклама.

Принято считать, что социальная реклама – вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям и направленный на актуализацию проблем общества. Предназначение такой рекламы заключается в формировании нравственных ценностей общества, привлечении внимания к проблемам социума, гуманизации общества. Миссия социальной рекламы состоит в изменении поведенческих моделей в обществе [2, с. 9].

В соответствии с федеральным законом «О рекламе» социальная реклама представляет собой общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей. Таким образом, важно подчеркнуть, что социальная реклама носит исключительно некоммерческий характер. Поэтому можно выделить некоторые типы организаций и институтов, которые ее размещают:

- некоммерческие организации (благотворительные фонды), основная цель рекламы которых – помощь нуждающимся людям и больным;
- ассоциации (торговые, гражданские) пользуются такой рекламой ради создания позитивного общественного мнения. Например, реклама «Позвоните родителям», которая нашла большой отклик среди людей. Этот ролик был создан по заказу Рекламного совета России для решения проблемы стариков и напоминания о заботе о своих родителях;
- государственные структуры (налоговая полиция, ГИБДД и др.).

Исходя из целей, социальную рекламу подразделяют на следующие виды:

- реклама определенного образа жизни. Такая реклама одновременно направлена как против негативных проявлений в обществе (курения, наркомании, алкоголизма, неуважения старших), так и на поддержку здорового образа жизни (укрепление семьи, защиту от СПИДа,

образование детей, занятия спортом, гигиена и правильное питание (например, поощрение грудного вскармливания). Примеры – реклама «Позвоните родителям» и «Не затмевай свое сознание алкоголем»;

- реклама законности и правопорядка направлена на развитие правосознания, защиту институтов гражданского общества, конституционных прав и свобод человека: примеры – реклама «Впиши себя в историю России», «Заплати налоги и спи спокойно»;

- адресная реклама – это информация о местоположении и координатах специальных служб государства и общественных организаций (противопожарные службы, службы спасения, службы охраны порядка, службы психологической поддержки);

- событийная реклама несет пропаганду общественно-значимых событий, ориентированных на сплочение нации посредством определенных идей и концепций (праздники, торжества, спортивные мероприятия). В частности, такой является реклама к 300-летию Санкт-Петербурга — «С праздником, великие люди великого города»;

- реклама милосердия и благотворительности. Например, сбор средств на восстановление храма, проведение сложной операции ребенку, открытие столовых для бездомных, строительство питомников для домашних животных и т.д. [3, с. 39].

Как показывают опросы, в России знают о социальной рекламе достаточно мало. К сожалению, такие ролики существуют в небольшом количестве и человек, зачастую, просто не замечает такую рекламу. Часто реклама просто не может дойти до своего адресата. Заказывают социальную рекламу редко и бессистемно, т.к. нет четкого понятия, какие темы и в каком объеме должны освещаться.

В то же время возможности социальной рекламы практически не ограничены. С ее помощью государство может объяснить населению свою идеологию и свои цели и таким образом взрастить союзников. Можно создать любую модель поведения людей, сформировать отношение общества к тем или иным событиям, явлениям, человеческим порокам или, наоборот, достоинствам.

Вместе с тем социальная реклама сегодня имеет ряд проблем, которые требуют решения.

Одна из проблем социальной рекламы – качество рекламных роликов. Большинство социальных роликов не идут ни в какое сравнение с коммерческой рекламой в плане творческого

воплощения. Неудивительно, что, вынуждая СМИ и рекламные агентства работать практически бесплатно, государство получает продукт неудовлетворительного качества.

Вторая проблема заключается в том, что российское законодательство практически не регулирует сферу социальной рекламы.

Третья проблема – в России нет ни специального координирующего органа в этой сфере, ни определенной программы.

Следующая проблема заключается в том, что отсутствует четкое определение социальной рекламы в законе, понятия социальной и государственной рекламы имеют схожий смысл. Очень слабо разработана законодательная база.

Еще одна проблема обусловлена недостаточным финансированием социальной рекламы.

Говоря о реализации социальной рекламы в РБ, можно отметить, что данная область постепенно набирает обороты и различные организации и объединения проявляют интерес к использованию подобного метода формирования позитивного общественного мнения. Есть результаты реализации данной работы, и они вполне успешны и ориентированы на дальнейшую работу в этом направлении.

В нашей республике активно используют технологии социальной рекламы. В частности, Республиканский центр медицинской профилактики Министерства здравоохранения Республики Бурятия и Республиканский центр профилактики СПИД и инфекционных заболеваний инициируют создание рекламных роликов, постоянно напоминают жителям республики о необходимости профилактики серьезных заболеваний.

Кроме того, одними из мощных инструментов формирования общественного мнения стали традиционно проводимые «Фондом безбарьерной среды» республиканские кинофестивали «Кино без барьеров» и конкурсы среди журналистов, пишущих на тему инвалидности.

Например, социальная реклама о проблемах инвалидов. Инвалидность — не свойство человека, а препятствие. Нам кажется, что пора системно и последовательно разрушать стереотипы об определении «инвалид» как о человеке, не способном работать и заниматься умственной и трудовой деятельностью. Ведь инвалид — это такая же личность как мы, просто с некоторыми физическими ограничениями. Социальная реклама помогает обратить внимание на эту проблему.

В Республике Бурятия большое внимание уделяется рекламе к различным праздничным датам. В г. Улан-Удэ можно увидеть такие рек-

ламные щиты, как «Папа, не пей», «Стоп наркотикам!», «Играйте в шахматы». А также отмечаем большой объем асоциальной рекламы (реклама алкогольной и табачной продукции) [1, с. 27].

Таким образом, приходится констатировать, что в нашем городе доминирует формальный подход – необходимо больше социальной рекламы, поскольку во всем мире это престижно. Социальная реклама – это PR-лицо государства. Формальный подход, хотя и бесспорный в тактическом отношении, в стратегическом плане обречен на поражение.

Чтобы наиболее наглядно представить данную ситуацию, приведем анализ результатов пилотажного исследования, проведенного нами в 2012 г. в г. Улан-Удэ [1, с. 28]. Объектом нашего исследования являлось взрослое население г. Улан-Удэ. Предметом – общественное мнение о социальной рекламе. Цель исследования заключалась в выявлении отношения населения к социальной рекламе.

В результате опроса выяснилось, что большинство опрошенных (52%) не могут объяснить, что такое социальная реклама.

Респондентами было отмечено, что общество чаще встречается с социальной рекламой на вывесках и рекламных щитах – 72%. На втором месте находятся рекламные ролики, транслируемые по телевидению – 65%. На радио социальная реклама встречается намного реже, чем на телевидении – 58%. Лишь 12% опрошенных встречались с социальной рекламой в газетах и журналах. Неудивительно, что рекламные щиты оказались на первом месте, потому что они являются самым доступным средством информации в любое время суток и для любых слоев населения.

Выразили необходимость социальной рекламы 65% всех респондентов. Еще 20% не видят в ней большой пользы и помощи в решении социальных проблем. 15% считают, что в целом социальная реклама необходима и может сыграть не последнюю роль в формировании общественного мнения, но очень маленькая распространенность и низкий профессионализм этих методов в настоящее время в России не позволяет им выполнять свою функцию, поэтому эффективность социальной рекламы очень мала.

Большая часть опрошенных (63%) думает, что производством социальной рекламы в первую очередь должны заниматься государственные органы, социальная реклама нуждается в ответственной государственной поддержке. 19% отметило необходимость финансирования дан-

ной рекламы со стороны различных коммерческих структур.

Что касается количества социальной рекламы – 78% респондентов хотят, чтобы ее было больше. По закону 5% всей российской рекламы должно носить социальный характер, но на деле получается намного меньше.

Самой актуальной темой респонденты посчитали пропаганду здорового образа жизни, профилактику опасных инфекционных заболеваний, популяризацию социально одобряемых действий и правильное поведение в экстренных ситуациях. На втором месте по актуальности укрепление семейных ценностей и распространение соблюдения норм морали. И третье место занимает реклама общественных организаций по охране природы и профилактика межнациональных конфликтов. Как самую запоминающуюся респонденты отметили рекламу антинаркотической тематики и рекламу против курения. Большинство опрошенных отметили, что на их выбор повлияли удачный слоган и визуальное оформление рекламы.

На вопрос «Как вы оцениваете качество социальной рекламы нашего города и в России в целом на сегодняшний день?» только 24% респондентов ответили положительно, 45% опрошенных недовольны состоянием социальной рекламы. Несмотря на то, что социальная реклама стремительно развивается, не перестает быть актуальной проблема ее качества.

Большая часть горожан (55%) полагает, что социальная реклама может повлиять на поведение человека в конкретной ситуации, т.е. большая часть участников опроса согласна с тем, что реклама может быть эффективным профилактическим средством [1, с. 28].

Превращение социальной рекламы в эффективный механизм саморегуляции современного общества требует значительных усилий по выведению такой рекламы в России на качественно новый уровень – преодоление общего безадресного характера многих рекламных сюжетов, ориентация на позитивное гуманистическое понимание человека, четкой дифференциации социальной, коммерческой и политической рекламы, использование интерактивных социальных технологий. Моментально социальная реклама повлиять не может. Общественное мнение по какой-либо проблеме формируется постепенно. И она может воздействовать на людей колеблющихся, например, еще не до конца пристрастившихся к пагубным привычкам.

Как свидетельствует проведенное исследование, люди знают о социальной рекламе крайне

мало, и если сравнивать роль социальной рекламы в зарубежных странах и в России, то в нашей стране уровень ее распространения гораздо ниже.

Для того чтобы социальная реклама в полной мере могла повлиять на граждан, требуется усиленная работа и внимание со всех сторон для ее развития. От ее развития зависит в какой-то степени сознание общества, его взгляд на тот или иной институт, мнение о происходящих процессах в различных областях нашей действительности. Люди серьезно озабочены происходящими негативными тенденциями в обществе, следят за акциями, проводимыми в поддержку решения актуальных вопросов: стремительное распространение наркомании, алкоголизма и СПИДа и призывают к большей активности в данной области.

PR-значимость социальной рекламы для государства очевидна. Граждане хотят чувствовать себя подопечными, хотят видеть, что о них проявляют заботу. Но помимо PR-аргумента есть соображения, связанные с тем, что социальная реклама в умелых руках может быть эффективным инструментом социальной политики и давать зримые и важные для общества практические результаты. Именно в этой роли она ценна и ничем иным не заменима. Социальная реклама – это способ мобилизации и координации добровольной активности членов общества с целью решения актуальных, общезначимых социальных проблем, которые невозможно удовлетворительно решать с помощью стандартного набора государственных административно-правовых средств.

На наш взгляд, есть следующие выходы из данной ситуации.

Во-первых, надо попытаться пробудить интерес рекламных агентств и СМИ к социальной рекламе. Если специалисты искренне заинтересуются этим видом рекламы, то они будут подходить более ответственно и креативно к своей работе, а это сделает социальную рекламу более заметной и популярной в нашей стране. То же самое касается и СМИ. Как это сделать? Государство должно выделять создателей социальной рекламы, проводить творческие конкурсы на выявление лучших роликов, лучших специалистов в этой сфере, делать обзор социальной рекламы на рекламном рынке РФ.

Во-вторых, ввести материальное поощрение в виде льгот для рекламных агентств и СМИ. В этом случае социальная реклама вполне могла бы быть механизмом поддержки конкурентоспособной прессы.

Можно также сделать вывод, что в современной России отсутствуют четкие правовые нормы в отношении социальной рекламы. Социальная реклама пока не стала явлением, серьезно влияющим на общество.

Таким образом, на сегодняшний день все больше признается необходимость применения социальной рекламы, более того она должна приносить пользу как обществу, так и бизнесу, власти.

Специалисты утверждают, что по уровню развития социальной рекламы можно судить об уровне развития гражданского общества страны.

Стоит предположить, что у социальной рекламы в нашей стране, также как и в нашем регионе, есть огромный потенциал развития. Ведь она является мощным инструментом формирования общественного мнения. Это весьма необходимо российскому обществу в данный период, поскольку такая реклама способствует социальной поддержке населения, восстановлению гу-

манистических отношений между этими людьми и на этой основе – развитию новых экономических связей и построению гражданского общества.

Вопрос о новых направлениях социальной рекламы, о том, кто должен финансировать социальную рекламу, какой она должна быть, остается открытым и подлежит дальнейшему исследованию.

Литература

1. Базаров А.Б., Бадмаева Н.И. Социальная реклама: проблемы и перспективы развития в современном обществе // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: мат-лы науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. – С. 27–29.
2. Николайшвилли Г.Г. Социальная реклама: теория и практика. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 175 с.
3. Федотова Л.Н. Реклама в коммуникационном процессе. – М.: Камерон, 2008. – 124 с.

Базаров Аюр Бимбаевич, студент филологического факультета Бурятского государственного университета.

Базарова Татьяна Содномовна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории социальной работы Бурятского государственного университета. E-mail: tbazarova@mail.ru

Bazarov Ayur Bimbaevich, undergraduate student, philological department, Buryat State University.

Bazarova Tatyana Sodnomovna, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the theory of social work department, Buryat State University. E-mail: tbazarova@mail.ru

УДК 316.356.2

© А.А. Трусова

ПОДГОТОВКА КАНДИДАТОВ В ЗАМЕЩАЮЩИЕ РОДИТЕЛИ И СОПРОВОЖДЕНИЕ ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Рассмотрен опыт работы Республиканского агентства по делам семьи и детей по семейному устройству детей, оставшихся без попечения родителей. Проанализировано развитие школ подготовки кандидатов в замещающие родители и служб сопровождения замещающих семей, выявлен ряд проблем.

Ключевые слова: дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, замещающие семьи, подготовка кандидатов в замещающие родители, сопровождение замещающей семьи.

A.A. Trusova

TRAINING OF PROSPECTIVE FOSTER FAMILIES AND SUPPORT OF THESE FAMILIES IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

This article considers the experience of Republican Agency for Family and Children concerning family arrangement of children left without parental custody. The development of schools that train prospective foster families and support system for these families has been analyzed, a number of problems has been revealed.

Keywords: orphans and children left without parental custody, foster families, training of prospective foster families, support system of foster family.

Каждому ребенку для полного и гармоничного развития личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия общая численность детско-

го населения в Республике Бурятия составляет около 250 тыс. человек [здесь и далее статистические данные Республиканского агентства по делам семьи и детей].

К сожалению не все из этих детей имеют родителей. В Республике Бурятия насчитывается более 6 тыс. детей-сирот и детей, которые по

разным причинам остались без попечения родителей.

В течение ряда лет в Республике Бурятия, как и в целом по Российской Федерации, отмечается снижение численности выявляемых в течение года детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. При этом увеличивается численность детей, переданных на семейные формы воспитания.

В последние годы развитие семейных форм устройства детей в нашей республике получило активное распространение. На это направлены целый комплекс мер, сочетающий управленческие действия с информированием населения о мерах государственной поддержки замещающих семей, созданием системы подготовки кандидатов в замещающие родители и сопровождение семьи на всех этапах ее развития.

Важным этапом в создании замещающей семьи (семьи усыновителей, опекунской или приемной семьи) является подготовка кандидатов в замещающие родители, оказание профессиональной помощи и поддержки. Именно на это особое внимание обращено и в действующем законодательстве Российской Федерации, которое недавно вступило в силу.

С 1 сентября 2012 г. федеральным законом от 17.11.2011 г. «О внесении изменений в ст. 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации и ст. 271 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» устанавливается обязательная подготовка кандидатов в замещающие родители – «Подготовка лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, осуществляется в целях психолого-педагогической и правовой подготовки этих лиц».

Задачами подготовки кандидатов в замещающие родители является:

- подготовка граждан к приему на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявление и формирование у граждан воспитательных компетенций, а также родительских навыков для содержания и воспитания ребенка, в том числе для охраны его прав и здоровья, создание безопасной среды, успешной социализации, образования и развития;

- помощь кандидатам в замещающие родители в определении своей готовности к приему на воспитание ребенка, оставшегося без попечения родителей, в выборе формы устройства ребенка на воспитание в семью, в осознании реальных проблем и трудностей, с которыми им предстоит встретиться в процессе воспитания приемного ребенка;

- ознакомление кандидатов в замещающие родители с основами законодательства в сфере защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей, правами и обязанностями приемных родителей, существующими формами профессиональной помощи, поддержки и сопровождения приемных семей [из письма Министерства образования и науки РФ № ИР-713 от 24.08.2012 г.].

Программа и порядок осуществления подготовки кандидатов в замещающие родители в соответствии с п. 4 ст. 127 Семейного кодекса Российской Федерации утверждается органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Порядок осуществления подготовки кандидатов в замещающие родители устанавливает основные правила проведения подготовки кандидатов в приемные родители на территории субъекта Российской Федерации.

К содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей предъявляются определенные требования, которые закреплены приказом Министерства науки и образования Российской Федерации от 20.08.2012 г. № 623. Данные требования определяют примерную структуру программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей.

Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации самостоятельно определяют содержание разделов и трудоемкость программы, требования к уровню подготовки кандидатов в замещающие родители, успешно ее освоивших, форму проведения подготовки (очную или очно-заочную), а также использование дистанционных методов подготовки при ее проведении в очно-заочной форме. Общая трудоемкость программы должна составлять не менее 30 и не более 80 академических часов (из них не менее 70% академических часов практических занятий (тренинга), включая итоговую аттестацию (собеседование).

По окончании обучения кандидаты в замещающие родители получают свидетельство о прохождении подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, на территории Российской Федерации. Форма данного свидетельства также утверждена приказом Министерства науки и образования Российской Федерации от 20.08.2012 г. № 623. Необходимо отметить, что срок действия свидетельства законодательством Российской Федерации не установлен.

Гражданам, желающим принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, предоставлено право самостоятельного выбора организации, в которой они будут проходить подготовку кандидатов в замещающие родители на территории субъекта Российской Федерации, независимо от места их жительства или пребывания в пределах субъекта Российской Федерации.

Обучение кандидатов дает возможность подготовить их к качественному исполнению воспитательных и родительских функций, обеспечивает их правовым и психолого-педагогическим минимумом знаний об особенностях развития детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, помогает обучить элементам эффективной модели взаимодействия с детьми.

В Республике Бурятия порядок и программа подготовки лиц, желающих принять в свою семью детей, оставшихся без попечения родителей, разработаны Республиканским агентством по делам семьи и детей.

В настоящее время пройти обязательную подготовку потенциальные родители могут в школах подготовки замещающих родителей работающих при службах сопровождения замещающих семей во всех районах республики, кроме Муйского.

Всего в школах подготовки кандидатов в замещающие родители за 2012 г. подготовлено около 600 кандидатов, из них около 30% стали замещающими родителями.

Успешен опыт обучения кандидатов в приемные родители в школах на базе ГОУ «Детский дом «Малышок», а также ГУСО «Тарбагатайский СРЦН».

Практика работы в сфере семейного устройства детей показывает, что очень важно оказывать поддержку и помощь замещающим родителям не только на этапе принятия решения, но и период адаптации всей семьи с приемным ребенком и в последующем, что означает необходимость создания профессиональных служб.

Такая необходимость подтверждается статистикой возврата детей в интернатные учреждения из опекунских и приемных семей и причинами таких возвратов. Из перечня причин отказов видно, что многие из перечисленных проблем могут быть разрешены с помощью специалистов служб сопровождения.

Поэтому важно выстроить систему качественной социальной, психологической, педагогической помощи и поддержки детей и замещающих родителей.

Сопровождать – значит проходить с кем-либо часть его пути в качестве спутника или провожатого. Идея сопровождения как воплощения гуманистического и личностно-ориентированного подходов связана с реализацией прав ребенка на проживание в семье и полноценное его развитие.

Основной целью сопровождения является помощь в актуализации внутренних и внешних ресурсов человека для решения насущной проблемной жизненной ситуации.

В Республике Бурятия служба сопровождения замещающих семей действует с 2009 г.

Деятельность службы сопровождения направлена на создание условий для оптимального развития ребенка в замещающей семье. Она создана с целью оказания социальной, психологической, педагогической помощи приемным родителям, опекунам (попечителям), усыновителям в создании благоприятной ситуации проживания, воспитания, образования и развития детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях замещающей семьи.

В республике складывается система сопровождения замещающих семей, имеющая три уровня:

- первый уровень представляет ГБУ «Республиканский центр по работе с семьей и детьми» (методическая поддержка при создании и деятельности служб сопровождения);

- второй уровень – районные и межрайонные службы сопровождения (сопровождают замещающие семьи одного или нескольких районов)

- третий уровень – локальные службы сопровождения замещающих семей (сопровождают замещающие семьи одного поселения)

На сегодняшний день действует 24 службы сопровождения замещающих семей на базе учреждений, подведомственных Республиканскому агентству по делам семьи и детей, и в общеобразовательных учреждениях.

В работе служб сопровождения замещающих семей можно выделить несколько основных этапов.

Первый этап – это информационная кампания. Работа специалистов служб сопровождения идет в тесном сотрудничестве с представителями различных видов СМИ (публикуются статьи в газетах, устанавливаются информационные стенды и баннеры, печатаются буклеты, брошюры о жизнеустройстве и сопровождении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей). Информационная кампания проводится с целью создания положительного имиджа заме-

щающих семей и пропаганды успешного опыта воспитания ребенка в замещающей семье.

Второй этап работы службы сопровождения – обучение кандидатов в замещающие родители, т.е. работа школы подготовки замещающих родителей, одно из важнейших направлений деятельности службы.

Третий этап работы службы – комплексное психолого-педагогическое сопровождение уже созданной замещающей семьи. Специалисты служб сопровождения оказывают помощь приемным, опекунам семьям и семьям усыновителей – на заявительной основе.

За 2012 г. специалистами служб проведено около 6 тыс. консультаций гражданам, обратившимся в службы, и профессиональным сопровождением было охвачено около 2 тыс. замещающих семей.

Деятельность служб сопровождения замещающих семей должна быть направлена на создание условий для оптимального развития ребенка в замещающей семье и специалисты службы наравне с замещающими родителями несут ответственность за благополучие детей.

Несмотря на позитивный опыт развития служб сопровождения замещающих семей и школ подготовки замещающих родителей в Республике Бурятия в их деятельности есть и проблемные стороны:

- продолжают возвращаться из замещающих семей в учреждения, из них около половины детей возвращены в связи с несложившимися взаимоотношениями. Это свидетельствует о недостаточной подготовке кандидатов в заме-

щающие родители и того, что не в полной мере осуществляется профессиональное сопровождение замещающих семей;

- необходимо повышение компетентности и квалификации специалистов, осуществляющих работу по подготовке замещающих родителей и их сопровождению;

- большинство специалистов совмещают основную работу в учреждении и работу в службе сопровождения, которая является для них дополнительной нагрузкой, что сказывается на эффективности и качестве работы;

- отдаленность замещающих семей от служб сопровождения требует больших транспортных затрат, что тоже является проблемой;

- в г. Улан-Удэ на сегодняшний день работает одна служба сопровождения замещающих семей на базе ГУСО «Республиканский СРЦН» (5 специалистов), которая не может охватить профессиональным сопровождением все замещающие семьи г. Улан-Удэ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день дальнейшее развитие и становление школ подготовки замещающих родителей и служб сопровождения замещающих семей является приоритетным.

Совершенствование существующей системы семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, направленное на обеспечение и гармонизацию интересов ребенка и лица, взявшего его на воспитание, является одной из актуальных задач реформирования системы социальной защиты детей в России.

Трусова Антонина Афанасьевна, магистрант Бурятского государственного университета, главный специалист ГБУ «Республиканский центр по работе с семьей и детьми» при Республиканском агентстве по делам семьи и детей, 670024 г. Улан-Удэ ул. Добролюбова д.6 «а» каб. 6, тел. 8(3012)44-70-51, e-mail: trusova.aa@mail.ru

Trusova Antonina Afanasevna, graduate student, Buryat State University, chief specialist, Republican Center for Family and Children at Republican Agency for Family and Children, 6a Dobrolyubova Str., office 6, Ulan-Ude, 670024 Republic of Buryatia, Ph. 8(3012)44-70-51, e-mail: trusova.aa@mail.ru

УДК 316.74:81

© Н.С. Антонова

ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

В данной статье рассматриваются социальные факторы трансформации языкового поведения, такие как общественный статус языков, типы их взаимодействия и их функциональная дистрибуция в основных коммуникативных сферах, языковая компетенция различных национальных и социально-демографических групп населения.

Ключевые слова: язык, языковое поведение, личность, статус языков, двуязычие.

N.S. Antonova

THE LINGUISTIC BEHAVIOR OF PERSONALITY AS AN INDICATOR OF SOCIAL STRATIFICATION AND THE ROLE OF LANGUAGE CHANGES IN THE PROCESS OF MODERNIZATION

This article examines social factors of the transformation of linguistic behavior, such as: social status of languages, types of their interaction and their functional distribution in the main communicative spheres, language competence of various national and socio-demographic groups.

Keywords: *language, linguistic behavior, personality, status of languages, bilingualism.*

Современные социокультурные реалии актуализируют проблему социализации личности на основе эффективного владения языком. Лингвистические аспекты образования становятся основой интеллектуального развития и саморазвития личности, ее готовности к продуктивной деятельности в обществе, так как вооружают личность основным инструментом для получения знаний в любых сферах образования и обеспечивают возможность самопознания и самореализации в социуме.

О влиянии трансформаций в политике и экономике на речевое поведение, на возникновение литературных языков, на вытеснение одного языка другим, образование "смешанных языков" и т.п. существует обширная литература [1]. Научные данные не оставляют сомнения в том, что указанные явления обусловлены социальными причинами, а не строением человеческого тела, климатом или географической средой, как полагали раньше. В ряде работ была показана прямая соотнесенность языковых трансформаций с изменениями в обществе. Однако до сих пор у нас нет теории, которая могла бы объяснить, как те или иные конкретные факторы социальной системы приводят к изменениям в языке и как языковые структуры меняются под воздействием этих факторов. Кроме того, до последнего времени структурная лингвистика уделяла мало внимания территориальным и социальным разновидностям языка в пределах единого культурного ареала – основному источнику сведений при лингвистическом изучении истории языка. Лингвисты занимались преимущественно разработкой методов, а это привело к тому, что изучались главным образом единые гомогенные грамматические системы. Исследователи речевого поведения в тех или иных конкретных коллективах обычно отрицали применимость формальных методов к их области изучения. В последнее время представители социальных наук все больше и больше осознают значение показаний данных языка для их исследований [2]. Возрождается интерес к языку как показателю со-

циальной стратификации и к роли языковых изменений в процессе модернизации.

По мере того, как мы все более детально знакомимся с речевым поведением в коллективах, неоднородных в лингвистическом отношении, мы все больше убеждаемся, что границы отдельных языков или диалектов далеко не всегда совпадают с границами социальных групп и что языковое варьирование и контакты языков часто целесообразнее рассматривать как проблемы внутри-, а не межгрупповые. Единый языковой коллектив может включать группы реликтовые, в речи которых сохраняются формы, давно вышедшие из употребления, и группы, склонные к инновациям, в речи которых происходят быстрые изменения. Кроме того, в двуязычном обществе говорящие обнаруживают разные степени владения языками. Одни из них одинаково хорошо владеют обоими языками, другие – регулярно пользуются только одним языком, а другой язык знают лишь поверхностно. Сравнительный анализ речевого поведения таких групп населения в связи с их социальными характеристиками должен отражать происходящие в обществе процессы языкового изменения.

В основе любого исследования языковых трансформаций лежит та или иная теория о процессах, управляющих диффузией языковых форм. По существу, большая часть исследований в прошлом также опиралась на какую-то теорию – эксплицитно или имплицитно. Однако в подавляющем большинстве случаев исследователи языковых изменений оперируют простой иерархической моделью общества, в котором население подразделяется на ряд дискретных групп, различаемых с помощью таких категорий, как класс, каста, род занятий, пол и т.п. Считается, что внутри этой структуры инновации распространяются вниз по социальной иерархической лестнице от одного диалекта (или языка) к другому посредством престижной имитации (*prestige imitation*) – данный термин используется для обозначения ситуации, при которой низшие или менее привилегированные группы воспринимают формы, употребляемые

привилегированной верхушкой. Исходным здесь является положение о том, что у каждой категории имеется особая форма речи, или диалект, отличный от всех форм.

Некоторые данные в поддержку этой теории мы находим в исторических памятниках, наблюдая, как формы, бывшие сначала исключительным достоянием высших классов, получают впоследствии широкое распространение и становятся частью обычного разговорного употребления. Но речевого поведения в современных обществах такая модель не объясняет. Если мы применим ее к речевому коллективу, охарактеризованному (вслед за Блумфилдом [4]) в терминах частоты взаимодействия между индивидуумами или подгруппами, тогда диффузия инноваций, протекающих в одном направлении – сверху вниз, должна была бы с течением времени привести к гомогенности языка.

Для социолингвистики речевое поведение – это процесс выбора того или иного социально приемлемого варианта. Отсюда следует, что социолингвистическое моделирование речевого поведения должно выявить закономерности этого выбора, лежащие в его основе правила, даже если они далеко не всегда могут быть сформулированы в виде однозначных алгоритмов поведения. Иными словами, задача состоит в том, чтобы выявить логику выбора. Вся сложность проблемы заключается в том, что, как уже отмечалось выше, социально детерминированное речевое поведение представляет собой процесс, зависящий от множества переменных величин, имеющий несколько возможных исходов и допускающий возможность различных реализаций. Социолингвистическая модель речевого поведения, как и всякая модель, несколько упрощает отражаемый ею реальный процесс. Однако такого рода упрощение не должно игнорировать существенные признаки моделируемого процесса.

Большинство отечественных социологов истолковывают урбанизацию как особый образ жизни, отличающийся от сельского типом общения, спецификой развития человека, семейных, соседских, этноязыковых отношений, формами организации производственной и непроизводственной деятельности [6, с. 7-8]. В последние годы стали чаще появляться работы этнолингвистического характера, в которых исследуется проблема влияния урбанизации на языковые процессы [3, с. 7].

Социальной ситуацией языкового поведения обусловлено взаимодействие русского языка с

другими в экономических и культурных условиях современной России.

Языковое поведение, выступающее объектом нашего анализа, дифференцируется на такие виды, как: совершенствование грамматических форм, обогащение лексики и фразеологии родного языка; увеличение числа сред, сфер деятельности, в которых используется родной (и неродной) язык; количество и иерархия используемых для общения языков – моно- или билингвизм, диглоссия или недиглоссия; способность переходить с одного языка на другой (переключать языковой код); отношение к носителям родного языка; отношение к дву- и более язычным; стремление к углубленному знанию родного языка; развитие потребности в изучении второго и более языков; реализация в практическом поведении основных функций родного и неродного языков.

С этой точки зрения представляет особый интерес языковая ситуация в некоторых республиках Восточной Сибири как в силу своей уникальной полилингвальности, так и чрезвычайной динамичности. В течение нескольких десятилетий кардинально меняется языковой облик региона, складывавшийся на протяжении по крайней мере двух веков, происходит смена культурной парадигмы в целом.

Современные условия изменяющейся России ведут к модификации культурных пространств, формирующихся в региональных группах коренного населения Сибири. Как видно на примере народов, населяющих регион Восточной Сибири, культурные изменения являются прежде всего результатом самостоятельного развития национальных меньшинств.

Каждая конкретная языковая ситуация, несмотря на наличие общих типологических признаков, определяется взаимодействием и взаимовлиянием особых составляющих компонентов. Обзор социолингвистической литературы показывает, что при описании языковой ситуации в разных регионах все исследователи особое, даже основное, внимание уделяют внеязыковым факторам. Релевантными компонентами языковой ситуации являются этнолингвистические, демографические и социальные структуры населения, общественный статус языков, типы их взаимодействия и их функциональная дистрибуция в основных коммуникативных сферах, языковая компетенция различных национальных и социально-демографических групп населения, характерные типы языковых конфликтов и языковой политики, а также особенности языковой ситуации, обусловленные принадлежностью ре-

гионов к тем или иным культурно-историческим ареалам. Именно этнолингвистические условия являются объективными факторами, определяющими функционирование языков. К ним относятся: национальный состав населения, способы расселения людей разных национальностей.

К числу национальных образований Российской Федерации, титульная нация которых составляет значительное меньшинство, относятся республики Хакасия, Бурятия, Якутия, Тыва и Алтай.

Одни эти факторы – немногочисленность этноса и его низкий удельный вес в регионе – свидетельствуют о неблагоприятной для функционирования языка ситуации.

Не менее важным с точки зрения функционального состояния языка является способ расселения его носителей: компактный или дисперсный. В настоящее время хакасы, буряты, тувинцы, алтайцы и якуты проживают компактно.

Еще одним фактором, влияющим на языковую ситуацию, является городской или сельский тип расселения. В целом в Российской Федерации преобладает городское население (73,7%), однако в данных республиках основным национальностям свойственен сельский тип расселения: до 51-77 % титульных национальностей являются сельскими жителями с соответствующим уровнем образования, культуры и языковой компетенции (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.).

Преобладание сельского населения над городским с точки зрения функционального развития языка имеет двойной эффект. С одной стороны, в сельской местности, особенно в населенных пунктах с компактным проживанием представителей титульных национальностей, национальный язык обладает гораздо более устойчивыми позициями, чем в местах дисперсного расселения. С другой стороны, в сельской местности используются в основном диалектные формы языка. Для таких младописьменных языков, как хакасский, бурятский, тувинский, якутский и алтайский, чью литературную форму нельзя считать достаточно устойчивой, в подобном положении таится большая опасность. В некотором роде получается замкнутый круг: большая часть носителей национального языка проживает в сельской местности, слабо или совсем не владеет литературной формой языка; потенциальные же носители литературной формы, коими являются представители социально активных групп населения, – квалифицирован-

ные рабочие, служащие и интеллигенция – крайне немногочисленны, и, как правило, часть их слабо или совсем не владеет национальным языком.

В такой неблагоприятной для функционирования языка ситуации на первый план выдвигается система народного образования. Пониманием приоритетности развития данной сферы вкупе со сферами массовой коммуникации и духовной культуры обусловлено наше исследование. Не административные меры, не языковое законодательство, важность которых не оспаривается, а планомерная, ежедневная и многолетняя (несмотря на субъективные пожелания как можно скорее решить проблему сохранения и развития языка) работа по изменению языковой компетенции носителей хакасского языка может и должна привести к искомым результатам. Изменение языковой ситуации не может произойти в короткие сроки по чьему-либо, пусть даже благому, пожеланию; оно может направляться, корректироваться с учетом субъективных факторов, но по объективным законам функционального развития языков.

Дисперсный характер проживания носителей этих языков, удаленность мест их расселения от центра и, самое болезненное, перевод школьного обучения на русский язык – все это, наряду с негативными явлениями, развивающимися внутри языка, привело к языковому нигилизму, выражающемуся в отказе от национального языка в пользу русского.

А.Н. Баскаков считает тенденцию борьбы за сохранение этнической идентичности носителей отдельных диалектов неблагоприятной для этнической и языковой целостности народа, так как она размывает социальную базу языка и не содействует выработке норм языка [3, с. 7].

Социальный статус языка и языковая компетенция его носителей могут быть подняты на должный уровень только с помощью литературной формы языка – об этом свидетельствует тысячелетняя история развития языков мира. Преодоление диалектной раздробленности должно способствовать языковой и национальной консолидации народностей, нормализации и унификации литературных языков.

Не менее важными для характеристики языковой ситуации являются образовательный уровень и социальный статус населения.

Наиболее существенным компонентом характеристики образовательного уровня региона или национальности является количество лиц со специальным образованием: высшим или средним. В этом отношении мы не можем говорить о

благополучном положении дел. Проблема национальных кадров затрагивает в той или иной степени почти все национальные республики.

Если дополнить эту картину такими экстралингвистическими факторами, как малочисленность этносов, преимущественно дисперсный характер его расселения, то вырисовывается крайне неблагоприятная для функционального состояния языка ситуация, изменение которой возможно лишь при активной позиции государства и самих носителей языка.

Все национальные языки формально перешли в разряд региональных или миноритарных языков после вхождения всех данных республик в состав Российского государства около трех столетий назад. Однако до конца 30-х гг. прошлого столетия они выполняли роль единственного средства общения у коренных национальностей практически во всех социальных сферах.

Процессы урбанизации и индустриализации, кардинальное сокращение доли национальных этносов в структуре населения вкупе с ассимиляционной языковой политикой государства привели к развитию активного национально-русского билингвизма, перешедшего в русско-национальный билингвизм с пассивным национальным компонентом. В результате в начале 90-х гг. прошлого столетия, спустя полвека, все эти национальные языки были отнесены международными экспертами к языкам, находящимся под угрозой исчезновения [5, с. 31-35]. Основным критерием для подобного сурового диагноза стало катастрофическое сокращение числа детей, говорящих на родном языке, даже в населенных пунктах с компактным проживанием этносов.

Новая языковая политика России после распада Советского Союза была сформулирована в 1991 г. в «Декларации о языках народов России» и федеральном законе «О языках народов РФ». В этих документах языки народов России провозглашаются национальным достоянием Российского государства, находящимся под его защитой. Республики в составе России наделяются правом законодательного закрепления статуса, сфер и форм функционирования языков народов, проживающих на их территории.

Вскоре все республики приняли законы о языках, закрепившие за национальными языками статус второго государственного языка.

В целом новое законодательство привело к определенному усилению использования языка в трех основных гуманитарных сферах – образовании, культуре и СМИ. Реализация мероприятий программ по использованию национальных

языков в сферах официального делопроизводства, судебной практики, в сферах бытового обслуживания, транспорта и торговли, для географических наименований и надписей, дорожных указателей и т.д. была запланирована на десятилетний период.

Российское и международное законодательство в области языковой политики предоставляет сегодня больше возможностей для активной поддержки и развития коренных миноритарных языков, это определяется республиканским законодательством и реализуется на практике органами исполнительной власти.

В полной мере пока не использован и другой действенный рычаг сохранения родного языка – активная и сознательная деятельность самих носителей языка по остановке динамичных процессов языкового сдвига.

Общеизвестно, что использование языка молодым поколением является одним из показателей его витальности наряду с количеством говорящих на этом языке, их соотношением с общей численностью данной этнической группы, наличием правовой поддержки. Залогом же успеха в его ревитализации является образование, которое должно структурно (и обычно хронологически) опережать другие виды мер и планирования языковой политики.

Одной из благополучных в области сохранения и развития титульного языка является Республика Тыва. Проблемы, несомненно, существуют, но реальной угрозы исчезновения или признаков упадка тувинского языка нет.

Итак, коренные народы Восточной Сибири представляют собой исторически сложившиеся языковые, территориальные и культурные общности. В условиях изменяющейся России эти три составляющие испытывают на себе серьезные влияния и, следовательно, подвержены глубоким изменениям. Идет становление новой культурной конфигурации, то есть меняется доминирующий образец культуры, происходят динамичные трансформации в языке народов региона, которые интегрируют и формируют образ жизни. При этом новая культурная конфигурация не растворяет, а усиливает отличие одной культуры от другой, значительно обогащает и развивает языки малых народов.

Литература

1. Антонова Н.С. Этническая и языковая структура Российского общества, связь и взаимодействие // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Социальная работа. – Улан-Удэ, 2012. – Вып. 5.
2. Антонова Н.С. Моно- и билингвальная личность в социальной структуре российского общества // Система

ценностей современного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2012.

3. Баскаков А.Н., Насырова О.Д., Давлатназаров М. Языковая ситуация и функционирование языков в регионе Средней Азии и Казахстана. – М., 1995. – 166 с. С. 7.

4. Блумфилд Л. Язык. – М., 1968.

5. Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. – М., 1994. – С. 31–35.

6. Нугаев М.А., Алтынбаев Р.З. Методологические проблемы исследования современного города // Социальные проблемы города в условиях перехода к рыночным отношениям. – Казань, 1994. – С. 7–8.

Антонова Надежда Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета. E-mail: spf15@mail.ru, decspf@mail.ru

Antonova Nadezhda Sergeevna, candidate of sociological sciences, associate professor, department of the theory of social work, Buryat State University. E-mail: spf15@mail.ru, decspf@mail.ru

УДК 316.346.32-053.9 (571.54)

© З.А. Бутуева

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ

В статье дан анализ основных этапов развития системы социального обслуживания населения в Республике Бурятия начиная с 1990-х гг. по настоящее время. Проведенное социологическое исследование среди работников социальной сферы позволило выявить основные проблемы функционирования системы социального обслуживания людей старшего возраста в условиях реформирования.

Ключевые слова: старший возраст, система социального обслуживания населения, социальные услуги.

Z.A. Butueva

PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF MODERN SYSTEM OF SOCIAL SERVICE FOR ELDERLY POPULATION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA UNDER THE CONDITIONS OF REFORMS

In the article the main stages of the development of social service system in the Republic of Buryatia has been analyzed since the 1990s through the present. The sociological research carried out among the officials of social sphere has allowed to reveal the main problems of functioning the system of social service of people of older age under the conditions of reforms. The measures for improvement the situation in this sphere have been proposed.

Keywords: older age, system of social services of population, social services.

Увеличение доли людей старшего возраста в структуре населения страны требует особого внимания к изучению новых потребностей и интересов данной возрастной группы. Система социального обслуживания населения как один из важнейших компонентов института социальной защиты должна отвечать новым вызовам демографической ситуации, связанной с постарением населения. В современных условиях система социального обслуживания переживает ряд изменений, связанных с целым комплексом обстоятельств, включающим проблемы этносоциального развития, новые сочетания глобального, национального и регионального, общественно-группового и личностного компонентов.

В научной литературе понятие «социальное обслуживание населения» рассматривается как один из видов социальной гуманистической деятельности, направленной на адаптацию, социальную реабилитацию отдельной личности, семьи или человеческого общества. Рассмотрением системы социального обслуживания зани-

маются такие авторы, как В.В. Колков, О.В. Краснова, П.Д. Павленок, А.М. Панов, Е.И. Холостова и др. В современной системе социального обслуживания населения существуют проблемы, связанные с эффективностью социального обслуживания населения, с неразвитостью негосударственного сектора, легитимностью социальных услуг, отсутствием системы мер личной ответственности потребителей социальных услуг и другие.

Проанализируем особенности развития системы социального обслуживания людей старшего возраста в Республике Бурятия. Процесс постарения населения в республике начался на 20 лет позднее, чем в целом по стране [3, с. 261]. На сегодняшний день численность людей старшего возраста составляет 178,7 тыс. человек [9]. Более 5% людей в возрасте 55 лет и старше пользуются услугами системы социального обслуживания в республике [7].

Начиная с 1990-х гг. радикальные изменения в стране и регионе привели к взрыву инди-

видуально-личностных устремлений на фоне дискредитации коллективистских ценностей, изменению образа жизни людей, их смысло-жизненных ориентаций. Институты социальной поддержки, созданные в советское время, оказались недееспособными в силу идеологических подходов, отсутствия ресурсной базы, изменившихся социальных условий.

В середине 1990-х гг. было принято два федеральных закона, регламентирующих общие принципы предоставления социальных услуг и социального обслуживания граждан старшего возраста. В этот период происходит создание обширной сети государственных и муниципальных учреждений, оказывающих специализированную социальную помощь. Система социального обслуживания в эти годы выполняла роль «скорой помощи», особенно в сельской местности, где значительную часть составляли люди преклонного возраста, так как трудоспособное население переезжало в городскую местность на заработки.

Новый стимул система социального обслуживания получила в начале XXI в., когда произошло существенное укрепление материально-технической базы, внедрение персонифицированного учета граждан, состоящих на социальном обслуживании. Стационарные учреждения превратились из ветхих домов в уважаемые учреждения с евроремонт и современным медицинским оборудованием. Огромные финансовые вливания были необходимы и оправданы, т.к. в 90-е гг. XX в. федеральные, республиканские программы только декларировались, а на самом деле не осуществлялись из-за недостатка материально-финансовых ресурсов.

Постепенно начинает меняться концепция организации заботы о данной категории населения. Государство по-прежнему играет значительную роль в организации социальной защиты населения. Так, в Республике Бурятия Министерство социальной защиты населения является исполнительным органом, который контролирует всю проводимую работу на государственном уровне в отношении старшего поколения.

Значительно изменилась система социальной поддержки старшего поколения в 2004 г. в связи с принятием ФЗ №122, когда произошла замена натуральных льгот, предоставляемых пожилым людям, на их денежный эквивалент, а социальные службы были переданы с муниципального финансирования на региональный бюджет. Система социальной защиты становится не государственным, а региональным инструментом социальной политики. Это позволяет заниматься за-

конотворческой деятельностью в системе социального обслуживания населения в республике с учетом интересов потребителей социальных услуг. «В этот период растет численность социальных служб. Если в 1992 г. насчитывалось 86 центров социального обслуживания граждан пожилого возраста (первые такие центры были созданы в 1987 г.), то в 1995 г. их было уже 999, а на 1 января 2005 г. — 2 090» [9, с.138].

Таким образом, экстенсивный характер развития системы социального обслуживания, начатый в середине 90-х гг. XX в. привел к увеличению расходов из бюджетов всех уровней, внебюджетных социальных фондов, призванных обеспечить предоставление населению социальных выплат в денежной и натуральной форме. В итоге объемы и темпы роста социальных обязательств государства стали заметно опережать его финансовые возможности. Поэтому предоставление мер социальной поддержки в виде субсидий, льгот, т.е. только материальной помощи в системе социального обслуживания населения может послужить причиной тупикового варианта развития данного вида деятельности.

Экономический кризис 2008-2009 гг. повлиял на социально-экономическое положение республики и привел к ухудшению жизни социально незащищенных слоев населения, в том числе и старшего поколения. Одним из важных индикаторов общественного развития является социальное самочувствие населения. Проведенное кафедрой теории социальной работы Бурятского государственного университета социологическое исследование в 2011 г. показало, что экономические изменения оказали неоднозначное влияние на положение населения Республики Бурятия. Домохозяйства по-разному испытывали на себе это воздействие и, соответственно, индивидуально строили стратегии выхода из сложившейся ситуации [1, с.181].

Начиная с 2008 г. в Республике Бурятия, как и в России в целом, происходит реформирование системы социального обслуживания, ее оптимизация за счет выстраивания гибкой модели социальных учреждений, внедряются современные социальные и информационные технологии, повышается доступность и качество услуг с использованием программно-целевого метода, меняется организационно-правовая форма социальных учреждений. К 2012 г. все учреждения социальной сферы в республике действуют как автономные. Принятие закона «О социальном обслуживании населения в Республике Бурятия» (2008) позволило регламентировать деятельность в системе социальных служб, утвердить

государственные стандарты на социальное обслуживание. Одной из особенностей данного закона является регламентация новых форм социального обслуживания, таких как «хоспис на дому» и «приемная семья для пожилого человека». Рассмотрим их подробнее.

Основной задачей хосписа на дому является решение вопросов по комплексному удовлетворению медицинских, социальных, психологических и духовных потребностей, формирование условий для поиска нового смысла жизни, оказание им паллиативной помощи и поддержки. С психологической точки зрения задача такой службы сводится к способствованию усилению и моральному совершенствованию личности умирающего, раскрытию в нем еще функционирующих механизмов, предотвращению деморализации и деструктивной агрессивности. Данная форма социального обслуживания не получила большого распространения. В настоящее время хосписной службой в республике пользуются лишь 24 человека [7]. На это имеется ряд причин. Одним из необходимых условий повышения эффективности деятельности хосписной службы является ограничение социального поля работы каждого специалиста, его компетенции, не исключая взаимодействия с другими субъектами помощи [10, с. 96].

Особое место среди форм социального обслуживания занимает приемная семья для граждан пожилого возраста и инвалидов. Эта форма социальной поддержки дает возможность одиноким пожилым людям жить в комфортной обстановке, сохранять знакомое окружение, ощущать душевное тепло и участие неравнодушных людей. Социальное обслуживание в приемной семье направлено на максимальное продление пребывания граждан старшего возраста в привычной социальной среде, в целях поддержания его социального статуса [6, с.174]. В 2012 г. в республике создано 90 приемных семей для людей старшего возраста. Наибольшее распространение данная форма жизнеустройства людей старшего возраста получила в сельской местности, особенно в отдаленных районах. Одной из трудностей при создании такой формы социального обслуживания, как «приемная семья для пожилого человека», является подбор кандидатов, которые бы имели возможность принять в семью пожилого гражданина. Поэтому одним из важных моментов развития данной формы жизнеустройства является создание профессиональной службы сопровождения приемной семьи для людей старшего возраста [5, с.110].

Важным итогом развития социального обслуживания в республике является принятие республиканской программы «Повышение качества жизни пожилых людей Республики Бурятия» на 2011-2013 гг. Приоритетными задачами данной программы являются: внедрение инновационных проектов по предоставлению услуг на дому и в учреждениях социального обслуживания; поддержание жизненной активности пожилых людей мерами реабилитационного и оздоровительного характера; досуг, общественная жизнь пожилых людей, обеспечение доступности объектов жизнедеятельности [9].

Эффективность социального обслуживания во многом определяется профессиональным уровнем специалистов, их умением работать с человеком – конкретной личностью или с группой людей. От профессионального и своевременного оказания социальных услуг зависит в целом стабильность и социальное благополучие в обществе. Для улучшения качества социального обслуживания людей старшего возраста в течение 2011–2012 гг. автором совместно с преподавателями кафедры теории социальной работы и студенткой И.А. Раднаевой было проведено социологическое исследование среди работников системы социального обслуживания населения. В качестве респондентов выступили 514 социальных работников, оказывающих услуги людям старшего возраста, которые проживают в 14 районах республики. Данные исследования могут послужить для разработки рекомендаций по оптимизации процессов функционирования и совершенствования системы социального обслуживания населения в республике.

В ходе исследования мы составили социальный портрет работников социальной сферы. В основном в сфере социального обслуживания граждан старшего возраста работают люди зрелого и предпенсионного возраста. Так, среди опрошенных социальных работников 36 % были в возрасте от 46 до 55 лет, 33 % – от 36-45 лет и 23 % – от 26 до 35 лет. Стаж работы в системе социальной защиты населения составил – от года до пяти лет (27 %), 6-10 лет (25 %), до года (21 %). Данные свидетельствуют о том, что в социальной сфере в основном работают специалисты с опытом работы, стаж которых составляет более пяти лет. Среди работников социальной сферы 54 % имеют среднее специальное образование, 23 % – высшее и 21% – среднее общее. Диплом «специалист по социальной работе» имеет лишь 3 % от числа респондентов. Наибольшее количество опрошенных воздержались

от ответа, либо выбрали вариант «нет специальности» – 15 % и 17 % соответственно. В действительности социальными работниками в общей массе трудятся люди без достаточной теоретической и практической подготовки, они получают навыки профессиональной деятельности уже в процессе работы.

Социальные работники в своей профессиональной деятельности взаимодействуют в людьми старшего возраста. И нам было интересно узнать, как они характеризуют своих клиентов. В основном были получены положительные характеристики людей старшего возраста. 78,3 % респондентов так описали пожилых людей: они добрые, внимательные, доброжелательные, мудрые, отзывчивые, 21 % считают их беспомощными, жадными, завистливыми, обидчивыми, капризными и агрессивными.

Кадры играют важную роль в профессионализации социальной работы, от того, как подготовлены кадры, зависит эффективность всей последующей деятельности организации. Работники системы социального обслуживания испытывают необходимость в получении знаний о социально-психологических особенностях людей старшего возраста и эффективных способах коммуникации с ними (34,5 %), в знании законодательства в данной сфере (27,5 %). Также опрошенные отметили, что необходимы навыки в оказании первой медицинской помощи (16,4 %). Если у людей, повседневно взаимодействующих со старшим поколением отсутствует специальная профессиональная подготовка, то они не смогут разрешить психосоциальные проблемы своих клиентов. Таким образом, необходимы программы, направленные на повышение компетентности работников социальной сферы. Поэтому важное значение в системе социального обслуживания приобретают службы повышения квалификации персонала. Отметим, что в 2011-2012 гг. на базе Бурятского государственного университета были проведены курсы повышения квалификации социальных работников по программе «Проблемы и перспективы социальной работы» и «Старшее поколение: особенности социальной работы в современных условиях», в которых приняло участие 750 социальных работников Республики Бурятия. В дальнейшем профессиональное переобучение специалистов социальной сферы получит свое продолжение.

Опрашиваемые выделили главные, на их взгляд, профессионально-личностные качества социального работника, такие как вежливость, терпимость, ответственность, отзывчивость,

добропорядочность, внимательность, коммуникабельность. Наиболее недопустимыми качествами для социального работника были выделены агрессивность, лживость, грубость, корыстность, брезгливость и злобность. Для помогающих профессий проблема выделения необходимых качеств личности специалиста, его знаний, умений, навыков, способностей, психофизиологических возможностей и требуемого уровня подготовки достаточно актуальна, поскольку от уровня профессионализма работников данной сферы напрямую зависит повышение уровня и качества жизни наименее защищенных категорий населения. «Стиль поведения социального работника, обусловленный совокупностью личностных качеств, его ценностными ориентациями и интересами, оказывает решающее воздействие на систему отношений, которую он формирует» [2, с.108].

На вопрос «Есть ли риски и опасности в вашей работе» ответы разделились следующим образом: 55% респондентов отметили эмоциональное профессиональное выгорание, 10% – большие физические нагрузки, 8% – травмоопасность профессии, особенно в сельской местности, 4% – неадекватное поведение родственников подопечных, 3% – скрытые заболевания клиента, 11% не отметили никаких рисков в работе. Работники социальной сферы относятся к группе профессий, которой угрожает «синдром эмоционального выгорания».

В ходе анализа выяснилось, что основным недостатком в работе РГУ «Центр социальной поддержки населения» по уходу за гражданами старшего возраста является чрезмерное число проверок, мешающих работе. Это отметили 35% опрошенных. Затем ответы расположились следующим образом: недостаток необходимого оборудования – 28 %, неравномерное распределение обязанностей среди сотрудников – 13 %, недостаточность знаний – 12 %, отсутствие необходимой помощи и проверок со стороны вышестоящих органов – 10 %, никаких недостатков не имеется – 2 %. Также было выявлено, что работники системы социального обслуживания граждан старшего возраста нуждаются в санаторно-курортном лечении (35 %), материальной помощи (28 %), психологической разгрузке (5 %), специальной одежде (4 %), в понимании (1 %). Большой процент составили те, кто воздержались от ответа (22 %) и не нуждаются в помощи (5 %).

По мнению опрошенных для развития системы социального обслуживания и улучшения ее качества необходимо: повысить пенсии и зара-

ботную плату социальным работникам (17 %), пересмотреть тарифы на услуги (17 %), улучшить материально-техническую базу (8 %), поднять престиж профессии (8 %), изменить законы (8 %), создать хорошие условия труда (8 %), изменить перечень услуг (5 %), изменить технологию обслуживания (5 %). Из ответов респондентов следует, что реформирование системы социального обслуживания напрямую затронула субъектов этой системы, социальных работников. Они также оказались социально незащищенными, т.к. подвержены различным рискам, таким как профессиональное выгорание, физические нагрузки, травмоопасность, неадекватное поведение родственников подопечных и т.д. Решение проблем и использование наиболее эффективных технологий позволит более эффективно организовать социальное обслуживание граждан старшего возраста.

В условиях демографического старения социальное обслуживание населения республики должно получить новый импульс к развитию в направлении наиболее полного удовлетворения потребностей людей старшего возраста качественными услугами. Очевидны достижения в системе социального обслуживания в республике, но существует ряд проблем, на которых хотелось бы остановиться.

Недостаточно развита социальная инфраструктура для данной категории населения, рынок социальных услуг незначителен, в основном он представлен государственным сектором. Малый бизнес неохотно участвует в этой сфере из-за низкой рентабельности. Для изменения сложившейся ситуации необходимы структурные изменения. Например, в развитых странах система социального обслуживания людей старшего возраста представлена как государственным, так и негосударственным секторами. Причем существует возможность выбора помощи на дому от государственных или частных организаций. Количество частных компаний в секторе социального обслуживания растет из года в год.

В Республике Бурятия одним из ярких примеров предоставления социальных услуг людям старшего возраста является общественная организация Бурятское республиканское отделение «Союз пенсионеров России». Еще в 2008 г. данной организацией был инициирован проект – открытие общественного университета «Знание» для пенсионеров. По мнению председателя организации В.А. Агаловой, университет в настоящее время стал центром, объединяющим людей старшего возраста, открывающим возможности для общения. В настоящее время дей-

ствует 12 факультетов по различным направлениям. В 2012 г. при поддержке Бурятского государственного университета был открыт факультет компьютерной грамотности для пенсионеров. Развитие таких университетов вносит большой вклад в реализацию принципа «образование через всю жизнь» [4, с.166].

В настоящее время некоммерческие организации должны стать неотъемлемой частью государственной системы социальной защиты населения, одним из ведущих компонентов социальной сферы. Использование добровольного труда, привлечение спонсорской помощи и грантов приводит к тому, что для НКО необходимо меньшее бюджетное финансирование, чем государственным учреждениям.

Проблема адресности является одной из центральных в разработке практического инструментария предоставления социальных услуг и включает широкий круг вопросов, таких как разработка набора индикаторов, отражающих реальные характеристики уровня потребления, разработка критериев эффективности механизмов обеспечения адресности социальных услуг, повышения уровня квалификации работников социальной защиты и т.д.

Таким образом, анализ системы социального обслуживания в отношении старшего поколения в Республике Бурятия выявил противоречия и основные тенденции развития. Система социального обслуживания населения представляет собой вид деятельности, призванный способствовать развитию общества наряду с такими институтами, как система образования, здравоохранение, семья. Система социального обслуживания должна отвечать требованиям современности и быть направлена на предупреждение причин, порождающих проблемы старшего поколения, на развитие взаимодействия между поколениями в семье и обществе, создание и эффективное функционирование объединений людей старшего возраста для их наилучшей интеграции.

Литература

1. Бадараев Д.Д. Социальное самочувствие сельского населения Республики Бурятия в послекризисный период (социологический анализ) // Вестник Бурят. гос. ун-та. Вып. 5 Психология, социальная работа. – 2012. – С. 185–189.
2. Базарова Т.С. Психологические характеристики профессиональной компетентности социального работника // Вестник Бурят. гос. ун-та. Вып.5 Психология, социальная работа. – 2012. – С.107–112.
3. Бутуева З.А. Постарение населения Республики Бурятия: история вопроса и современная ситуация // Вестник

Вестник Бурят. гос. ун-та. Вып.5 Психология, социальная работа. – 2011. – С. 260–265.

4. Бутуева З.А. Роль образования в ценностных ориентациях старших граждан: новые вызовы в изменяющемся мире // Вестник Бурят. гос. ун-та. Вып.5 Психология, социальная работа. – 2012. – С.163–167.

5. Долгова Т.М. Приемная семья как инновационная форма жизнеустройства людей старшего возраста: основные проблемы и перспективы развития / Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы науч.-практ. конф. молодых ученых с междунар. участием. – Улан-Удэ, 2012. – С. 108–112.

6. Ефимов С.Г. Социальное обслуживание граждан старшего возраста в условиях модернизации общества // Вестник Бурят. гос. ун-та. Вып. 5 Психология, социальная работа. – 2012. – С. 171–176.

7. Отчет о выполнении Министерством социальной защиты населения Республики Бурятия мероприятий Свод-

ного плана мероприятий по реализации в 2011–2015 годах концепции демографического развития Республики Бурятия на период до 2025 года, за I полугодие 2012 г. / Официальный сайт Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия / URL: <http://minsoc-buryatia.ru> (Дата обращения 08.01.13).

8. Панов А.М. Система социального обслуживания населения в Российской Федерации: этапы формирования, современное состояние и перспективы развития // Вестник Мордовского ун-та. – 2010. – №2. – С.138–148.

9. Республиканская программа «Повышение качества жизни пожилых людей Республики Бурятия» на 2011 – 2013 годы / Официальный сайт Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия / URL: <http://minsoc-buryatia.ru> (Дата обращения 08.01.13).

10. Социальная работа в Республике Бурятия: учеб. пособие / отв. ред. Т.С. Базарова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 188 с.

Бутуева Зинаида Арсентьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета. E-mail: spf15@mail.ru, decspf@mail.ru

Butueva Zinaida Arsentevna, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of the theory of social work, Buryat State University. E-mail: spf15@mail.ru, decspf@mail.ru

УДК 130.2:316

© Д.Б. Гениндоржиева

КОНЦЕПЦИЯ ХАРИЗМЫ МАКСА ВЕБЕРА

Статья посвящена анализу феномена харизмы, который получил распространение в гуманитарных науках благодаря работам М. Вебера. Рассмотрены типы господства по Веберу, в особенности – харизматический.

Ключевые слова: харизма, Макс Вебер, концепции, харизматичный лидер.

D.B. Genindorzhieva

A CONCEPT OF CHARISMA BY MAX WEBER

This article is devoted to the analysis of charisma's phenomenon which gained dissemination in the humanities owing to M. Weber's works. Domination types, having revealed by Weber, have been considered, in particular – charismatic one.

Keywords: charisma, Max Weber, concepts, charismatic leader.

Одним из исполинов немецкой социально-политической жизни, несомненно, следует считать Макса Вебера. Научная разработка вопроса харизмы прежде всего связана с его именем. Вебер впервые выполнил системный анализ феномена харизматического господства. Следует выделить тот факт, что специальному исследованию, анализу и оценке веберовской концепции харизмы посвящены работы Л. Гринфильда [1, р. 117-132], Л. Кавалли [2, р. 317-334], Т. Доу [3, р. 83-93] и ряда других исследователей. В гуманитарных науках нет единого мнения как в отношении концепции харизмы Вебера, так и относительно вероятности применения данного понятия для рассмотрения современных социально-политических процессов. Необходимо отметить тот факт, что большинство подходов к объяснению феномена харизмы, разработанных в дальнейшем, выстраиваются по принципу пре-

образования, расширения или критики веберовской интерпретации понятия «харизмы».

При этом необходимо определить, что же означает концепт «харизма» в различных сферах его изучения. Данное слово по-гречески означает «милость». Под ней подразумевается исключительный авторитет некоторых личностей внутри какой-либо общности.

Также слово «харизма» использовалось в древнегреческой мифологии для определения дара притягивать к себе интерес со стороны окружающих людей. При этом харитами называли древнегреческих богинь красоты, грации и изящества.

В христианстве данный термин означает «дар Бога». В церковнославянских и русских переводах новозаветных и иных текстов харизма обычно передается словом «благодать».

Определение, которое предлагает известный автор фенотипологии Марк Лучин звучит так:

харизма – это яркие генетические черты, явно проявляемые в фенотипе (внешнем виде). При этом осознанные владельцем и сознательно доведенные до «гротескового» состояния. А затем сознательно и обязательно с актерским мастерством сыгранные на публику [4, с. 123].

Понятие «харизмы» у Вебера может быть соотнесено:

1) с «религиозной харизмой» (в первоначальном смысле носитель харизмы — это пророк, который имел огромное влияние на людей и связь с Небом);

2) с понятием военной политики. Понятие харизматического авторитета играло большую роль в рамках исследования Максом Вебером идеальных типов государств, которые мы рассмотрим ниже.

Феномен харизмы имеет место в малых и больших группах, где встречается персонификация идеалов в процессе объединения, сближения и сплочения. Харизма в большинстве случаев возникает в экстремальных исторических условиях, когда возникает соответствующая социально-психологическая необходимость. Качества харизматического лидера, действующего на религиозном или социально-политическом поле, в некоторых случаях мистифицируются. Его считают пророком, избранным, величайшей исторической особой, избавителем, полубогом, осуществляющим великую миссию, которой причисляются все успехи его сторонников и последователей. Даже очевидные неудачи оборачиваются его прославлением (бегство расцениваются как спасение, любые потери – как обязательные жертвы или козни врагов, нелепые утверждения – как непостижимая мудрость).

Среди известных истории харизматических личностей можно выделить таких, как Иисус Христос, Будда и пророк Мухаммед. К харизматам относятся, с одной стороны, создатели направлений внутри мировых религий – Лютер и Кальвин, с другой стороны, – великие государственные и военные деятели, такие как Чингисхан или Наполеон.

В XX в. среди таких деятелей можно выделить Гитлера и Муссолини, Ленина, Сталина и Троцкого, а также Махатму Ганди и Мартина Лютера Кинга. Нужно отметить, что свойство харизмы не зависит от рода деятельности и ее морально-этического содержания: харизматическим лидером с равным успехом может быть и святой, и преступник.

Так, понятие «харизма», вначале применявшееся исключительно в религиозной среде, получило распространение как в социологии, так и

в других гуманитарных науках благодаря работам Вебера. При этом его концепция харизмы все еще остается одной из самых распространенных и разработанных в теоретическом и методологическом отношении. Однако неоднозначность проблемы харизмы и связанных с ней явлений приводят к тому, что существующие трактовки теоретического наследия Вебера стоят друг от друга крайне далеко и нередко мало соотносятся со смыслом, который вносился им в данный детерминант. Отметим также и то, что в веберовской категории «харизма» содержится изобилие значений, большинство из которых скорее только заявлено, чем досконально изучено.

Хотелось бы подчеркнуть то, что проблема харизмы тесно соотносится с вопросами социальных перемен и нововведений, создания новых институтов, а также проблемой поддержания и сохранения социального порядка, придания ему важности и законности. В этой связи привлекает внимание тот факт, что хотя в России понятия «харизма», «харизматический лидер» завоевали огромную популярность, тем не менее они вошли, скорее, в околonaучный и публицистический оборот. Употребление термина «харизма» широким кругом общественности фактически свело его до рыночного синонима популярности (известности, обаяния) индивида. В отечественной же науке тема харизмы практически выпадает из научного дискурса. В отечественной социологии харизма, как правило, изучается в контексте истории социологии (как одна из категорий классика социологии М. Вебера). Среди «отраслевых» дисциплин категория «харизма» применяется в социологии религии, а также (весьма ограниченно) – в политической социологии. В целом в отечественной науке проблематика харизмы слабо разработана (по сравнению с мировой).

Мы посчитали необходимым рассмотреть концепцию харизмы Макса Вебера, так как именно он вывел данное понятие за границы религиозной сферы. Благодаря его трудам категория «харизма» получила широкое распространение в гуманитарных науках: социологии, политологии, антропологии, истории, психологии, и, конечно же, философии. Также он впервые провел системный анализ феномена харизматического господства. Важно и то, что веберовская теория харизмы имеет непосредственный выход в политическое пространство. Большая часть объяснительных моделей феномена харизмы так или иначе основывается на подходе Вебера –

дальнейшая разработка, полная или частичная модификация, критика и пр.

Веберовская теория харизмы, как и его теоретическое наследие в целом, продолжает вызывать оживленные дискуссии. В социологической теории нет общей позиции как в отношении веберовской концепции харизмы, так и относительно возможности использования данного понятия для анализа современных политических процессов. Причем сам Вебер в докладе «Наука как призвание и профессия» отмечал, что каждое научное достижение со временем устаревает и по своему существу желает быть превзойденным. Удивительным представляется то, что большинство его работ не устарело до сих пор, многие его наблюдения весьма уместны в мире, который претерпел серьезные изменения и во многих отношениях уже отличается от мира его времени. По сути, концепция Вебера представляется нам самостоятельной программой социологического исследования харизматического господства. Итак, исходя из вышесказанного, представляется целесообразным сначала остановиться на основных характеристиках харизмы в понимании Вебера, чтобы затем перейти к концепциям современных теоретиков и обсуждению перспектив развития данной проблематики харизмы.

Хотя категория харизмы имеет немаловажное значение в концепции Вебера, а феномен харизмы рассматривается им во многих работах, тем не менее у Вебера нет конкретной работы, посвященной отдельно этой теме. В итоге категория харизмы используется им в различных контекстах, в соотношении с разными понятиями, что, естественно, не могло не отразиться на наличии в его работах немного отличающихся в акценте и деталях формулировок определения «харизмы». Если вспомнить также об универсальности, фрагментарности и парадоксальности веберовского теоретического наследия, «недоговоренности», то не удивительно различные истолкования его мыслей, постоянно предпринимаемые попытки «расшифровать», что именно Вебер имел в виду в том или ином случае. Итак, понятие харизмы относится к числу камней преткновения для исследователей Вебера. Выглядит вполне логично то, что в данной теории можно найти огромное количество нередко диаметрально противоположных интерпретаций понятий харизмы, критики или предложений по ее изменению, что в конечном счете сказывается на понимании к данной категории в гуманитарных науках.

По классическому определению Макса Вебера: «Харизмой называется качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или по меньшей мере специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям» [5, р. 22].

Исходя из данного определения, одной из первоосновных черт понятия является внеобыденность. Данное свойство актуализирует ряд первостепенных вопросов в отношении харизмы, в частности взаимоотношения подлинной и рутинизированной харизмы, возможность легитимации порядка на основе внеобыденных по своей сути харизматических чувств, соотношение харизматического типа господства с совершенствованием современного мира и политики, возможность политической харизмы вообще и в светском мире в частности.

Разработанные Вебером идеальные типы господства (в том числе и харизматический) в равной мере применимы как к религиозной сфере, так и к сфере политики. В своих работах Вебер рассматривает большой объем взаимоотношений религии и политики. Повышенный интерес представляет современная ситуация, которая, по Веберу, характеризуется тем, что религиозная сфера и политика находятся в противостоянии, как два «самозаконных космоса». Другими словами, актуализируется проблема о том, как возможен феномен харизмы в подобной ситуации? Один из существенных моментов, обуславливающих характер взаимосвязи между политикой и религией, по Веберу, – отношение каждого политического союза к насилию и системе принуждения. В зависимости от возможности применения насилия (потенциальной или актуальной – мирный порядок или война) Вебер описывает два сильно различающихся типа современной политики. Отличительная черта современных войн состоит в том, что существует полная непримиримость не только между политикой и религией, но и между политикой и харизмой.

Согласно Веберу, политическое действие предполагает присутствие трех сторон, от мотивации и действий которых зависит его характер. Это «массы», вождь и его управленческий аппарат. Соответственно, политическое харизматическое господство также зависит от тех же трех участников. Принципиально важно то, что как бы внеобыденна ни была харизма, для своего признания и дальнейшего существования харизматический вождь должен регулярно показывать преимущества и результаты своего «да-

ра», своих действий, т.е. доказательства харизматической легитимности – знаки «благодарности», «чудеса» и т.п. Данное обстоятельство приводит нас к выводу о принципиальном значении «организационного», «бюрократического» аспекта проблемы харизмы. Другими словами, помимо «благодарного» вождя, немаловажную роль, по Веберу, играет наличие профессионального управленческого аппарата, от эффективной деятельности которого зависит успешность создания, поддержания и рутинизации харизмы, в частности политической. По сравнению с политикой «века площадей и митингов» современность с ее прогрессом телекоммуникаций, необычайным развитием средств массовой коммуникации, появлением массового общества и массовой политики не только не умаляет важность организационного аспекта феномена политической харизмы, но, наоборот, делает его одним из главных. Таким образом, представляется целесообразным подробно проанализировать комплекс вопросов, касающихся взаимоотношений управленческого аппарата и харизматического вождя, – совпадение и конфликт их интересов, основания и возможность совместных действий.

В полной сообразности со своей методологией Вебер изучает легитимные типы господства с точки зрения характера мотивации, вызывающей повиновение. Он находит три возможных (типических) внутренних оправдания, т.е. основания легитимности, и в соответствии с ними различает три типа господства. Во-первых, традиционное, основанное на авторитете «вечного вчерашнего»: авторитете правил, освященных изначальной значимостью и общепринятой установкой на их соблюдение. Далее, легальный тип господства, имеющий в качестве «мотива уступчивости» соображения интереса, веру в обязательность легального установления и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, т.е. ориентацией на подчинение при выполнении установленных правил. И наконец, третий тип, который представляет особенный интерес, – харизматическое господство, основанное на авторитете внеобыденного личного притягательного дара, харизме как некой экстраординарной поразительной способности, свойстве индивида, выделяющем его среди окружающих его людей.

Вебер считает очевидным, что объединения и организации, принадлежащие к тому или иному чистому типу господства, в исторической действительности исключительны. Базисом любого господства (а соответственно каждого типа) и

желания подчиняться есть вера, состав которой редко бывает простым. Каждый из выделенных типов господства в той или иной степени нуждается в элементах других типов. Таким образом, у Вебера нет замысла локализовать историческую реальность жесткими границами. Полезность систематизации состоит в том, что «в каждом отдельном случае возможно различать, какие именно аспекты организованной группы могут легитимно идентифицироваться как подпадающие под ту или иную категорию господства или весьма к ним близкие» [6, р. 263]. Как отмечает в этой связи Раймон Арон: «... именно потому, что действительность смутна, к ней нужно обращаться с ясными мыслями; именно потому, что нет чисто харизматического или традиционного господства, необходимо<...> четко разделить эти два типа <...> Используя только четко определенные понятия, мы можем соизмерить отклонение их содержания от реальности, рассматривая многочисленные отдельные понятия только в их сочетании, мы можем постигнуть совокупность реальности» [7, с. 514].

Таким образом, харизматический тип господства базируется на чем-то экстраординарном, необычном, никогда ранее не признававшемся, выступая альтернативой господству традиционного типа, которое держится привязанностью к «раз и навсегда заведенному». В то же время и традиционный, и харизматический типы господства опираются на личные отношения между лидером и его последователями и в этом отношении отличны от легального господства как безличного. Однако харизматическое господство в какой-то степени противостоит другим типам господства, поскольку основывает свою легитимную значимость на внеобыденной самоотдаче; харизматический порядок противостоит рутине повседневности, которая соединяет ее с другими типами господства. На основе этого возможно дихотомическое подразделение типов господства на внеповседневный (харизматический) и повседневный (традиционный и легально-рациональный).

Литература

1. Greenfeld L. Reflections on two charismas // The British journal of sociology. – 1985. – Vol. 34. – №1. – P. 117–132.
2. Cavalli L. Charisms and twentieth-century politics // Max Weber, rationality and modernity. Ed. S. Whimster and S. Lash. L. etc.: Allen & Unwin, 1987. – P. 317–334.
3. Dow Th. An analysis of Weber's work on charisma // The British journal of sociology. – 1978. – Vol. XXIX. – №1. – P. 83–93.
4. Василик М.А., Вершинин М.С. и др. Политология: словарь-справочник. – М.: Гардарики, 2005. – 426 с.

5. Weber M. The sociology of religion // Transl. by E. Fis-coff. Introd. By T. Parsons. – L.: Methuen, 1965. – LXVII, 308 p.

6. Weber M. Economy and society // Ed. By G. Roth and C. Wittich. Berkeley etc.: univ. of California Press. – 1978. – Vol. 1-2. – 1368 p.

Гениндоржиева Димид Батоболотовна, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета. г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Genindorzhieva Dimid Batobolotovna, postgraduate student, department of philosophy, Buryat State University. Ulan-Ude, Smo-lin str. 24a.

7. Арон П. Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. Гуревича. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – С. 514.

УДК 316.346.32.32-053.9

© А.Г. Потась

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

В данной статье рассматриваются инновационные методы организации социального обслуживания граждан пожилого возраста, имеющих нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, вызывающих необходимость их социальной защиты в виде комплексной реабилитации.

Ключевые слова: социальное обслуживание, медицинская реабилитация, инвалид, социальная защита инвалидов.

A.G. Potas

INNOVATIVE METHODS OF ARRANGEMENT OF SOCIAL SERVICES FOR THE ELDERLY CITIZENS

This article describes the innovative methods of arrangement of social services for the elderly citizens who have infringement of health with a persistent functional disorder of organism, caused by diseases, consequences of injuries or defects, leading to restriction of vital activity and causing a necessity of their social protection in the form of comprehensive rehabilitation.

Keywords: social services, medical rehabilitation, disabled, social protection of disabled people.

Конституцией Российской Федерации каждому гражданину гарантируется «социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом». Это означает, что государство берет на себя обязательства способствовать сохранению и продлению полноценной жизни пожилого человека, признает свой долг перед ним. Для осуществления полномасштабных функций социальной помощи, поддержки и социального обеспечения в Российской Федерации действует система социальной защиты, на функционирование которой отпускаются бюджетные средства.

По классификации Всемирной организации здравоохранения, население в возрасте от 60 до 74 лет отнесено к пожилому, от 75 до 89 – к старшему, от 90 лет и старше – к долгожителям. В России люди старше 60 лет – самая быстрорастущая группа населения. По своей численности эта категория перешла рубеж четвертой части населения Российской Федерации.

Удельный вес населения старше трудоспособного возраста в настоящее время по России составляет 21% или 29,8 млн человек, по Бурятии – 16,3% или около 157 тыс. человек. Более

того, согласно прогнозу органов статистики по России, в период до 2025 г. прогнозируется устойчивое увеличение численности пожилых людей. Так, доля населения старших возрастов достигнет 23 % (36 млн чел.) по Бурятии – 20,9 % (204,3 тыс. чел.).

Система социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов Российской Федерации представляет собой многокомпонентную структуру, в которую входят социальные учреждения и их подразделения, предоставляющие услуги пожилым людям и лицам с ограниченными возможностями. В Российской Федерации существует закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 02.08.1995 г. №122-ФЗ, который регламентирует деятельность социально-медицинских учреждений, оказывающих услуги медицинского и социального характера гражданам пожилого возраста и инвалидам. Согласно вышеуказанному закону выделяют такие формы социального обслуживания, как стационарное, полустационарное, социальное обслуживание на дому и срочная медицинская помощь.

Наметившаяся тенденция роста числа людей пожилого возраста и долгожителей обусловила

создание наиболее комфортных условий жизни граждан старших возрастов и внедрение инновационных методов комплексной реабилитации пожилых людей и инвалидов.

На современном этапе развития государственной социальной помощи центральным моментом становится не сохранение физической жизни пожилого человека, а поддержание его социальной, трудовой, образовательной и творческой активности. Таким образом, социальная защита превращается в систему социально-реабилитационных мер, которые должны осуществляться профессиональными управленческими методами.

Высокое качество услуг способно переломить негативное отношение общества к идее домов престарелых. Достоинство встретить старость, проводить время интересно и с пользой, получать своевременный и полноценный уход – это то, на чем должна быть основана деятельность учреждения для пожилых людей. Федеральный закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» регулирует отношения в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов и устанавливает экономические, социальные и правовые гарантии для граждан пожилого возраста и инвалидов.

Государство гарантирует гражданам пожилого возраста и инвалидам возможность получения социальных услуг на основе принципа социальной справедливости независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств.

Также немаловажным является федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». Где в статье 1 социальное обслуживание рассматривается как деятельность социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых услуг и материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Итак, система социального обслуживания пожилых людей работает в основном устойчиво, но далеко не в полной мере учитываются индивидуальные потребности пожилых людей при предоставлении социальных услуг, а главное – она должна быть подготовлена к возможному резкому увеличению нагрузки.

Социальные программы на всех уровнях остаются действенным инструментом реагирования на проблемы пожилого населения.

Таким образом, обеспечение доступной медицинской помощи для пожилых людей и инвалидов невозможно без создания разветвленной системы специализированных реабилитационных учреждений.

Прежде всего рассмотрим социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов, раскроем понятия «инвалид», «пожилой человек», их основные проблемы.

Итак, инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты.

Социальная защита инвалидов – система гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества.

В зависимости от степени расстройства функции организма и ограничения жизнедеятельности лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности.

Основными признаками инвалидности является полная или частичная утрата человеком способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью.

Закаменский дом-интернат для престарелых и инвалидов был создан в целях осуществления эффективного обслуживания проживающих в нем граждан. Эффективное обслуживание осуществляется путем создания для престарелых и инвалидов:

- социальной среды обитания, приближенной к домашней;
- социального попечения и ухода;
- стабильного материально-бытового обеспечения;
- оптимального удовлетворения потребностей с учетом их возраста и состояния здоровья;
- проведения мероприятий социально-реабилитационного, медицинского, лечебно-трудового, психологического, бытового, консультативного и иного характера;

- обеспечения санитарно-противоэпидемического режима для граждан;
- организации ухода и надзора за ними, их отдыха, досуга и поддержания оптимальной структуры социальных услуг.

Закаменский дом-интернат для престарелых и инвалидов является социально-медицинским стационарным учреждением малой вместимости численностью не более 50 человек, предназначенным для постоянного проживания граждан пожилого возраста (женщин старше 55 лет, мужчин старше 60 лет), инвалидов I и II групп (старше 18 лет), частично или полностью утративших способность к самообслуживанию и нуждающихся по состоянию здоровья в постоянном уходе и наблюдении. В настоящее время в доме-интернате проживает 52 человека, среди них 44 – имеющих I, II, III группы инвалидности.

Важное условие для проживания граждан пожилого возраста и инвалидов – это перевод 75% своей пенсии на счет дома-интерната, в котором они будут проживать, также в доме-интернате имеются коммерческие комнаты, цена которых – 600 р. в месяц, данные комнаты отличаются тем, что в них проживают по одному человеку, здесь имеются телевизор, холодильник.

Для осуществления социально-медицинской и трудовой реабилитации, социальной адаптации, создания условий, максимально приближенных к домашней обстановке, в доме-интернате создаются лечебно-производственные и творческие мастерские, подсобное хозяйство с необходимым оборудованием, инвентарем и транспортом.

Открытие Закаменского дома-интерната состоялось 1 октября 1992 г., когда в России впервые отмечался Международный день пожилых людей. Закаменский дом-интернат стал третьим учреждением социального обслуживания престарелых и инвалидов в Республике Бурятия после Улан-Удэнского и Заиграевского.

Размещался дом-интернат в одноэтажном деревянном здании, рассчитанном на 30 мест. С первых лет своего существования руководство дома-интерната улучшало материальную базу. За 5 лет существования на территории дома-интерната были построены гараж, складские помещения, теплица, баня. В 1998 г. дом-интернат приобрел подсобное хозяйство, расположенное в местности Хасурта Закаменского района, до настоящего времени оно является подспорьем для дома-интерната, здесь ежегодно выращивается до 20 голов крупно-рогатого скота, есть огород.

Со временем все очевиднее стали проявляться минусы старого здания дома-интерната: теснота жилых и подсобных помещений, неблагоустроенные комнаты проживающих; также росла очередь престарелых и инвалидов, нуждающихся в помощи. В связи с этим встал вопрос о постройке нового здания. Выходом из сложившейся ситуации стала передача администрацией Закаменского района в 2003 г. заброшенного трехэтажного здания для реконструкции под новый дом-интернат.

30 апреля 2004 г. состоялось открытие нового современного корпуса дома-интерната. Таким образом, дом-интернат расширился и смог принять на проживание еще 20 человек. В настоящее время здесь проживает 50 человек. В жилых комнатах был произведен ремонт: стены выкрашены в светлые тона, подобраны тюли, шторы, светильники; была приобретена новая мебель – благодаря чему в жилых комнатах была создана уютная атмосфера. На каждом этаже есть зоны отдыха, где находятся мягкая мебель, телевизоры со спутниковыми антеннами. На первом этаже расположен холл, где проводятся различные праздничные мероприятия, и просторная столовая, декорированная тюлем, картинами, цветами. В подсобном помещении установлено прачечное оборудование, которое выполняет функции стирки и глажки белья.

Кроме того, в доме-интернате создан зимний сад со множеством растений, библиотека, в которой содержится более тысячи экземпляров художественной литературы, комната проведения лечебной физкультуры, где проводятся занятия на специальных тренажерах, имеется теннисный стол.

В 2008 г. произошла реорганизация дома-интерната. Согласно постановлению № 122 от 21.03.2008 «О создании автономного учреждения социального обслуживания Республики Бурятия» и федеральному закону № 174 от 03.11.2006 «Об автономных учреждениях» «Закаменский дом-интернат для престарелых и инвалидов» был создан путем изменения типа государственного учреждения социального обслуживания «Закаменский дом-интернат малой вместимости для граждан пожилого возраста и инвалидов» в целях повышения эффективности использования бюджетных средств.

Дом-интернат был преобразован в автономное учреждение, в связи с этим он вправе на условиях оплаты предоставлять гражданам пожилого возраста и инвалидам, временно нуждающимся в уходе, а также гражданам, проживающим в семьях, члены которых по объективным

причинам (болезнь, убытие в командировку или отпуск) временно не могут осуществлять за ними уход, следующие услуги:

- проживание;
- бытовые;
- санитарно-гигиенические;
- медицинские;
- питание и организация досуга.

Автономное учреждение вправе осуществлять различные виды платных услуг, такие как:

- медицинское обслуживание, включающее в себя лечебный массаж, физиотерапию, лечебную физкультуру;
- предоставление палат повышенной комфортности;
- организация дополнительного питания (изготовление кондитерских и мучных изделий, полуфабрикатов и готовых блюд);
- перевозка грузов и пассажиров;
- ведение подсобного хозяйства и реализация продукции животноводства, растениеводства;
- организация розничной торговли общественного питания;
- предоставление бытовых услуг.

В связи с тем, что дом-интернат стал вправе осуществлять коммерческую деятельность, было создано реабилитационное отделение.

Бесплатные путевки выдаются пенсионерам, инвалидам, детям-инвалидам, чья пенсия или доход ниже прожиточного минимума. Для тех, у кого пенсия или доход выше, применяется гибкая система частичной оплаты за путевку. По таким условиям каждый сезон будут отпускаться 30 путевок, 10 из которых будут выдаваться жителям Джидинского района.

Кроме того, в отделении есть еще 25 мест, где может оздоравливаться любой гражданин независимо от возраста за полную стоимость путевки, которая составляет 10 540 р. В стоимость путевки входит проживание, пятиразовое

питание, весь набор медицинских услуг по назначению врача, занятия с инструктором лечебной физкультурой, культурно-досуговые мероприятия. Сезон рассчитан на 12 дней.

Автономное учреждение социального обслуживания РБ Закаменский пансионат для ветеранов войны и труда «Горный воздух» располагается в г. Закаменск в 450 км от г. Улан-Удэ, в горной местности с преобладанием лиственного леса. Курс оздоровительно-реабилитационных мероприятий рассчитан на 12 дней.

В период пребывания в реабилитационном отделении отдыхающие могут получить полный комплекс реабилитационных услуг:

- физиолечение;
- иглорефлексотерапия (ИРТ Су-Джок, аурикулотерапия, ИРТ от ожирения, курения, алкоголизма);
- парафинолечение;
- водолечение («табан аршан»);
- массаж (аппаратный, вытяжной, классический, точечный, сегментный);
- аллопатическое лечение (уколы, внутривенные вливания, таблетированное лечение, траволечение);
- гомеопатическое лечение;
- занятия с инструктором лечебной физкультурой;
- грязелечение (грязь привезена из Кирана).

Отделение предоставляет также комнаты повышенной комфортности, гостиничные номера, фотосъемку, аренду физкультурного зала с использованием спортивного инвентаря и без него, душ после занятий ЛФК.

Таким образом, мы видим, что деятельность реабилитационного отделения Закаменского дома-интерната для престарелых и инвалидов совершенствуется и становится все более эффективной.

Потась Александр Геннадьевич, магистрант Бурятского государственного университета, консультант Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия. E-mail: mintr@mtsrb.eastsib.ru

Potas Alexander Gennadievich, graduate student, Buryat State University, consultant of Ministry of Social Protection of Population, Republic of Buryatia. E-mail: mintr@mtsrb.eastsib.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ

В статье рассматриваются понятие и актуальные вопросы оказания мер социальной поддержки многодетных семей в Республике Бурятия.

Ключевые слова: многодетная семья, меры социальной поддержки, улучшение жилищных условий.

O.S. Emelyanenko

STATE SUPPORT OF LARGE FAMILIES

The article considers a concept and topical issues of provision of social support measures of large families in the Republic of Buryatia.

Keywords: large family, social support measures, improvement of living conditions.

Семья как социальный институт всегда являлась той основой, на которой построены все сложнейшие структуры общества. Она возникла в эпоху позднего неолита и до настоящего времени остается наиболее устойчивым социальным образованием, так как 85% людей в мире живут в семьях.

Семья – это сложное социальное образование. Исследователи определяют ее как конкретную систему взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, как малую группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, как социальную необходимость, которая обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [1].

Согласно Конституции Российской Федерации семья – это конституционно-правовая категория, основанная на браке (юридически оформленном, добровольном союзе мужчины и женщины), порождающая взаимные личные и имущественные права и обязанности, направленные на создание семьи, рождение и воспитание детей (ст. 7, 38 и 72 Конституции Российской Федерации) [2].

Семья является необходимым условием для развития каждого человека, играет важную роль в жизни общества и государства, в воспитании новых поколений, обеспечении общественной стабильности и прогресса. Система норм, ценностей и стратегий семьи выверена столетиями. Ее устойчивость, гибкость и адаптационные способности обеспечиваются следованием опыту многих поколений. Стабильность и мощь государств основаны на нормах и ценностях семейного образа жизни.

Поэтому составной частью социальной политики Российской Федерации является семейная, включающая в себя социальную и правовую защиту семьи и детства, направленную на созда-

ние соответствующих социальных, правовых и экономических условий для сохранения семьи как стабильного института, обеспечивающего защиту членов семьи на основе любви и уважения. Это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью.

Согласно законодательству Российской Федерации, семья находится под защитой государства. Пункт 3 статьи 16 Всеобщей декларации прав человека предусматривает, что семья – естественная основная ячейка общества – имеет право на защиту со стороны общества и государства.

По мнению главы государства, гарантом развития страны являются в первую очередь дети. Сейчас в России отмечается значительное повышение уровня рождаемости. По словам Владимира Путина, уже в скором времени многодетные семьи должны стать не исключением и редкостью, а абсолютной нормой. «Демографы утверждают, что выбор в пользу второго ребенка – это уже потенциальный выбор в пользу третьего. Важно, чтобы семья сделала такой шаг», – заявил Путин. «Я все-таки убежден, что нормой в России должна стать семья с тремя детьми», – считает президент. «Чтобы это было так, нужно многое сделать, нужно создать благоприятные условия в первую очередь для женщин, чтобы они не опасались, что рождение второго и третьего ребенка закроет им путь к карьере, к хорошей работе и заставит ограничиться исключительно домашним хозяйством» [3].

Рассуждая на эту тему, можно сказать, что на рубеже XIX–XX вв. семьи в России, как правило, были многодетными. Религия и обычаи того времени поддерживали такой семейный уклад. Отказ от рождения детей или прерывание беременности являлись тяжким грехом: «У кого детей нет – во грехе живет». В России крепкая и

многодетная семья, высокий уровень рождаемости и прироста населения были залогом благосостояния страны [4].

Современные условия жизни и уровень экономического развития России, непредсказуемость уровня доходов семьи заставляют более ответственно подходить к вопросу планирования количества детей.

Поэтому в настоящее время малодетность постепенно уменьшает общественную ценность материнства, а нестабильность экономической жизни лишь усугубляет это, несмотря на попытки возрождения традиций.

Анализ условий жизни семей показывает, что чем лучше материальные и жилищные условия, тем чаще присутствует установка на рождение одного ребенка. Также выявлена обратная зависимость количества детей от доходов семьи: (при самых благоприятных условиях) число детей ниже в семьях с более высоким доходом. Неблагоприятные условия, низкое материальное положение, отсутствие необходимой жилплощади снижают вероятность рождения следующего ребенка. Причем ожидаемое увеличение дохода не влияет на репродуктивную установку. Репродуктивная установка семьи связана с субъективной оценкой супругами своего материального положения. Интересно, что в наиболее обеспеченных семьях треть супругов (чаще – мужья) считают материальные условия плохими и расценивают это как препятствие к появлению ребенка. А семьи, где доход невелик и уже есть один или два ребенка, оценивают свое материальное положение как достаточное. Таким образом, каков бы ни был доход семьи, удовлетворенность им может быть различной. В значительной мере она определяется тем, какое место занимают материальные блага в системе ценностей семьи.

Какие семьи являются многодетными? Понятие "многодетная семья" не имеет единого значения. Каждый субъект Российской Федерации сам определяет статус семьи. При этом понятие «многодетная семья», как говорится в указе президента Российской Федерации от 05.05.1992 № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», определяется "с учетом национальных и культурных особенностей в социально-экономическом и демографическом развитии региона".

Согласно законодательству г. Санкт-Петербурга, многодетная это семья, имеющая трех и более детей (в том числе усыновленных, находящихся под опекой (попечительством), а также пасынков и падчериц) в возрасте до 18 лет

(в ред. закона г. Санкт-Петербурга от 16 февраля 2011 г. № 8-16).

Например, в соответствии с законодательством г. Москвы, многодетная – это семья, в которой родились и (или) воспитываются трое и более детей (в том числе усыновленные, а также пасынки и падчерицы) до достижения младшим из них возраста 16 лет (учащимся в образовательном учреждении, реализующем общеобразовательные программы до 18 лет).

Закон Забайкальского края от 29 декабря 2008 г. № 107-33К «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Забайкальском крае» устанавливает меры социальной поддержки многодетных семей, имеющих в своем составе трех и более детей до 18 лет, включая усыновленных и принятых под опеку (попечительство), в том числе детей, обучающихся в учебных заведениях по очной форме обучения (до окончания обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет).

Многодетная семья в Республике Бурятия – это семья, имеющая в своем составе трех и более детей в возрасте до 18 лет. В республике в настоящее время проживает более 13 тыс. многодетных семей, доля которых от общего числа семей с детьми до 18 лет составляет 14,6%. Многодетные семьи с тремя детьми составляют 80 % от общего количества многодетных семей в республике, семьи с четырьмя детьми составляют 15%, с пятью и более детьми – 5% [5].

Решение демографической проблемы невозможно «если мы не создадим надлежащие условия и стимулы для роста рождаемости здесь, в нашей собственной стране, не примем эффективных программ поддержки материнства, детства, поддержки семьи» [6].

Анализ системы пособий, льгот и компенсационных выплат семье позволяет констатировать, что их роль в социальной и экономической защите семьи невелика. Уровень жизни малообеспеченных семей не претерпевает качественных изменений, несмотря на то, что в их доходах пособия на детей составляют значительную долю. В высокодоходных группах семей тем более эти пособия и льготы не играют никакой роли в определении уровня их жизни. Это подтверждает тезис о том, что в сложившихся в переходный период условиях жизни проблема социальной защиты семей приобретает принципиально важное значение. Вместе с тем ее реализация на стадии формирования рыночной экономики нуждается в качественно новом подходе.

До сих пор действует указ президента Российской Федерации от 5 мая 1992 г. (заменяющий собой федеральный закон) № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей». Конституционный суд неоднократно указывал на то, что издание президентом указа, восполняющего правовые пробелы, допустимо при условии, что его действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующего федерального закона. Таким образом, данный указ носит временный характер и не освобождает федерального законодателя от необходимости принятия соответствующего документа.

В то же время имеется противоречие между положениями указа и федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в котором решение вопросов социальной поддержки и социального обслуживания многодетных семей отнесено к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Это значит, что в федеральные законы не должны включаться положения, которыми определяются объем и порядок осуществления расходов из бюджета субъекта Российской Федерации. В полной мере такого рода ограничение распространяется и на указы президента, ибо, как следует из части 3 статьи 90 Конституции Российской Федерации, указы и распоряжения президента не должны противоречить федеральным законам.

Во всяком случае в отсутствие федерального закона указ президента Российской Федерации от 5 мая 1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» выступает в определенном смысле эталоном уровня социальной защиты многодетной семьи, именно этот документ являлся базовым при принятии региональных нормативно-правовых актов.

Однако перечень и виды мер социальной защиты существенно различаются в регионах и по количеству, и по содержанию, и по источникам финансирования. Достаточно сказать, что закон Тверской области от 29 декабря 2004 г. №78-ОЗ «О статусе многодетной семьи в Тверской области и мерах ее социальной поддержки» предусматривает всего два вида социальной защиты, а например, закон Калужской области от 5 мая 2000 г. №8-ОЗ «О статусе многодетной семьи в Калужской области и мерах ее социальной поддержки» – 22.

В то же время следует отметить, что региональное законодательство, в отличие от феде-

рального, в части регулирования права на социальную защиту многодетных семей более развито, содержательно и разнообразно. Так, помимо мер, предусмотренных указом президента Российской Федерации от 5 мая 1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», субъекты РФ установили за счет собственных бюджетных средств дополнительные виды социального обеспечения многодетных семей. В частности: субсидии в размере 50% абонентской платы за телефон (Белгородская область); дополнительное ежемесячное пособие на каждого ребенка из многодетной семьи; бесплатное предоставление физкультурно-спортивных услуг государственными и муниципальными учреждениями физкультуры и спорта (Владимирская и Тамбовская области); бесплатное оказание социально-экономических, социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических, социально-правовых, социально-бытовых и иных услуг государственными учреждениями (г. Москва); обучение и переобучение членов многодетной семьи в учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования с учетом конкретных потребностей экономики области за счет средств областного бюджета (Тамбовская область) и др.

В условиях административной реформы в стране и разграничения полномочий между исполнительными органами федеральной власти и местным самоуправлением ответственность за разработку и реализацию государственной семейной политики ложится на субъекты Российской Федерации, что ведет к усилению ее региональной составляющей и зависимости результатов реализации от методологического, нормативного и финансового обеспечения переданных регионам полномочий.

Однако существенное нормативное многообразие в социальной сфере не всегда оправданно, так как при отсутствии гарантированного минимума мер социальной защиты может возникнуть ситуация конституционного неравенства прав граждан в зависимости от места их жительства. Каким бы разнообразным и развитым ни было региональное законодательство, это не освобождает государство от обязанности обеспечить единый федеральный стандарт социальной защиты многодетной семьи на всей территории Российской Федерации.

С поиском эффективных мер по поддержке многодетных семей рано или поздно сталкивается практически каждое государство. В настоящее время практически решен вопрос выде-

ления многодетным семьям в собственность земельных участков для индивидуального жилищного строительства; фактически запрещено увольнение отцов, являющихся единственными кормильцами в таких семьях, введены дополнительные налоговые вычеты.

В связи с принятием федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 330-ФЗ "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации..." внесены изменения в Налоговый кодекс РФ (статью 218), в частности увеличен размер стандартных вычетов по налогу на доходы физических лиц для налогоплательщиков, имеющих детей.

Для лиц, имеющих трех и более детей, с 1 января 2011 г. согласно закону установлены вычеты в повышенном размере, и для них налог должен быть пересчитан с начала 2011 г. с предоставлением увеличенных вычетов.

Для многодетных семей в соответствии с законом Республики Бурятия от 6 июля 2006 г. № 1810-III «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Республике Бурятия» существует определенный перечень льгот. Общая потребность денежных средств республиканского бюджета в год на выплаты семьям с детьми составляет свыше 350 млн р.

Тем не менее в настоящее время в целях улучшения социально-экономического положения многодетных семей очень важно определить перспективные направления государственной политики. Актуальным вопросом на протяжении длительного времени для многодетных семей является улучшение жилищных условий. Поэтому, с 2011 г. многодетные семьи получили право на бесплатное первоочередное предоставление земельного участка в собственность, независимо от того, признаны ли они нуждающимися в улучшении жилищных условий, вне зависимости от наличия у семьи иных земельных участков (объектов недвижимости). Данные изменения отражены в законе Республики Бурятия «О бесплатном предоставлении в собственность земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности».

Всего с начала действия нормы земельные участки предоставлены 798 многодетным семьям, из них в 2011 г. – 232 семьям. Размер площадей выделенных земельных участков составляет 1000 – 1500 м².

В целях улучшения жилищных условий многодетных семей в республике принят ряд мер по снижению затрат граждан на строительство жилого дома на земельном участке, а именно:

– принят закон № 1386-IV от 11.05.2010, предусматривающий право граждан на заготовку древесины для строительства жилых домов в объеме до 300 м³ бесплатно.

- принят Порядок предоставления жилищных займов застройщикам, получившим бесплатно земельный участок и древесину в целях жилищного строительства, на приобретение строительных и отделочных материалов для завершения (достройки) объектов индивидуального жилищного строительства в размере до 250 тыс. р.

Фактические расходы с учетом стоимости земли, 300 м³ леса, коммунальной инфраструктуры составили в 2011 г. 19,6 млн р., в 2012 г. расходы составят более 100 млн р.

Основное требование к предоставляемым земельным участкам – это отсутствие оврагов и обеспеченность инфраструктурой (вода, электричество, дороги).

В 2007 г. введена норма, предусматривающая предоставление многодетным семьям, в которых одновременно родилось трое и более детей, нуждающимся в улучшении жилищных условий, субсидий на приобретение жилых помещений за счет средств республиканского бюджета из расчета 18 м² общей площади жилья на каждого члена семьи и средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилья по Республике Бурятия.

Жилищные субсидии предоставляются на безвозвратной основе на приобретение или строительство жилых помещений. С начала действия этой нормы (в 2009–2010 гг.) жилищная субсидия предоставлена 3 многодетным семьям.

С 2011 г. правительство Республики Бурятия приступило к реализации первого этапа программы республиканского «материнского капитала». Многодетным семьям, имеющим семь и более несовершеннолетних детей, нуждающимся в улучшении жилищных условий, предоставляется единовременная денежная выплата на приобретение жилых помещений за счет средств республиканского бюджета из расчета 11 м² общей площади жилья на каждого рожденного (усыновленного) ребенка в возрасте до восемнадцати лет и средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилья по Республике Бурятия, устанавливаемой федеральным законодательством.

В 2011 г. свидетельства о предоставлении единовременной денежной выплаты на приобретение жилья выданы 14 семьям, из них 10 – с семью детьми, 4 – с восемью детьми. Все 14 многодетных семей в 2011 г. приобрели жилье.

Финансирование из республиканского бюджета на указанные цели составило 27,5 млн р.

Средний размер свидетельства (сертификата) составляет 2 млн р., что вполне достаточно для приобретения хорошего жилого помещения.

В 2012 г. 33 семьям выданы свидетельства о предоставлении единовременной денежной выплаты на приобретение жилья на общую сумму 68,1 млн р. В настоящее время наблюдается рост числа многодетных семей. Поэтому в текущем году планируется обеспечить жильем еще 3 семьи, вставших на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий в 2012 г.

В республике продолжается нормотворческая работа по улучшению социально-экономического положения многодетных семей. С 2013 г. аналогичная норма введена для многодетных семей с шестью и более детьми, нуждающихся в улучшении условий.

Сама по себе программа по улучшению жилищных условий многодетных семей очень перспективна и на нее возлагаются большие надежды. В перспективе ожидается, что таким образом большая часть многодетных семей сможет создать комфортные условия для своих детей. Впервые правительством Республики Бурятия уделяется такое пристальное внимание этому вопросу и предлагаются конкретные пути решения жилищной проблемы многодетных семей.

Также в настоящее время наиболее целесообразной мерой представляется введение в республике единовременной выплаты при рождении третьего и последующих детей (в развитие ранее принятой программы по решению жилищного вопроса многодетных семей) в сумме 50 тыс. р. для семей, чей среднедушевой доход

не превышает величину прожиточного минимума на душу населения.

Средства материнского (семейного) капитала семья может использовать на улучшение жилищных условий, образование, лечение детей, приобретение транспортного средства, бытовой техники, предметов первой необходимости для новорожденного ребенка.

Сегодня социальная поддержка многодетной семьи представляет собой многогранную деятельность, дифференцированную по отношению к различным группам населения в связи с динамичными процессами, происходящими в обществе, и структурированную по разным министерствам и ведомствам. Семье, а особенно многодетной, нужна социальная помощь и защита государства. Причем помощь гарантированная и адресная. Необходима продуманная, взвешенная социальная программа работы с семьей в каждом регионе России, учитывающая его социально-экономические возможности.

Литература

1. Артамонова Е.И., Екжанова Е.В., Зырянова Е.В. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования // ред. Е.Г. Силаева. – М.: Академия, 2002.
2. Конституция Российской Федерации.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 12.12.2012 г.
4. Холостова Е.И. Технология социальной работы: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2002.
5. Социальный паспорт Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия.
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 12.12.2012.
7. Захаров М.Л. Право социального обеспечения России: учеб. для студ. сред. учеб. заведений. – М.: БЕК, 2001.
8. Закон Республики Бурятия от 6 июля 2006 года № 1810-III «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Республике Бурятия».

Емельяненко Оксана Сергеевна, магистрант Бурятского государственного университета, председатель Комитета социальных гарантий Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия. г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Emelyanenko Oksana Sergeevna, graduate student, Buryat State University, the chairman of the Committee of Social Guarantees, Ministry of Social Protection of Population of the Republic of Buryatia. Ulan-Ude, Smolin str. 24a.

УДК 314 (571.54)

© З.А. Бутуева, А.В. Козулин

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БУРЯТИИ В НАЧАЛЕ XXI В. И МЕРЫ ПО ИХ РЕГУЛИРОВАНИЮ

В данной статье авторы попытались проанализировать особенности количественных и качественных характеристик миграционных процессов в Республике Бурятия и предложить меры по их регулированию.

Ключевые слова: демографическая ситуация, мигранты, миграционные процессы, трудовая миграция

Z.A.Butueva, A.V.Kozulin

PECULIARITIES OF MIGRATION PROCESSES IN BURYATIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY AND MEASURES ON THEIR REGULATION

The authors attempted to analyze the special features of quantitative and qualitative characteristics of migration processes in the Republic of Buryatia and to propose measures for their regulation.

Keywords: demographic situation, migrants, migration processes, labor migration.

Данная статья является логическим продолжением предыдущих исследований, посвященных анализу миграционной ситуации в Республике Бурятия [2, 3, 13]. В 2009 г. на основании анализа темпов развития миграционных процессов мы попытались спрогнозировать динамику территориального перемещения населения. Однако мировой экономический кризис и особенности его протекания в Российской Федерации внесли свои коррективы в передвижение населения по стране. Интересные явления наблюдались в Бурятии. Таким образом, у нас появилась возможность сравнить наши прогнозы с официальными статистическими отчетами. Данное исследование позволяет продемонстрировать отличия реально происходящих миграционных процессов с прогнозами, которые даются на основании вычислений усредненных показателей темпов прироста.

Закономерности демографического перехода определили протекание процессов изменения движения и структуры народонаселения в Бурятии. Демографические процессы в республике в основном имеют схожие тенденции с общероссийскими. К ним относятся старение населения, снижение рождаемости, повышенная смертность (в особенности трудоспособной части населения), изменение брачно-семейных отношений, быстрый рост городов и городского населения, а также миграционная убыль населения [3, с. 261]. Обширность территории и удаленность ее от политических и культурных центров России, недостаточное развитие транспортных коммуникаций, суровые климатические условия, малая плотность населения, особенности формирования расселенческой сети во многом предопределили миграционные процессы в Бурятии.

Резко изменился характер миграционных процессов с начала 1990-х гг. Основные события этого периода – распад СССР, экономический и политический кризис – быстро отозвались на миграции населения. С начала 1990-х гг. Бурятия имеет отрицательный миграционный баланс в обмене населением практически со всеми регионами Российской Федерации (кроме Уральского и Восточно-Сибирского) и бывшими союзными республиками. Интенсивность выбытия населения республики в эти регионы значительно превышает интенсивность прибытия, в результате эффективность миграции населения крайне низкая [4, с. 112]. В начале XXI в. наметилось замедление миграционных процессов. Так, в 2008 г. миграционная убыль составила – 2573 человек, что на 31 % меньше, чем в 2006 г. (3553 человек) [10, с. 55]. В 2009 г. внешнее миграционное сальдо составило – 1513, что на 41 % меньше, чем в 2008 г., и на 25 % меньше, чем прогнозируемые нами данные. В абсолютном исчислении почти на 5 тыс. снизилось число прибывших в республику извне и на 2 тыс. человек уменьшилось число выбывших из региона. Отрицательное миграционное сальдо сократилось за один год на 1060 человек, что составило 41% (таблица). Однако официальные статистические данные за 2010 г. констатируют, что внешнее миграционное сальдо составило 3235 человек, что более чем в два раза больше показателей 2009 г. Пик экономического кризиса в Бурятии пришелся именно на 2009 г. Это сказалось на уменьшении интенсивности миграционных процессов в целом. Усиление оттока населения в 2010 г., с одной стороны, свидетельствует о постепенном улучшении экономической ситуации в республике в целом. С другой стороны, несмотря на предпринимаемые меры

на местном уровне, тенденция оттока населения из республики продолжает усиливаться. Это один из наиболее объективных показателей реальной социально-экономической ситуации.

Важен анализ миграционных процессов, происходящих в настоящее время в республике в городских и сельских поселениях. Происходит значительное увеличение городского населения за счет фактического расширения городских поселений при сохранении административных границ. Так, статистические данные за 2004-2007 гг. констатируют некоторый отток городского населения в Заиграевский, Иволгинский, Кабанский, Прибайкальский и Тарбагатайский районы [9, с. 2]. Те земли, куда переселяются городские жители «де-факто», уже являются территорией города, «де-юре» – сельской территорией. Основное место среди мигрантов занимают сельские жители, переезжающие в город на постоянное место жительства или сезонные работы. Переезд на постоянное место жительства связан с поступлением детей в высшие и средние профессиональные учебные заведения.

Процесс переселения жителей в город из сельской местности вполне закономерен и объективен. Это показывает мировая практика. Подобные процессы происходили по всей Европе, Америке, а также в Азии. Деревни и села исчезают как вид поселения. На их место приходят одиночные фермерские хозяйства. В России эти закономерности были исследованы давно. В начале XX в. такую реформу проводил П.А. Столыпин, переселяя крестьян из сел и деревень на хутора и отруба.

В конце 50 – начале 60-х гг. XX в. под руководством Н.С. Хрущева проводилась известная кампания по ликвидации малоперспективных сел. В настоящее время эти процессы происходят стихийно, вызывая множество проблем в первую очередь социального плана. Сельское население разделилось на две части – оставшихся и уезжающих на постоянное место жительства или на заработки. Люмпенизация одних и миграция других выступают как закономерное следствие исчезновения деревни как вида поселения.

Другой составляющей процесса увеличения городского населения является приток иностранных граждан в основном из Китая, Кореи, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Эти миграции носят сезонный характер и относятся к трудовым. В теории и практике данный вид миграций для региона прибытия традиционно считают негативным. Мигранты, приезжая на место, занимают свободные ниши, усугубляя и

без того проблемную ситуацию с трудоустройством. Во-вторых, большую часть своего заработка они отправляют на родину. В-третьих, присутствие мигрантов из других государств на территории республики часто вызывает недовольство населения. Здесь начинает работать механизм противопоставления «мы – они». Мигранты успешно конкурируют с местными жителями в бизнесе, на рынке наемной рабочей силы. Местные жители часто считают, что мигранты покушаются на самое святое – родную землю, родину. Используя патриотические мотивы, местное население пытается легитимизировать собственный статус и поставить мигрантов за рамками правового поля. Это демонстрируется в организации, условиях и оплате труда иностранных граждан.

Несмотря на всю «негативность» данного вида миграций, нельзя отрицать их объективность и закономерность. Мигранты занимают незанятые ниши – они приезжают в поисках работы. Их не пугает низкая заработная плата, труд характеризуется высокой производительностью, рабочий день не ограничивается трудовым кодексом. Казалось бы, власти и общество имеют хорошее представление о ситуации с мигрантами. Но реальная картина (численность мигрантов, сфера общения, их местопребывание) не представлена полностью, не говоря уже о регулировании данных процессов.

Как отмечает А. Молчанов, соответствующими органами власти прилагаются немалые усилия по регулированию и упорядочению миграционных процессов, профилактике межнациональной напряженности, единого концептуального подхода в данной области не выработано. Даже в рамках одного органа власти вопросами внешней миграции и межнациональных отношений занимаются обычно разные подразделения, а кое-где работа в области межэтнических отношений возложена на консультативные общественные советы [7, с.13].

Мигранты не стремятся перенимать городской образ жизни, слабо инкорпорируются в городскую среду, практически напрямую переносят тот хозяйственно-бытовой и культурный уклад, которым они жили ранее.

Эти процессы несут целый ряд неоднозначных последствий. Это и затруднения в энергетической, дорожной отраслях, проблемы бытового обслуживания города, увеличение числа самовольных жилых застроек, рост уличной преступности, снижение общего уровня культуры повседневного общения населения. Данные яв-

ления носят не только количественный, но и качественный характер.

С 1995 г. началось стабильное сокращение численности населения. Если в 1995 г. в республике проживало 1052,8 тыс. человек, в 2010 г. численность населения упала до 963,5 тыс. человек [6, с. 1-3]. За 15 лет убыло около 90 тыс. человек, причем в большинстве своем это население трудоспособного возраста, активные творческие люди не желающие мириться с ситуацией. Если миграционное движение будет сохранять прежние темпы и тенденции, то в скором времени наш регион может пострадать в плане интеллектуальных ресурсов.

Межрегиональная миграция оказывает значительное влияние на изменение численности населения республики. Сальдо миграции населения республики с регионами России было положительным только до 1990 г. Отток населения с 1990 по 2009 г. в основном происходил в Сибирский федеральный округ – 22,4 тыс. человек; в Центральный – 18,4; в Южный – 7,9 и Приволжский – 7,2. Среди регионов России, откуда прибывают и куда выбывают мигранты, лидируют Иркутская область и Забайкальский край. За период с 1990 по 2009 г. отток в Иркутскую область составил 11,7 тыс. человек, что составляет 52 % оттока населения в Сибирский федеральный округ. Регионом-донором для нашей республики в последние четыре года являлся Забайкальский край [5, с. 2]. Соседние регионы выступают как более близкие и привлекательные для проживания, чем Бурятия. Переезд туда, по сути, не является полным отрывом от малой родины, тесные связи продолжают сохраняться, и одновременно качественно меняются условия проживания. Так, доля прибывших из Иркутской области и Забайкальского края составляла чуть более половины всех прибывших в республику извне, доля убывших – от 43 % (2004 г.) до 36,8 % (2009 г.).

Более половины мигрантов на межрегиональном уровне составляет население в возрасте от 20 до 39 лет. В 2008 и 2009 гг. эта цифра составила 59% и 60 % среди прибывших и 53 % и 55 % среди убывших соответственно. Что касается населения трудоспособного возраста, то оно составляет преобладающую часть среди мигрантов – около 80 % среди прибывших и убывших. Национальный состав мигрантов характеризуется абсолютным лидерством русского населения (доля прибывших составила 57,3% от общего числа прибывших и выбывших – 63,6% от общего числа выбывших). Доля бурятского населения среди мигрантов также значительна.

В 2007 г. среди прибывших она составила 27,4%, среди выбывших – 17,1% [6, с. 32]. Представители всех этнических групп активно участвуют в миграционных процессах пропорционально доле своего присутствия в структуре населения региона. Это характерно и для титульного для региона этноса, представители которого также стремятся покинуть родину в поисках лучшего места жительства.

Так, по данным социологического опроса более половины выпускников четырех государственных вузов республики (51% опрошенных) намерены покинуть республику после окончания обучения, причем наибольшее число наблюдается среди выпускников ВСГУ. В качестве причин выезда указываются слабое социально-экономическое развитие республики (указало 34% опрошенных), низкая заработная плата (25%), отсутствие вакантных мест по специальностям (21%) и т.д. [1, с. 177–178].

Местные вузы готовы принять гораздо больше выпускников школ республики, однако количество бюджетных мест ограничено. В этих условиях абитуриенты выезжают в мегаполисы, где есть больше возможностей поступить на бюджетное обучение.

Таков краткий количественный замер миграционных потоков. Несмотря на всю свою очевидность, он зачастую не дает представления о качественной стороне миграций – мотивы перемены места жительства, механизмы распространения информации в среде мигрантов и потенциальных мигрантов, адаптация к новым условиям проживания и т.д.

По данным Бурятстата, опубликованным в 2010 г., причинами, вызывающими необходимость смены места жительства, являются обстоятельства личного и семейного характера, возврат к прежнему месту жительства и ситуация, связанная с работой и учебой. В 2009 г. из республики по семейным обстоятельствам выехало 47 % всех мигрантов, в связи с поиском новой работы – 19 %, возвратом к прежнему месту жительства – 15 % и в связи с учебой – 12 % [5, с.1-2].

Для более объективного освещения ситуации приведем несколько примеров.

Выпускница юридического факультета одного из государственных вузов Иркутска после окончания обучения вернулась на родину в Бурятию для трудоустройства. По ее словам, Бурятию ожидал скачок в развитии, и ей хотелось принять активное участие в процессе. Девушка, имея диплом с отличием, не смогла устроиться ни в государственную, ни негосударственную

структуру, – везде требовался опыт работы. Разослав свое резюме по иногородним учреждениям, она получила приглашение на работу юристом в администрацию г. Иркутска.

Молодая семья переехала на обучение в аспирантуру одного из вузов г. Москвы. После окончания аспирантуры была возможность остаться в Москве. Однако неудовлетворенность главы семьи условиями проживания и столичным образом жизни сыграли решающую роль в их возвращении на родину. Вернувшись на родину, они сумели получить достойное место работы и открыть свой бизнес. Они не просто вернулись, в их лице республика вновь обрела высоких профессионалов.

Молодой человек по окончании обучения в вузе по специальности «менеджмент» некоторое время работал в сфере жилищно-коммунального хозяйства г. Улан-Удэ. Неудовлетворенность размером заработной платы, стремление к более высокому уровню культурно-досуговой жизни, повседневного общения, наличие дальних родственников и друзей в конечном итоге повлияли на его переезд в Санкт-Петербург.

Каждый из приведенных примеров уникален, но их объединяет вот что. В первую очередь, их участники являются мигрантами трудоспособного возраста, занимающими активную жизненную позицию. Как отмечает П.А.Чукреев: «Без повышения качества рабочих мест республику будут продолжать покидать специалисты, поскольку цель выезда для их значительной части не сводится только к поиску высокооплачиваемой работы, хотя данный фактор является определяющим, а в крупных экономических центрах страны специалисты из Бурятии стремятся реализовать свои профессиональные амбиции» [12, с. 301]. Таким образом, в последние годы появилась новая доминирующая тенденция – мигранты выбирают не конкретное место работы, а в первую очередь город для проживания.

Сложившаяся демографическая ситуация становится серьезным фактором, препятствующим позитивной динамике развития региона. Для решения данных проблем необходимо в кратчайшие сроки предпринять ряд мер. Основное место в регулировании миграционных процессов продолжает занимать государство. В 2002 г. в Бурятии была принята Концепция демографического развития, главной целью которой являлась стабилизация численности населения, преодоление тенденций демографического спада, создание условий для последующего роста населения [8, с. 2].

К первостепенным мерам также следует отнести создание благоприятного информационного фона. В настоящее время необходимо внедрение идеологической составляющей в информационное пространство республики через сотрудничество с СМИ, содействие росту гражданского патриотизма, популяризация региона среди местного населения. Необходимо менять моноцентризм развития страны и пропагандировать регион как уникальную полиэтническую и мультикультурную зону с высокой степенью толерантности.

Существует острая необходимость в изменении пассивного отношения к мигрантам из других стран. В лучшем случае власти и СМИ констатируют данные количественных замеров. Необходимо заняться регулированием миграционного движения. Граждане других государств будут продолжать мигрировать на заработки в Бурятию, поскольку местное население не стремится или не способно занять эти ниши. В этом случае необходимо повышать образовательный и культурный уровень мигрантов и местных жителей для регулирования производственных отношений. Необходимо не только пассивно созерцать прибывание мигрантов, но и приобщать их к местному социально-культурному укладу. Мигранты из других регионов и стран являлись бы не только трансляторами наличной денежной массы из региона, но и распространяли бы информацию о национально-культурной и социальной специфике региона.

Вышеописанные действия стратегического характера имеют значительный временной период, т.е. результат их реализации скажется не сразу и не будет столь явным.

Не менее важным является решение следующих вопросов. Одной из основных проблем при устройстве на место жительства в республике и в Улан-Удэ является поиск жилья. Это показывают многочисленные социологические опросы. Одним из выходов может стать строительство общежития для молодых специалистов, аспирантов, студентов, рабочих (в перспективе – расширение общежития до статуса молодежного кампуса с собственной социально-бытовой и культурно-досуговой инфраструктурой). Строительство такого рода кампусов, финансируемое за счет республиканского и муниципального бюджетов, во-первых, позволило бы разрешить проблему обеспечения жильем молодежи. Во-вторых, приобщение молодежи к досуговой и спортивно-оздоровительной деятельности способствовало бы организации культурного досуга и снижению уровня таких проблем, как алкого-

лизм, табакокурение, преступность. В-третьих, молодежный кампус приобщал бы мигрантов к городскому образу жизни, качественно изменяя культуру повседневного общения. В-четвертых, молодежный кампус может стать экспериментальной площадкой не только в плане жилищно-культурной и досуговой деятельности, но и в плане развития молодежных инициатив.

В развитии кадрового потенциала республики наблюдается следующее. Существует кадровый голод при наличии большого числа безработных, т.е. трудно устроиться на работу, но в то же время не хватает квалифицированных, творческих, активных специалистов. В качестве одного из путей решения может быть целевая подготовка и переподготовка специалистов, возможно, путем увеличения бюджетных мест в высшие учебные заведения за счет республиканского и муниципального заказов.

Культурно-досуговая и спортивно-оздоровительная виды деятельности в республике находятся в удручающем состоянии. К сожалению, действующие учреждения не справляются со своими обязанностями. Мировая практика показывает, что немалую часть своих доходов население тратит именно на организацию досуга и отдыха. Необходимо не только простое увеличение числа учреждений, расширение сферы (ассортимента) культурно-досуговой и спортивно-оздоровительной деятельности в целом по республике. Выходом из положения являлась бы передача подобных учреждений высшим учебным заведениям соответственно профилю. Это помогло бы частично или полностью решить целый ряд проблем – обслуживание, финансирование, кадровое обеспечение, трудоустройство, наполняемость. Проблема заключается не столько в количественной характеристике данной сферы, сколько в качественном управлении.

Таблица 1

Данные по миграции

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008**	2009**	2010**
Прибывшие										
Всего	17847	17347	18103	19414	18880	23453	25478	23555 (27499)	21366 (29520)	20151 (31541)
Внутри республики	11757	11677	12085	13679	13766	17133	18386	16479 (19955)	14657 (21524)	13549 (23093)
Извне	6090	5670	6018	5735	5114	6320	7092	7076 (7544)	6709 (7996)	6602 (8448)
Выбывшие										
Всего	22576	21656	21639	23066	23159	27006	28229	26128 (29950)	22879 (31671)	23386 (33392)
Внутри республики	11757	11677	12085	13679	13766	17133	18386	16479 (19955)	14657 (21524)	13549 (23093)
За пределы республики	10819	9979	9554	9387	9393	9873	9843	9649 (9995)	8222 (10147)	9837 (10299)
Внешнее миграционное сальдо	-4729	-4309	-3536	-3652	-4279	-3553	-2751	-2573 (-2451)	-1513 (-2151)	-3235 (-1851)
Доля прибывших из соседних регионов *	53% 3242	57% 3222	55% 3302	55% 3178	56% 2886	55% 3479	53% 3792	53,8% 3806	57,5% 3857	
Доля выбывших в соседние регионы *	42% 4531	40% 3989	41% 3896	43% 4063	44% 4132	40% 3941	38% 3765	39,5% 3809	36,8% 3026	

* Иркутская и Читинская области.

** В скобках приведены данные, высчитанные авторами в 2009 г. на основе темпов прироста показателей 2004-2007 гг.

Для стабилизации миграционных процессов и снижения миграционной убыли населения необходимо привлекать жителей соседних регионов. Если разница в развитии с регионами Центральной России, особенно такими, как Москва и Санкт-Петербург, практически не устранима даже в далеком будущем, то по отношению к сибирским и дальневосточным регионам воз-

можность выравнивания показателей развития вполне реальна.

Данные мероприятия будут способствовать изменению моноцентрической модели развития России. Миграция активного творческого населения не является целью, а лишь средством достижения высокого, качественно нового, уровня развития региона.

Таким образом, подвижность населения является характерной чертой развития мировой цивилизации в последние 100 лет. Миграция является одной из разновидностей движения населения. К другим относятся естественное (рождаемость, смертность) и социальное движение. Последнее подразумевает изменение социального статуса, продвижение в общественной структуре как вертикально, так и горизонтально. Часто это движение либо невозможно осуществить, либо оно чрезвычайно затруднено. Эта черта характерна для современного развития республики. Население не имеет возможности улучшить свое положение, повысить уровень доходов, совершить карьерное продвижение в силу определенных обстоятельств. В этом случае миграционное движение дает возможность совершить это путем перемещения в район, где границы между различными группами населения более проницаемы. Люди меняют место жительства в первую очередь по причине того, что в предполагаемом регионе пребывания есть более широкие возможности для реализации.

Приведенные нами данные демонстрируют быструю реакцию населения на изменения рынка занятости, рост безработицы, изменение курса национальной валюты. Немаловажным фактором являются мотивы поведения населения, в первую очередь мигрантов. Так, не последнюю роль в качестве решающего фактора в принятии решения о переезде играет обострившийся в последнее время национальный вопрос. Анализ мотивации демографического поведения жителей республики и мигрантов, прибывших в нее, будет являться предметом нашего будущего исследования.

Бутуева Зинаида Арсентьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета. E-mail: spf15@mail.ru, decspf@mail.ru

Козулин Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета. г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Butueva Zinaida Arsentevna, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of the theory of social work, Buryat State University. E-mail: spf15@mail.ru, decspf@mail.ru

Kozulin Andrey Vladimirovich, candidate of historical sciences, associate professor, department of history of Buryatia, Buryat State University. Ulan-Ude, Smolin str., 24a

Литература

1. Антонова Н.С. Особенности мотивации миграционного поведения студенческой молодежи Бурятии // Международный опыт и региональные особенности социальной работы в современном трансформирующемся обществе. – Ч.1. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – С.177–178.
2. Бутуева З.А. Факторы, влияющие на демографическое постарение населения в Республике Бурятия // Социальная среда – потенциал конкурентоспособности развития регионов: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 80–85.
3. Бутуева З.А. Постарение населения Республики Бурятия: история вопроса и современная ситуация // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 5 Психология, социальная работа. – 2011. – С.260–265.
4. Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 131 с.
5. Миграции в Бурятии [Электронный ресурс]. Опубликовано 24.05.2010. Официальный сайт органов местного самоуправления Улан-Удэ. – URL: <http://www.ulan-ude-eg.ru/news/for>
6. Миграции населения Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2008.
7. Молчанов А. Знакомьтесь: мигранты // Свободная мысль. – 2011. – № 1. – С.11–16.
8. О концепции демографического развития Республики Бурятия на период до 2010 г. / Постановление Правительства РБ от 29.04.2002 №129 // Бурятия. – 2002. – № 81.
9. О миграционной ситуации в Республике Бурятия в 2007 году // Буряад Унэн. – 2008. – №58.
10. Статистический ежегодник: ст. сб. / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2009. – 351 с.
11. Миграция населения Республики Бурятия: сборник №02-03-02. – Улан-Удэ, 2009. – 49 с.
12. Чукреев П.А. Демографическая ситуация и социальная работа органов власти Республики Бурятия по ее оптимизации / П.А.Чукреев // Вестник Бурят. госуниверситета. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. – 2009. – Вып. 5. – С. 300–305.
13. Козулин А.В. Основные тенденции регулирования миграционных процессов в Бурятии на современном этапе // Реализация молодежной политики на муниципальном уровне: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 16-17 сентября 2009 г.). – Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. – С.163–174.

УДК 316.48

© А.М. Бадонов

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В статье рассматриваются особенности проявления насилия в семейных отношениях жителей Республики Бурятия. На основе результатов проведенного социологического исследования автор выделяет различные виды насилия, характерные для жителей республики.

Ключевые слова: *насилие в семье, семейные отношения, психологическое насилие, экономическое насилие, физическое насилие.*

А.М. Badonov

PECULIARITIES OF VIOLENCE MANIFESTATION IN THE FAMILY IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

In the article the special features of violence in the family attitudes of the inhabitants in the Republic of Buryatia are considered. On the basis of the results of the conducted sociological research the author reveals different forms of violence, characteristic for the inhabitants of republic.

Keywords: *violence in the family, family relations, psychological violence, economic violence, physical violence.*

Насилие в семье – это сложное социальное явление, характерное для любого этапа исторического развития человеческого общества. В древности и практически до наших дней глава семьи имел право наказывать домочадцев любым способом, вплоть до смерти. Только в XIX в. общество обращает внимание на проблему насилия в семье, например, в художественной литературе – это «Отверженные» В. Гюго и произведения других авторов. В XX в. проблема насилия в семье становится все более актуальной и требует научного изучения.

В современном обществе насилие в семье входит в разряд негативных, нежелательных явлений. Этому способствовали различные факторы, в том числе принятие нормативно-правовых актов на международном уровне (например Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и др.) [2], исследования психологов, социологов, криминалистов, медиков о негативном влиянии семейного насилия [5].

Исследователи выделяют несколько видов насилия в семье: психологическое, экономическое, физическое и сексуальное. Достаточно часто эти виды насилия в семье взаимосвязаны друг с другом.

В 2002 г. в рамках проекта Совета женщин МГУ им. М.В. Ломоносова "Домашнее насилие" было проведено социологическое исследование по определению уровня насилия в современных российских семьях. Опрос проводился в 7 регионах России, в том числе в Северном (Республика Карелия), Центральном (Москва и Москов-

ская область), Северо-Кавказском (Ставропольский край), Центрально-Черноземном (Липецкая область), Восточно-Сибирском (Республика Бурятия), Западно-Сибирском (Омская область), Уральском (Республика Башкортостан). Численность населения регионов составляет 75% населения России. Всего было опрошено более 2200 человек в более чем 50 населенных пунктах [3, 7].

В Республике Бурятия были опрошены жители городов Улан-Удэ, Бабушкин (Кабанский район), Кяхта (Кяхтинский район), Гусиноозерск (Селенгинский район), сел Бичура (Бичурский район), Харгана (Селенгинский район), Кабанск (Кабанский район). Результаты исследования показали высокий уровень распространенности различных видов супружеского насилия: психологического, экономического, физического и сексуального. Например, почти 80% опрошенных женщин столкнулись хотя бы с одним из проявлений психологического насилия со стороны мужа: их или унижали, в том числе нецензурной бранью, или критиковали их личность, или к ним применяли запреты и угрозы [3, 10].

Так, случаи семейного насилия в Бурятии стали известны даже на федеральном уровне. Например, 16 мая 2012 г. на Первом канале вышла передача Андрея Малахова «Пусть говорят», сюжетом которого послужила история избиения Ирины Дацко из села Селендума гражданским мужем Константином Сычевым. Полтора года девушка находилась в коме, в итоге врачи не смогли спасти ей жизнь. Эта история

не оставила равнодушным большинство жителей Бурятии.

В Бурятии периодически выявляются случаи жестокого обращения в семье. Так, в 2005 г. в селе Кома Прибайкальского района отец в состоянии алкогольного опьянения сжег в печке своего годовалого ребенка, а двухлетний сын попал в реанимацию с многочисленными ожогами. Помощь мальчику оказывали люди со всей страны.

Это наиболее тяжелые случаи проявления насилия в семье. В основном в семьях насилие проявляется не в такой жестокой форме, а потому во многом остается скрытой от общественно-го внимания.

В настоящее время насилие в семье проявляется очень латентно, скрыто от общества. Пострадавшие стараются не распространяться о фактах насилия в силу различных причин: запугивание со стороны обидчиков, нежелание «выносить сор из избы», традиционное воспитание и др. Только единичные случаи предаются огласке и общественному порицанию.

Выявление жестокого обращения в семье имеет большие затруднения, так как человек не всегда расположен раскрывать негативные случаи из своей жизни.

В обществе до сих пор действует запрет на информацию о насилии в семье. Даже при анонимных социологических опросах не всякий респондент согласится раскрыть информацию о том, что он или другие члены семьи подвергались и подвергаются насилию со стороны близких людей.

Проблема заключается также в том, что респонденты не всегда четко определяют границы насильственных действий по отношению к членам семьи. В основном используется понятие физического насилия, однако следует учитывать, что существуют и другие виды насилия в семье [1, с. 198].

В 2011 г. автором было проведено социологическое исследование на тему «Проблемы насилия в современной семье». Исследование охватило несколько населенных пунктов Республики Бурятия: г. Закаменск (Закаменский район), с. Дутулур (Закаменский район), с. Кабанск (Кабанский район), с. Шергино (Кабанский район), с. Хоринск (Хоринский район), с. Санномыск (Хоринский район), с. Кижинга (Кижингинский район), с. Усть-Орот (Кижингинский район).

Согласно результатам проведенного социологического исследования, большинство опрошенных (53,3%) сложившиеся отношения в се-

мье отмечают как хорошие, 11,9% – как замечательные и 30,1% – как удовлетворительные, т.е. большинство респондентов удовлетворены в той или иной степени отношениями в семье. Неудовлетворительными и невыносимыми отношениями в семье считают 3,7% респондентов.

На вопрос «Скажите, в целом Вы удовлетворены или не удовлетворены своей жизнью в настоящее время?» респонденты ответили следующим образом: «вполне удовлетворен» – 21,2%, «скорее удовлетворен» – 32,1%, «скорее не удовлетворен» – 31,9%, «совершенно не удовлетворен» – 7,7%, «затрудняюсь ответить» – 6,2%, т.е. в настоящее время больше половины опрошенных (53,3%) удовлетворены своей жизнью.

При ответе на вопрос «Считаете ли Вы, что в Вашей семье присутствует насилие одного члена семьи над другим?» большинство респондентов выбрало вариант «нет» – 92,6%, вариант «да» был выбран всего лишь 3,2% респондентов и затруднились с ответом – 3,7%. Скорее всего, затруднившись с ответом следовало бы перенести в графу «да», так как сомнение в том, присутствует или отсутствует насилие в семье, можно трактовать как подтверждение этого.

На вопрос «Присутствуют ли в Вашей семье перечисленные ниже формы поведения. Если да, то как часто они проявляются? Психологическое давление (ругань, издевательства, угрозы, унижения, воспрепятствование общению с родными и друзьями, отказ от общения, отказ в помощи по дому и т.д.), 63,9% считают, что эти формы поведения почти никогда не проявляются. 15,8% считают, что эти формы проявляются редко, 11,1% – иногда, 2,4% – часто и постоянно, затруднились с ответом – 6,4%. Таким образом, мы видим, что у 29,3% респондентов в семье проявляется психологическое давление в той или иной степени.

Психологическое насилие характеризуется преднамеренным манипулированием взрослыми ребенком как объектом, игнорированием его субъектных характеристик (свободы, достоинства, прав и т.п.), либо разрушающей привязанностью между взрослыми и ребенком, приводящей к различным деформациям и нарушениям психического (поведенческого, интеллектуального, эмоционального, волевого, коммуникативного, личностного) развития [4, с. 184]

Явление психологического насилия включает:

а) психологические воздействия (угрозы, унижения, оскорбления, чрезмерные требования, чрезмерная критика, ложь, изоляция, запреты на действия и переживания, негативное оце-

нивание, игнорирование основных нужд и потребностей ребенка и т.п.);

б) психологические эффекты (утрата доверия к себе и миру, диффузная самоидентичность, полезависимый когнитивный стиль, внешний локус контроля, беспокойство, тревожность, нарушения сна и аппетита, депрессия, агрессивность, уступчивость, угодливость, плохая успеваемость, коммуникативная некомпетентность, низкая самооценка, склонность к уединению, суицидальные наклонности, задержка физического и психического развития, личностная психопатология различной этиологии — наркотическая зависимость и другие отклонения);

в) психологические взаимодействия (доминантность, эффективность, непредсказуемость, непоследовательность, неадекватность, неприятие со стороны родителей и субординированность, бесчувственность, ригидность, безответственность, неуверенность, беспомощность, самоуничтожение со стороны детей) [4, 185].

Помимо психологического насилия в семье выделяется экономическое. На вопрос «Присутствуют ли в Вашей семье перечисленные ниже формы поведения. Если да, то как часто они проявляются? Экономический контроль (отказ или угроза отказа в оказании материальной помощи, контроль за расходами другого члена семьи, трата денег на алкоголь, наркотики и т.д.)» респонденты ответили следующим образом: почти никогда — 67,4%, редко — 12,8%, иногда — 9,6%, часто — 1,5%, постоянно — 0,5%, затруднились с ответом — 7,9%. В итоге мы наблюдаем следующую картину: экономическое давление присутствует в разной степени у 24,4% респондентов.

Экономическое насилие проявляется прежде всего в неравномерном распределении доходов, в постоянном контроле семейного бюджета одним членом семьи (мужем или женой) и т.д.

На вопрос «Присутствуют ли в Вашей семье перечисленные ниже формы поведения. Если да, то как часто они проявляются? Физическое насилие (побои, удушения, принуждения к сексу,

использование оружия или бытовых предметов в качестве оружия, изгнание из дома и т.д.)» респонденты ответили следующим образом: почти никогда — 80,7%, редко — 5,0%, иногда — 4,4%, часто — 0,3%, затруднились с ответом — 9,4%. Согласно ответам респондентов, физическое насилие присутствует в семьях у 9,7% респондентов, и почти столько же затруднились отметить случаи физического насилия в своей семье. Если затруднившиеся с ответом не могут четко сказать о том, что в их семьях не присутствует физическое насилие, то это свидетельствует об обратном, т.е. оно есть, и тогда результат будет 19,1% опрошенных.

Таким образом, мы видим, что наиболее распространенный вид семейного насилия — это психологическое (эмоциональное). Этот вид отмечают 29,3 % респондентов. На втором месте стоит экономическое насилие. 24,4% респондентов отметили, что оно присутствует в той или иной мере в семейных отношениях. Физическое насилие присутствует примерно в каждой пятой семье опрошенных (19,1%). Следует отметить, что по отдельности все эти виды семейного насилия встречаются крайне редко. В основном эти виды проявляются в совокупности. Результаты исследования показывают актуальность данной проблемы для республики и требуют дальнейшей научной разработки.

Литература

1. Бадонов А.М. Проблемы выявления жестокого обращения в условиях семьи // Вестник Бурят. гос. ун-та. — 2012. — Вып. 5. — С. 196–200.
2. Всеобщая декларация прав человека (Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.)
3. Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Насилие над женами в современных российских семьях. — М.: Изд-во МГУ, 2003.
4. Орлов А.Б. Психологическое насилие в семье — определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи // Психолог в детском саду. — 2000, № 2-3. — С. 182–187.
5. Straus, M. State-to-state differences in social inequality and social bonds in relation to assaults on wives in the United States. *Journal of Comparative Family Studies*, 25, 1994.

Бадонов Алексей Маланович, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета. E-mail: badonov@mail.ru

Badonov Alexey Malanovich, candidate of sociological sciences, associate professor, department of the theory of social work, Buryat State University. E-mail: badonov@mail.ru

VI. ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

К 60-летию Татьяны Львовны Мироновой

Татьяна Львовна Миронова (23.02.1953) – психолог по призванию. Она из династии педагогов. Ее родители – Лев Харитонович Миронов, Мария Будаевна Цыбикова-Миронова – выпускники Бурятского государственного педагогического института – в системе народного образования Бурятии проработали по 42 года. Оба прошли нелегкий путь: учитель – завуч – директор школы. Ее прадед Николай Семенович Болдонов – видный деятель просвещения и культуры XIX в. (1833–1899 гг.), преподаватель духовной семинарии (г. Иркутск), переводчик, этнограф, автор первых бурятского букваря и грамматики бурятского разговорного языка, составленных на основе русской графики, бурятского словаря, изданных в г. Санкт-Петербурге (1865, 1866 гг.), учитель Балаганского инородческого училища (1864-1884 гг.), лучшего училища Иркутской губернии.

Общий трудовой стаж Т.Л. Мироновой составляет 43 года, в системе образования – 39 лет, в БГУ – 30. Окончила дефектологический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена в 1974 г. по специальности «олигофренопедагогика и логопедия», с 1974 по 1978 г. работала учителем и логопедом в Улан-Удэнской вспомогательной школе № 2, занималась обучением и коррекционно-воспитательной работой умственно отсталых детей.

В 1978 г. поступила в целевую аспирантуру при кафедре психологии ЛГПИ им. А.И. Герцена по специальности «Возрастная и педагогическая психология». Под руководством научного руководителя профессора, д-ра психологических наук Е.А. Климова она подготовила и защитила кандидатскую диссертацию в 1985 г.: «Развитие самосознания учащихся профессионально-технических училищ в процессе профессиональной подготовки».

После окончания аспирантуры с 1983 г. и по настоящее время работает в БГПИ-БГУ. Т.Л. Миронова прошла все ступени преподавательской карьеры в БГПИ – БГУ: сначала – ассистент, потом – старший преподаватель, доцент, а с 2000 г. – профессор. Т.Л. Миронова внесла большой вклад в подготовку учительских кадров для Республики Бурятия, работая на факультете начального образования, естественно-географическом, физико-техническом факультетах.

С 1993 г. по настоящее время работает заведующей кафедрой общей и социальной психологии БГУ.

С 1996 по 1998 г. работала над докторской диссертацией в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова на факультете психологии, в 1999 г. защитила диссертацию «Структура и развитие профессионального самосознания» на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология в МГУ. Т.Л. Миронова – ученица известного ученого Евгения Александровича Климова, академика РАО.

Сфера научных интересов Т.Л. Мироновой, затрагивает следующие области: психологию развития, педагогическую психологию, психологию личности, психологию труда. Главным направлением научной деятельности является изучение самосознания представителей разных профессиональных общностей – врачей-хирургов, психологов, специалистов по социальной работе, представителей рабочих профессий (токарей, поваров и др.). Т.Л. Миронова занимается исследованием актуальных для современной России проблем: социально-психологическая адаптация безработной молодежи, военнослужащих по призыву, сотрудников МВД; этническая толерантность студенческой молодежи.

Ею опубликовано 150 научных и учебно-методических работ. Из них две монографии: «Самосознание профессионала» (1999), «Профессиональная направленность личности» (2013) (в соавторстве с Л.Д. Шагдуровой).

Она является ответственным редактором 9 научных сборников по психологии, заместителем главного редактора Вестника БГУ Вып. 5: Серия «Психология. Социальная работа» (2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013), который включен в список реферируемых ВАК изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора, кандидата психологических наук.

С 2008 по 2011 г. она состояла руководителем исследовательского проекта РГНФ № 09 – 06 – 62601 а/г «Социально-психологические факторы формирования самосознания личности, склонной к перфекционизму» (объем финансирования за два года составил 310 000 р.). Предмет исследования: особенности Я-образа, самоотношения, самооценки, ценностных ориентаций, адаптивных возможностей у студентов, склонных к перфекционизму. Т.Л. Мироновой и исполнителем гранта ассистентом Я.О. Жебрун были представлены научные доклады по результатам исследования на IX Азиатско-Тихоокеанском международном конгрессе психологов (Китай, г. Харбин, 13 – 18 декабря 2010 г.), которые были признаны лучшими, награждены дипломом конгресса.

Сотрудники и аспиранты кафедры, возглавляемой Т.Л. Мироновой, успешно работают по следующим научным направлениям:

1. Самосознание личности; профессиональное самосознание (науч. рук. Т.Л. Миронова). Подготовлены и защищены четыре кандидатские диссертации: Н.Н. Климентьева «Развитие Я-образа в младшем школьном возрасте»; Е.В. Кондратьева «Образ Я будущего социального работника (на примере профессии социального работника)»; В.И. Стенькова «Педагогическая практика как фактор развития профессиональной компетентности будущих психологов, преподавателей психологии»; Е.И. Симончик «Особенности самооценки девочек-подростков с противоправным поведением».

2. Этнопсихология личности. Межэтническое взаимодействие (науч. рук-ли: проф. А.Д. Карнышев, доц., канд. психол. наук Л.И. Эрхитуева). Подготовлены и защищены три диссертации. В рамках данного направления сотрудниками кафедры опубликовано свыше 20 монографий и учебных пособий (А.Д. Карнышев, Т.Ц. Тудупова, Л.И. Эрхитуева). Препода-

ватели кафедры проф. Р.Д. Санжаева, доц. Т.Ц. Дугарова с 2001 по 2003 г работали по гранту РГНФ и разрабатывали тему – «Формирование этнического самосознания подростков как фактор психологической поддержки в условиях изменяющейся России», объем финансирования составил 270 000 р.

3. Доценты Л.И. Эрхитуева (руководитель гранта РГНФ) и Т.Ц. Дугарова исполнитель завершили в 2010 г. работу над исследовательским проектом «Психосемантика общения в контексте взаимодействия «Восток – Запад» как фактор оптимизации кросс-культурных контактов в туристско-рекреационной зоне», объем финансирования – 270 000 р.

Вслед за известными учеными страны (А.И. Китов, В.Д. Попов, А.Л. Журавлев, О.С. Дейнека) в последние годы на кафедре стала активно разрабатываться новая для российской психологии область науки «Экономическая психология». А.Д. Карнышев совместно с учениками и коллегами обосновал специфическую отрасль экономической психологии – экономическую этнопсихологию – и показал возможности применения ее положений и рекомендаций в социально-экономических реформах у разных народов. Сотрудники кафедры, аспиранты, студенты-психологи активно участвуют в разработке проблем экономической психологии. Т.Л. Мироновой опубликовано 13 статей, затрагивающих данную область науки.

На кафедре под руководством Т.Л. Мироновой функционирует две аспирантуры по специальности «Общая психология; психология личности; история психологии», «Социальная психология». Т.Л. Миронова оказывает большую помощь молодым преподавателям кафедры и аспирантам в научно-профессиональном становлении. За время ее работы зав. кафедрой (1993–1996; 1999–2013 гг.) защитили кандидатские диссертации около тридцати преподавателей, аспирантов и соискателей.

В 2008 г. преподаватели кафедры организовали и провели межрегиональную научно-практическую конференцию «Личность и деятельность педагога: история, традиции, инновации», посвященную 200-летию народного учителя, общественного деятеля Я.А. Болдонова и 175-летию народного учителя, лингвиста Н.С. Болдонова. Материалы конференции опубликованы в одноименном сборнике под редакцией Т.Л. Мироновой (282 с.).

В июне 2009 г. кафедра совместно с Байкальским государственным университетом экономики и права организовала международную кон-

ференцию «Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы». По итогам конференции был опубликован сборник материалов XI международной конференции по экономической психологии (Иркутск, 2009. – 600 с.).

Заведующая кафедрой и преподаватели большое внимание уделяют научно-исследовательской работе со студентами. Студенты-психологи под руководством Т.Л. Мироновой успешно выступали на международных научно-практических конференциях по экономической психологии в БГУЭП (г. Иркутск) в 2008, 2009, 2010, 2011, 2012 г.г. (Г. Уланова, А. Кандинская, Н. Санжижапова, Э. Базарсадаева, А. Могордоева, Е. Ахметзянова, И. Конева).

В 2008 г. студентка 5-го курса СПФ М.Д. Будаева заняла 1-е место на Всероссийской олимпиаде по педагогической психологии в г. Комсомольске – на-Амуре. В 2012 г. команда студентов-психологов СПФ на Всероссийской олимпиаде по психологии «Психология образования» (г. Барнаул) заняла 4 место. В 2012 г. студентка М. Петрякова во Всероссийском конкурсе по инклюзивному обучению заняла второе место.

Т.Л. Миронова принимает активное участие в научной жизни региона и страны, выступает с научными докладами на научно-практических конференциях разного уровня. В индивидуальном рейтинге по НИР занимает ведущие позиции.

Ею проведена большая работа по лицензированию, открытию специальности «Психология» в 1999 г., организации и осуществлению учебно-воспитательного процесса на отделении «Психология», а также повторному лицензированию и аккредитации. Кафедра общей и социальной психологии, возглавляемая проф. Мироновой, 14 лет осуществляет подготовку психологов, за этот период выпущено более 500 психологов. С образованием отделения психологии БГУ превратился в центр по подготовке высококвалифицированных психологических кадров для Республики Бурятия и Байкальского региона. Шесть выпускников-психологов окончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации. Это – Л.С. Махакова (Госуниверситет управления, г. Москва), С.П. Табхарова (Ин-т психологии РАН, г. Москва), А. Зеленкин (СПб ун-т, г. Санкт-Петербург), Д.Р. Базарова (ДВГУПС, г. Хабаровск), А.В. Комарова (БГУ, г. Улан-Удэ), Н.В. Цыбенова (БГУ, г. Улан-Удэ).

В 2011 г. получены лицензии на открытие бакалавриата по направлению 030300.62 Психоло-

гия, профиль подготовки – «Социальная психология», а также магистратуры – «Психология личности».

Т.Л. Миронова читает курсы лекций по общей психологии, методологическим основам психологии, социальной психологии, психологии труда на социально-психологическом факультете. На высоком методическом и научном уровне проводит все виды учебных занятий, под ее руководством защищено более 100 дипломных работ.

Много внимания она уделяет профессиональному становлению молодых преподавателей высшей школы. Шесть лет она работает на курсах профессиональной переподготовки преподавателей высшей школы при БГУ, читает курс лекций и ведет семинары по дисциплине «Педагогика и психология высшей школы», а также осуществляет руководство дипломными работами слушателей.

Также ею проводятся занятия со студентами и в других вузах страны: читала лекции и проводила семинары по дисциплине «Введение в профессию» в Международном эколого-политологическом университете (г. Москва), вела спецкурс «Психология общения в младшем и подростковом возрасте» в Московской гуманитарно-социальной академии.

Ее неоднократно назначали председателем ГАК по специальности «Психология»: в Хакасском государственном университете (г. Абакан), Забайкальском государственном университете (г. Чита), Гуманитарном институте (г. Москва, Байкальский филиал) Байкальском экономико-правовом институте (г. Улан-Удэ), а также в Республиканском институте кадров управления и образования по специальностям «олигофренопедагогика», «логопедия» (г. Улан-Удэ).

Т.Л. Миронова принимала активное участие в организации курсов практических психологов с 1991 г. За эти годы практическими психологами в сфере образования, здравоохранения, МВД, МЧС стали более 800 слушателей из республик Бурятия, Саха-Якутии, Тыва, Забайкальского края, двух автономных округов – Усть-Ордынского и Агинского. С 1999 г. по настоящее время является руководителем курсов профессиональной переподготовки психологов. Около сорока выпускников курсов психологов стали кандидатами наук, а три человека – докторами наук и работают не только в вузах Республики Бурятия (Восточно-Сибирском технологическом университете, Восточно – Сибирской академии культуры и искусств), но и во многих вузах Российской Федерации – Московском го-

сударственном университете имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургском госуниверситете, Новосибирском госуниверситете, Томском госуниверситете, Байкальском госуниверситете экономики и права, Байкальском филиале Гуманитарного института (г. Москва).

Татьяна Львовна сочетает преподавательскую, организаторскую, научно-исследовательскую деятельность в вузе с практической педагогической и психологической деятельностью в системе народного образования и здравоохранения Республики Бурятия. Она 10 лет работала учителем, логопедом, педагогом-психологом в ГОУ «Республиканская специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат II вида, из них – 7 лет с детьми, имеющими отклонения в развитии (умственно отсталыми, слабослышащими школьниками). С 2000 г. и по настоящее время работает медицинским психологом в Республиканском психоневрологическом диспансере г. Улан-Удэ, занимается патопсиходиагностическим обследованием больных с нервно-психическими патологиями, психокоррекционной, психореабилитационной работой, а также судебно-психологической экспертизой. РПНД является базой для проведения психологической практики со студентами СПФ по специализации «Клиническая психология».

Она оказывает учебно-методическую, консультативную помощь практическим работникам образования, занимающимся обучением, воспитанием и социальной адаптацией детей-инвалидов. С 2006 г. и по настоящее время ведет занятия на курсах профессиональной переподготовки в РИКУО по специальностям «олигофренопедагогика», «логопедия». С 1992 по 2006 г. – член экспертно-профильной группы по аттестации педагогов образовательных учреждений коррекционного типа.

Татьяна Львовна проводит значительную просветительскую работу в учреждениях г. Улан-Удэ и Республики Бурятия. Вела курсы по психологии среди работников Народного Хурала РБ, налоговой инспекции РБ, Министерства чрезвычайных ситуаций, начальников отделов кадров ряда министерств и ведомств РБ.

В 2004 г. на конкурсе учебных пособий для студентов, проводимом УМУ БГУ, за учебно-методическое пособие Т.Л. Мироновой «Дипломная работа по психологии» присуждено 1-е место.

В 2005 г. профессор Т.Л. Миронова награждена дипломом Министерства образования и науки Российской Федерации за научное руководство студенческим проектом, отмеченном медалью «За лучшую научную студенческую работу» по итогам открытого конкурса по естественным, техническим и гуманитарным наукам в вузах Российской Федерации.

Она является членом Ученого совета БГУ, а также докторского диссертационного совета по педагогике (2002-2009 гг.). Выступала как оппонент и эксперт докторских и кандидатских в диссертационных советах вузов Российской Федерации.

Т.Л. Миронова в 2011-2013 гг. провела большую работу по подготовке документов для открытия диссертационного совета по защите докторских диссертаций по специальности 19.00.01 – Общая психология, история психологии, психология личности.

Т.Л. Миронову характеризуют следующие качества: профессиональная направленность, творческое, ответственное отношение в работе, гуманизм, высокий уровень развития педагогических, организаторских способностей, эрудированность, принципиальность, моральная устойчивость, целеустремленность, общая и специальная компетентность.

Награждена Почетной грамотой Министерства образования Республики Бурятия (1992), нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2003).

Ее дочь Эржена Валерьевна Дондупова – экономист-математик – окончила аспирантуру при кафедре математических и инструментальных методов анализа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, работает в Министерстве экономического развития РФ зам. начальника отдела Департамента государственного регулирования тарифов, инфраструктурных реформ и энергоэффективности. Она проявляет интерес к психологии, совместно со своей матерью опубликовала ряд статей по психологии. Эржена оказывает Татьяне Львовне большую помощь в использовании информационных технологий в учебно-воспитательном процессе вуза.

Мы поздравляем Татьяну Львовну со знаменательной юбилейной датой и желаем успехов в научно-педагогической деятельности, воплощения творческих замыслов, а также здоровья, счастья, благополучия и удачи.

Р.Д. Санжасва

СОДЕРЖАНИЕ

I. Общая психология. Психология личности. Клиническая психология

<i>Песков В.П.</i> Представление в системе бытия.....	3
<i>Миронова Т.Л., Шагдурова Л.Д.</i> О профессиональной направленности личности студентов специальности «Социальная работа».....	9
<i>Будаева М.Д.</i> Особенности самосознания родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии.....	13
<i>Колмакова Н.В.</i> Особенности высших психических функций у сельских младших школьников.....	20
<i>Базарсадаева Э.Ж.</i> К вопросу об истории изучения эмоционального интеллекта.....	24

II. Социальная психология. Этнопсихология

<i>Миронова Т.Л.</i> К вопросу о лидерстве и руководстве.....	32
<i>Евдокимова А.С.</i> Особенности проявления личностных детерминант экономической социализации личности: экономическое поведение.....	43
<i>Янданова Т.И.</i> Социально-психологические аспекты отношения молодежи к лицам с ограниченными возможностями здоровья.....	46
<i>Монсонова А.Р., Санжаева Р.Д.</i> Ценностное измерение личности как субъекта этноконфессиональных отношений.....	51

III. Психология профессионала

<i>Лысуенко С.А.</i> Способность самоуправления как фактор развития профессиональной Я-концепции студентов колледжа.....	55
<i>Кравец Г.В.</i> Социально-коммуникативная компетентность как ключевая компетентность в профессиональном становлении психолога.....	60

IV. Психолого-педагогические аспекты обучения, феноменология личности

<i>Ли Е.Е.</i> Методологические возможности системного подхода для изучения структурных компонентов системы воспитания как социально-психологического явления.....	65
<i>Жаргалсайхан Б.</i> Некоторые особенности интеллектуально одаренных учащихся из России и Монголии.....	70
<i>Санжаева Р.Д., Бадмаева Х.Т.</i> Развитие креативности у детей младшего школьного возраста.....	74

V. Актуальные проблемы теории и практики социальной работы

<i>Базарова Т.С.</i> Критерии профессионализма специалиста по социальной работе.....	78
<i>Лагойда Н.Г.</i> Проблема подготовки современной молодежи к браку и пути ее решения.....	82
<i>Бымбыгыденова С.Б.</i> Национальные виды спорта как средство социально-духовного развития молодого поколения.....	87
<i>Ихисонова В.В.</i> К вопросу об изучении социальной структуры общества в рамках структуралистского подхода в социологии.....	91
<i>Чернова Е.В.</i> Теоретико-методологические подходы к научному анализу процесса социализации асоциальных категорий населения.....	95
<i>Базарова Е.Б.</i> К вопросу о ювенальной юстиции.....	99
<i>Котоманова О.В.</i> Профессиональная карьера как путь личностного развития женщины.....	102
<i>Цыденжапова Э.Д.</i> Формирование социальной компетентности подростков в условиях этнокультурной среды.....	106
<i>Долгова Т.М.</i> Особенности развития приемной семьи для граждан пожилого возраста в Республике Бурятия.....	110
<i>Базаров А.Б., Базарова Т.С.</i> К вопросу о развитии социальной рекламы в Республике Бурятия.....	114
<i>Трусова А.М.</i> Подготовка кандидатов в замещающие родители и сопровождение замещающей семьи в Республике Бурятия.....	118

<i>Антонова Н.С.</i> Языковое поведение личности как показатель социальной стратификации и роль языковых изменений в процессе модернизации.....	121
<i>Бутуева З.А.</i> Особенности развития современной системы социального обслуживания людей старшего возраста в Республике Бурятия в условиях реформирования.....	126
<i>Гениндоржиева Д.Б.</i> Концепция харизмы Макса Вебера.....	131
<i>Потась А.Г.</i> Инновационные методы организации социального обслуживания граждан пожилого возраста.....	135
<i>Емельяненко О.С.</i> Государственная поддержка многодетных семей.....	139
<i>Бутуева З.А., Козулин А.В.</i> Особенности миграционных процессов в Бурятии в начале XXI в. и меры по их регулированию.....	144
<i>Бадонов А.М.</i> Особенности проявления насилия в семье в Республике Бурятия.....	150

VI. Юбилей, даты, события

К 60-летию Татьяны Львовны Мироновой.....	153
---	-----

CONTENTS

I. General psychology. Psychology of personality. Clinical psychology

<i>Peskov V.A.</i> Representation in a system of being.....	3
<i>Mironova T.L., Shagdurova L.D.</i> On professional orientation of students personality studying a speciality «Social work».....	9
<i>Budaeva M.D.</i> Self-consciousness peculiarities of parents who bring up children with disabilities in development.....	13
<i>Kolmakova N.V.</i> Peculiarities of higher mental functions in rural younger schoolchildren.....	20
<i>Bazarsadaeva E.Zh.</i> To the issue of the history of emotional intellect study.....	24

II. Social psychology. Ethnic psychology

<i>Mironova T.L.</i> , To the issue of management and leadership.....	32
<i>Evdokimova A.S.</i> Peculiarities of personal determinants of economic socialization of personality: economic behavior.....	43
<i>Yandanova T.I.</i> Social-psychological aspects of young people attitude to disabled persons.....	46
<i>Monsonova A.R., Sanzhaeva R.D.</i> Value dimension of personality as a subject of ethnic and religious relations.....	51

III. Psychology of professional

<i>Lysuenko S.A.</i> The ability of self-management as a development factor of professional i-conception of college students.....	55
<i>Kravets G.V.</i> Social and communicative competence as a key competence in professional development of psychologist.....	60

IV. Psychological and pedagogical aspects of teaching, formation and development of personality

<i>Lee E.E.</i> Methodological facilities of systematic approach to study the structural elements of the system of education as a social-psychological phenomenon.....	65
<i>Zhargalsaikhan B.</i> Some features of intellectually gifted pupils from Russia and Mongolia.....	70
<i>Sanzhaeva R.D., T. Badmaeva Kh.</i> Development of creative thinking in primary school children.....	74

V. Actual problems of the theory and practice of social work

<i>Bazarova T.S.</i> Criteria for professionalism of expert in social work.....	78
<i>Lagoida N.G.</i> The problem of modern youth preparation to marriage and the ways of its solution...	82
<i>Bymbygydenova S.B.</i> National sports as means of social and spiritual development of young generation.....	87
<i>Ikhisonova V.V.</i> To the issue of study a social structure of society within structuralist approach in sociology.....	91
<i>Chernova E.V.</i> Theoretical and methodological approaches to scientific analysis of the process of asocial groups of population socialization.....	95
<i>Bazarova E.B.</i> To the issue of juvenile justice.....	99
<i>Kotomanova O.V.</i> Professional career as a path of personal development of women.....	102
<i>Tsydenzhapova E.D.</i> Formation of teenagers social competence in conditions of ethnic and cultural environment.....	106
<i>Dolgova T.M.</i> Peculiarities of development of foster family for the elderly citizens in the republic of Buryatia.....	110
<i>Bazarov A.B., Bazarova T.S.</i> To the issue of the development of social advertisement in the republic of Buryatia.....	114
<i>Trusova A. A.</i> Training of prospective foster families and support of these families in the republic of Buryatia.....	118

<i>Antonova N.S.</i> The linguistic behavior of personality as an indicator of social stratification and the role of language changes in the process of modernization.....	121
<i>Butueva Z.A.</i> Peculiarities of the development of modern system of social service for elderly population in the republic of Buryatia under the conditions of reforms.....	126
<i>Genindorzhieva D.B.</i> A concept of charisma by Max Weber.....	131
<i>Potas A.G.</i> Innovative methods of arrangement of social services for the elderly citizens.....	135
<i>Emelyanenko O.S.</i> State support of large families.....	139
<i>Butueva Z.A., Kozulin A.V.</i> Peculiarities of migration processes in Buryatia at the beginning of the XXI century and measures on their regulation.....	144
<i>Badonov A.M.</i> Peculiarities of violence manifestation in the family in the republic of Buryatia.....	150

VI. Anniversaries, dates, events

On the 60th anniversary of Tatyana Mironova.....	153
--	-----

Научное издание

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 5

ПСИХОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Свидетельство о регистрации
 ПИ №ФС77–36152 от 06 мая 2009 г.
 Федеральная служба по надзору в сфере связи,
 информационных технологий
 и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редактор
Р.В. Хабдаева

Компьютерная верстка
Н.Ц. Тахинаевой

Свидетельство о государственной аккредитации
 № 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 23.04.13. Формат 60x84 1/8.
 Уч.-изд. л. 16,72. Усл. печ. л. 18,83. Тираж 1000. Заказ 439.

Издательство Бурятского госуниверситета
 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
 riobsu@gmail.com